

СМС

ISSN 0131-7377

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

СМС
СМС

ПОЛУЧЕНО
СМС
29 *авг* 1990

1990
1

Ежемесячный журнал
для родителей

Издаётся с мая 1946 года

Главный редактор

В. Ф. СМИРНОВ

Редакционная коллегия:

М. В. АНТРОПОВА,
Т. М. АФАНАСЬЕВА,
И. В. ДУБРОВИНА,
Ю. И. ЕРМОЛАЕВ,
И. Д. ЗВЕРЕВ,
В. А. КАРАКОВСКИЙ,
Г. А. КОВАЛЕВ,
Р. А. КУРБАТОВА,
В. Л. ЛЕВИ,
О. Н. МАМОНТОВА
(зам. главного редактора),
Ф. М. МОРОЗОВ,
В. А. ПОЛЯКОВ,
В. А. РЫБАКОВ
(редактор отдела психологии),
Г. Н. СЕРДЮКОВСКАЯ,
Л. Н. ТИМОФЕЕВА,
В. И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
Б. Т. ШУМИЛИН.

Редакторы отделов:

Н. АВТАМОНОВА (семейного воспитания),
С. ВОЛЬШОНОК (писем),
Л. ОСИПОВА (эстетического воспитания),
С. ПАРСАДАНЯН (семейного быта и досуга),
С. СИВОКОНЬ (литературы и критики),
Е. СМОЛКО (школ).

Редакторы:

Г. БЕЛИКОВА,
Т. БУКАШКИНА,
Ж. БЫКОВА,
Зав. редакцией
Т. ПЕТРОВСКАЯ

Художественный редактор
В. МУСИЕНКО

Технический редактор
С. ПРОСТОВА

Оформление художника
В. КРАСНОВА

На первой и четвертой
странице обложки
фото В. Школьного
и Н. Кузнецовой

Адрес редакции:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7

Телефон редакции:
283-86-14, 283-80-09

В НОМЕРЕ:

ШКОЛА В РАЗВИТИИ	1	В. Стрельцова. Что там, за новым поворотом?..
ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС	3	В. Крупин, Л. Тархова. Только любовь спасительна
ОБЩЕСТВО И СЕМЬЯ	6	Н. Гомельская, Н. Грицаева. Детский сад. Поиск решения
ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»		
В ГОСТЯХ У МАСТЕРА	14	О. Никологорская. Пляшущие человечки
АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	16	Н. Ковальчук. Лицо беды
ПОДРОСТОК И ОБЩЕСТВО	19	В. Чередниченко. За закатом — рассвет
ВНИМАНИЮ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ		
АЗБУКА ОБЩЕНИЯ	24	Ю. Гиппенрейтер. Двенадцать против одного или Что мешает нам слушать ребенка?
РЕБЕНОК И ВЗРОСЛЫЙ	26	Г. Цукерман, В. Слободчиков. Встреча с «Родителями» и «Мудрецами»
СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!	29	Н. Дьяченко. День милосердия, или Долги наши
ИЗ РОДИТЕЛЬСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ		
ЗА РУБЕЖОМ	34	К. Преображенский. В школьном мундире
МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛУБ		
ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ	45	С. Сивоконь. Отец и сын
КНИГИ		
ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ	50	М. Романушко. Наши зимы и лета, вёсны и осени
ФИЗКУЛЬТУРА КАЖДОМУ — КАЖДЫЙ ДЕНЬ		
	53	А. Гурфинкель. На каток — за здоровьем
	56	У нас в гостях журнал: «Общественное питание»
ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ НАШ ДОМ		
ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ	64	В. Алексеев. О картине Жан-Оноре Фрагонара «Поцелуй украдкой»
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ		

Сдано в набор 15.11.89 г. Подписано в печать 8.12.89. А03688. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага «Котлас». Печать глубокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отг. 12,6. Уч.-изд. л. 12,97. Тираж 3076180. Заказ 2688. Цена 30 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР
и Государственного комитета СССР по печати
107847, Москва, Лефортовский пер., 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати.
142300, г. Чехов Московской области

фото Н. Сатина, г. Лилецк

Гимназия...
 Еще недавно мы считали,
 что это слово навсегда оста-
 лось в прошлом. Но вот оно
 вернулось. Что значит оно
 сегодня?

Фото И. Тимошенко

Валерия СТРЕЛЬЦОВА

ЧТО ТАМ, ЗА НОВЫМ ПОВОРОТОМ?..

...П ровожая ребенка в первый класс, мы мысленно представляем себе человека, которому со спокойной душой доверили бы малыша. Одни вспоминают при этом своего любимого учителя, другие ориентируются на полюбившийся литературный образ или героя фильма. Я тоже примеривала к сыну «самого-самого»...

И вот мы с ним переступаем порог школы. Наверное, я волнуюсь все-таки больше — ведь знаю уже многие школьные «рифмы». Сын же идет в школу с явным интересом. Тогда я еще ждала от школы помощи в воспитании мальчика, верила в ее мудрость и преданное служение долгу...

Мне казалось, что начало учебы — это то самое время, когда ребенок, оторвавшись от руки заботливой мамы, находит в первом учителе столь же доброго друга и помощника. Это первые уроки нравственности, начало знакомства с той сложной жизнью, которая окружает малыша, — он уже не только в родной семье, он еще и в «общественном учреждении»! И вот насколько проникнутся юные пониманием того, что есть добро и зло, честь и совесть, милосердие и великодушье, — от этого зависит вся их дальнейшая судьба, да и судьба нашего общества тоже. К несчастью, школа почти утратилась от гуманнейшей задачи нравственного воспитания — ей надо «проходить программу», «давать учащимся прочные знания»... Каковы эти «знания» сегодня, можно судить лишь по двум показательным цифрам, прозвучавшим на августовском совещании работников народного образования Москвы накануне учебного года: тестирование московских десятиклассников показало, что из 18 тысяч ребят полностью справились с заданием по математике и получили высший балл лишь 1162 ученика. Каждый третий ученик, поступающий в профессионально-техническое училище, безграмотен, не в состоянии выполнить простейшие математические преобразования.

И еще говорилось, что система воспитания, которая у нас сложилась, отстает от требований жизни. Не случайно появление в городе различных неформальных групп асоциальной направленности... Они не только результат процессов, происходящих в обществе сегодня, но и следствие низкого уровня педагогической и психологической культуры работников народного образования, инертности, консерватизма, авторитарных методов обучения и воспи-

тания. К сожалению, педагоги часто борются не за подростка, а с подростком.

А вот еще более страшные цифры из справки Госкомобразования: за первые пять месяцев прошлого года рост преступности среди несовершеннолетних учащихся возрос по сравнению с аналогичным периодом 1988 года на 22 процента. Тенденция — увеличение корыстных преступлений, преступлений против личности, совершенных с особым цинизмом и жестокостью. О трагическом неблагополучии в жизни подростков свидетельствуют и такие факты: 900 тысяч несовершеннолетних задерживаются за правонарушения и бродяжничество в течение года. В 1988 году убито 1299 детей и подростков, 2194 покончили жизнь самоубийством.

По заключению группы социологов Всесоюзного центра изучения общественного мнения, опросивших 959 учителей, 1764 учащихся старших классов и 1250 родителей, «наша общеобразовательная школа находится в жесточайшем кризисе и требует неотложных мер для радикальной реконструкции». Ученые-социологи отметили падение престижа учительской профессии и образования в целом, обнаружили признаки разрушения профессиональной этики учителей, прежде стоявшей преградой на пути использования школы и ее работников для целей, чуждых просвещению народа. Например, учительство стало утрачивать иммунитет к таким социальным болезням эпохи застоя, как коррупция, двоемыслие, цинизм и т. д. Полученные в результате опроса данные свидетельствуют о том, что большая доля учительства находится в конфликте со своими учениками. И причина не в падении дисциплины и порядка, не в распухлости молодежи, а в возникшем противоречии между новой и старой ролями учителя. Он претендует на прежний авторитет, почет, любовь и уважение детей, но встречает отказ.

В одном из интервью перед началом учебного года председатель Госкомитета СССР по народному образованию Г. А. Ягодин говорил, что, хотя учителю теперь дан больший простор для творчества, условия обучения остаются прежними, очень низким уровне. Так что ждать лучшего, каких-либо кардинальных перемен вряд ли придется.

— ...И тут, — в заключение сказал Геннадий Алексеевич, — очень важна помощь родителей. Вместе с учителем они могут добиться отличных результатов...

А мне подумалось: если это так, то роди-

телям, выходит, опять придется «самообразовываться»?!. Потому что на деле (большая читательская почта говорит то же) обычно получается не «вместе» с педагогом, а «вместо» него.

Стало уже привычным, что школа безапелляционно перекладывает всю ответственность за проступки и неуспехи учеников на семью, напрочь забывая свое предназначение и свои возможности. Кому, как не специалистам и педагогам, умудренным знанием детской психологии и опытом педагогики разных времен и народов, искать «ключики» к самым неугомонным, неуживчивым, даже дерзким? Ведь может быть, именно в таких ребятах «кладезь талантов». Так разгляди, учитель, открой, научи! Но, увы, раскрывать индивидуальность — зачастую оказывается слишком хлопотно для школы. Неподохожесть, своеобразие характера, яркая индивидуальность неудобны, вызывают неприятие и раздражение у педагогов. И в первую очередь у таких ребят сложившаяся школьная система настойчиво и последовательно отнимает радостный мир детства с его игрой, движением, фантазией, с искренней любовью близких и их восхищением: «Ах, ты моя умница!» А что дает взамен? Скуку, принуждение, наказания. Заметьте: дети разучились играть! Они просто не умеют играть! Понаблюдайте: наши младшие чаще всего бездумно носятся по улицам, оглушая себя и окружающих дикими криками, на переменах молотят друг друга кулаками и ногами, начисто отвергая древние «заветы чести»: двое на одного — стыдно, лежачего не бьют, «поддых» — подло! А то от скуки находят «дела»: жгут почтовые ящики, письменно демонстрируют «успехи» в овладении самым темным пластом нашей речи, организуют «эксперименты» над братьями нашими меньшими... Подростки — те уходят в подвалы и подвезды, подальше от людей, и досуг их зачастую — совсем не безобидные «шалости»...

И ведь что происходит: многие взрослые, забыв, что сами «родом из детства», ожесточенно гонят своих шумных сограждан с ледяных горок и площадок во дворах, с лыжных дорожек в скверах — лед посыпается песком и солью, лыжня коржится ломом, с корнем выворачиваются турники: лишь бы не гадали под окнами, не мешали выгуливать собаку!.. Куда же деваться юным «изгоям»?!

Учителя всего этого вроде и не замечают, как «не знают» о том, что на их уроках порой сидят одуревшие от ядовитых паров или «хватившие малость» ученики, — медки уже бьют тревогу! Что за этим «неведением» — неподготовленность к встрече с проблемой или стойкая жизненная «позиция»: «Мое дело — прочные знания»? Но ведь именно педагоги особенно часто высказывают чрезвычайно негативное отношение к своим ученикам, отмечая «падение общей культуры» и их «умственную отсталость». Так кто же больше виноват в провалах нравственного воспитания детей: семья или школа? И вот что надо заметить: педагоги склонны видеть причину бед где угодно, но только не у себя...

Взаимное недовольство учителя и ученика, школы и семьи, общества и школы растет, порождая серьезные социальные проблемы. В связи с этим стоит вспом-

нить слова первого нарком просвещения страны, который еще в 1928 году предостерегал: «В том случае, если в коллективе во время работы или организованного отдыха дети невнимательные, шалуны или вредители преобладают или находятся в очень большом числе, мы можем без обиняков сказать, что виноват либо педагог, либо его педагогическая система... Ни дисциплина, ни отсутствие дисциплины при неправильной организации школьных занятий помочь не могут». Стоит ли обвинять ребят в том, что многочисленные ныне «шалуны и вредители», натерпевшись в школе несправедливостей и обид; выходят из ее стен с весьма расплывчатыми знаниями, но с явным желанием отомстить за испытанные унижения?..

Накануне Учредительного съезда Творческого союза учителей «Комсомольская правда» объявила «Горячий телефон». Общая тональность звонков, раздавшихся вслед за этим в редакции, очень тревожна: если в ближайшее время не будут приняты какие-то кардинальные меры, школа уже никогда не выкарабкается из того кризиса, в коем она пребывает в настоящее время. А не будет человеческой школы — вряд ли сумеют следующие поколения наладить в стране жизнь, достойную XXI века.

Нашей школе сегодня, как никогда, нужна культура, говоря словами того же А. В. Луначарского, «начиная с грамоты, кончая наукой, культура в области мысли и культура в области чувства».

Культуры не хватает не только учителям — всему нашему обществу. Но «новая» культура не может быть без корней, уходящих в прошлое, «новой» школе не бывать без лучших традиций лет минувших...

Мне в жизни повезло с учителями — многих вспоминаю с нежностью и благодарностью, хотя и в мои школьные годы заметны были растущие противоречия школьной системы. Есть у меня давняя подруга — сельская учительница, с кем я часто советуюсь в надежде набраться ума-разума. Журналистская работа помогла мне узнать многих замечательных педагогов, для которых учительский труд — зов души.

В дореволюционные годы учителем была и моя бабушка — бережно храню ее гимназический аттестат, где перечислены учебные предметы: закон Божий, русский, французский и немецкий языки, математика, история, география, естествоведение с гигиеной, физика и космография, педагогика, рисование. И еще одна строка гласит: «Сверх того, она обучалась чистописанию, рукоделию, хоровому пению, гимнастике и танцам!» Так как при «отличном поведении» по всем предметам были лишь отличные отметки, бабушка была «признана достойной права на золотую медаль». Аттестат выдан в 1911 году. А в 1912 году «девица Елизавета Пировская, прослушав курс словесного отделения дополнительного педагогического класса и исполнив с успехом установленные практические упражнения», получила свидетельство на звание домашней наставницы тех предметов, по которым она показала хорошие успехи.

Родившись в прошлом веке, окончив гимназию, бабушка до конца дней своих (она умерла в 76 лет) легко говорила

по-французски и по-немецки, прекрасно знала историю земли Российской и историю мировой литературы, умела находить общий язык и с маленьким ребенком, и с человеком преклонных лет. В годы моей учебы в школе и институте она была для меня лучше всякой справочной библиотеки — так обширны были ее гимназические познания! Волей-неволей я часто сравнивала свои знания и ее — из царского времени». Получалось явно не в мою пользу, поэтому слово «гимназия» давно вызывает у меня чувство восхищенного преклонения...

И вот ошеломляющая новость — в Москве открываются гимназии!

Еду в одну из трех московских школ-гимназий, в 67-ю, и попадаю на августовский педсовет. Неординарное по своей глубине, открытости и эмоциональности выступление директора Евгения Семеновича Топалера вызвало во мне и радость, и сомнения, и досаду... Я чувствовала, что не столько профессиональный интерес журналиста, сколько материнский долг заставляет меня с пристрастием вслушиваться в слова «главного воспитателя школы» (как называл директора К. Д. Ушинский), вглядываться в лица наставников будущих гимназистов: не очередная ли это кампания по смене вывесок? Что и как скоро изменится в школьной системе с появлением этой новой и такой старой формы обучения и воспитания?

Газеты уже сообщили, что основная задача гимназий — давать более глубокие и обширные знания тем способным ребятам, кто хочет учиться, помогать им найти верную профессию, стать по-настоящему культурными людьми, интеллигентами.

Вокруг создания гимназий уже ходят разговоры, что они-де «для избранных», «элитарны», что не обходится там без «конкурса родителей»... Мое мнение: хорошо, что «для избранных», для тех, кто может и стремится учиться. Сил нет больше слышать о «среднем показателе уровня знаний среднего ученика средней общеобразовательной школы!» Ведь в такой «общей средней» среде мы теряем одаренных ребят — они, приравненные диким тезисом «как все», просто стесняются своих «лишних» знаний, боятся быть «умнее других». Откуда же нам тогда ждать появления ярких личностей, способных свершить задуманные страной позитивные перемены в обществе?! Так пусть именно одаренные ребята, выдержав конкурсные испытания и поступив в гимназию, особенно глубоко изучают те предметы, которые им по душе: математику, химию, биологию, физику, литературу... Всем им, независимо от выбранного профиля, предстоит изучать иностранный язык, а то и два. Будет у ребят история искусств, музыка, история религии, латынь... Будут факультативные курсы, лекционно-зачетная система, дающая возможность досрочно, экстерном сдавать экзамены.

Что же касается «конкурса родителей», то, познакомившись с Е. С. Топалером, побывав на педсовете, я твердо уверена: 67-й школе-гимназии такой порок эпохи застоя не грозит. (Хотя особо ретивые родители уже всеми средствами проверяют ее директора «на прочность».) Среди здешних учителей почувствовала я тот здоровый

моральный дух, который уберезит педагогический коллектив от опасных болезней, поразивших нашу систему образования.

— Мы своей совестью отвечаем за каждого нашего воспитанника, — говорил на педсовете Евгений Семенович, обращаясь к коллегам-учителям. — Нам дано право учить по индивидуальным программам, составленным нами самими, как считаем нужным; привлекать к работе школы тех специалистов, в которых есть необходимость. Но мы должны учесть наших гимназистов в отрыве от реальностей сегодняшнего момента, чтобы не обрекать ребенка на драматическую судьбу, — углубленно изучая какую-либо науку, окунаясь во все прелести мировых культурных ценностей, ученик должен получить знания и по самым обычным, «будничным» школьным предметам — без них ему в жизни не обойтись. Вам же предстоит в этом случае отбирать из тем и параграфов учебника лишь самое существенное, самое нужное. Чтобы не превратилось учение в мучение, а ребенок не стал бы физическим и психическим калекой... Школа не имеет права списывать свои недостатки и недостатки на хаос в обществе, на нерешенные проблемы в стране в целом. Мы должны четко стоять на своих позициях и выполнять свой долг — учить детей!..

Теперь я знаю, что идея «школа-гимназия» не навязана Евгению Семеновичу «сверху» — наоборот, за такую школу пришлось долго и трудно бороться! Инициатива исходила от педагогического коллектива, имеющего давние традиции: не стоять на месте, искать пути обновления и возрождения светлого и разумного. И для него гимназия — шаг в этом направлении.

Нелегкими оказываются такие смелые шаги для энтузиастов!

Не секрет, остра проблема высококвалифицированных учительских кадров, не хватает и опытных педагогов-воспитателей, и специалистов-психологов, и социологов. А ведь при гимназической форме обучения потребность в них особенно велика. Кто защитит гимназию от проникновения в ее стены педагогически непригодных людей, чей «труд» способен погубить не только хорошую идею, но и души наших растущих сограждан? На какую почву упадут латынь, древнегреческий, история культуры и религия, логика и шедевры мировой художественной литературы — ведь нынешние гимназисты-семиклассники — «продукт деятельности» самых обычных московских школ, где их учили «как всех»? Каковы будут «всходы»?

Не уйти и от проблемы наполняемости классов — их хроническое «перенаселение» вопиюще противоречит желанию учителей учить детей на совесть. Появившееся летом прошлого года «Положение о средней общеобразовательной школе» не «работает»: цифры — 25 человек в начальных классах и 30 в старших — лишь на бумаге.

А как соотносятся прекрасные мечты о воспитании высокообразованной личности с такой вот реальностью школьного существования. В ходе педсовета в 67-й школе раздался голос молодого учителя биологии: «Как мне проводить уроки в актовом зале?»

Окончание см. на стр. 18

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ СПАСИТЕЛЬНА

Время, полное противоречий... Именно с этого — с примет сегодняшнего времени — начался разговор с писателем **ВЛАДИМИРОМ КРУПИНЫМ**.

— Из ваших выступлений в печати видно, как остро воспринимаете вы сегодняшнее состояние нашего общества — нравственное, экономическое, психологическое.

— Да, мне уже случалось говорить о том, что мы даже не живем, а выживаем. Термин-то какой жуткий появился: выживание! Ухитрились отравить все стихии — воздух, воду, землю. И теперь, говорят медики, достаточно десяти длинных парниковых огурцов для убийства человека. Отравленные продукты, воздух, вода проникают в организм и там вершат свое черное дело, отнимая у тела всякую способность к сопротивлению, снижая уровень мышления. Но и отравленный мозг в состоянии наконец-то осознать: развитие цивилизации не всегда являлось прогрессом, вперед шла только цивилизация, ее «достижения» оплачивались гибелью природы. Собственно, нас окружает уже не природа, а отходы цивилизации, отходы производства. А ради чего принесены эти жертвы? Ради того, чтобы нам жилось все теплее и сытнее? Погоня за улучшением быта сродни той же гонке вооружений. Чем меньше человеку надо, тем он свободнее.

— Как говорит герой фильма Андрея Тарковского «Жертвоприношение», грех — все, что не необходимо. Но слова эти произносит человек немолодой, состоятельный, имевший в своей жизни много «не необходимого». Его отказ от излишеств выстрадан и потому понятен. А можем ли с таким же драматизмом говорить об этом мы, не знающие, в какую очередь кидаться — за стиральным порошком или за утюгом, без которого тоже не проживешь? Другое дело, что воевали с природой, травили землю все — и американцы, и шведы, и мы, а материальный результат получился слишком разный.

— Да, мы имеем гораздо меньше благ, но и для нас проблема гонки потребления актуальна, поскольку люди ненасытны.

— Как выразился один критик, приходится тратить бездну духовных сил на борьбу за материальные блага...

— А всегда ли они того стоят? *Идея фото Н. Кочнева, Москва*

самоограничения не нова, но сегодня звучит насущно, как никогда. Мы занесли ногу над пропастью.

— И как это положение отражается, по вашим наблюдениям, на человеке, его жизни?

— Страшно отражается. Мы боремся с наркоманией, пьянством и удивляемся, как ничтожны успехи. И никак не докопаемся в антиалкогольной пропаганде до корня. Алкоголь и никотин гасят стрессы, для многих это простейший и самый доступный способ снять напряжение существования. От потребности в таком «лекарстве» избавят не медики и не милиция, а ничем не отягченная совесть и уверенность в завтрашнем дне. Но до этого пока далеко, и нарастает число людей, чья психика не справляется с нервными перегрузками! Картина тяжелая. И нет надежды, что она скоро переменится, ибо по-прежнему всюду дымят ядовитыми газами трубы, бесмысленно горят «вечные огни» газовых выбросов. Земля наша на сотни километров завалена отходами заводов и шахт, русла рек устланы гниющим лесом. Этот лес мог бы нас кормить, «дышать» за нас, а мы его уничтожаем. И нет этому безобразию видимого конца.

Самое страшное, что с нами случилось за последние десятилетия, — мы забыли о любви к ближнему. А это хлестнуло и по природе. Пока человек плохо относится к другому человеку, он будет плохо относиться к природе. И потому вопрос этот может нормализоваться только при направлении социальной жизни в более или менее нормальное русло. При возвращении культуре ее истинного значения. При возвращении прежнего веса слову «нравственность». Ибо верно и точно древнее правило: тело спасти невозможно, оно смертно, спасти можно только душу.

И среди множества причин наших сегодняшних бед, несомненно, свою черную роль сыграло разрушение традиционных ролей мужчины и женщины. Ужасающее искривление вековых природных начал — мужского и женского. А мы сейчас пожинаем плоды: женщины с кувалдами, за токарным станком, на тракторе... У них нет ни сил, ни времени склониться над колыбелью. И растут несчастные, не знающие материнской ласки дети. Все это результат неестественности, искривления веками существовавших, предопределенных природой от-

ношений между мужчиной и женщиной. Как можно быть независимым от природы, экономики, возраста, погоды? Попробуйте пренебречь хоть одним из этих факторов и сейчас же получите отрезвляющий щелчок. А независимость от мужа? Мы многократно смеялись над фразой «Жена да убьет мужа своего», а ведь она несла глубинный двойной смысл, за которым обоюдная ответственность: мужа — за жену, и жены — за мужа...

— Да, ответственность — качество не только желательное, но и обязательное, но почему она должна держаться на страхе, питаться страхом? Как ни пытаюсь осмыслить эту фразу по-вашему, не получается, не вижу в ней ничего, кроме желания мужчины утвердить свою власть, причем с позиции силы. Впрочем, вы, как известно, стремитесь реабилитировать и «Домострой»...

Да, именно, ведь эту книгу, выдернув из нее несколько цитат, сделали пугалом. Хотя у нее надо бы учиться. Точнее, у народа, ее создавшего. Эта книга учит тому, что строить Дом — семью то есть — одно из главнейших назначений человека. Что хозяин, кормилец отвечает за семью, мать — за детей. Что чистым должен быть не только дом, но и, говоря современным языком, моральный облик семьянина. Да, в «Домострое» утверждается лидерство мужчины, но разве оно не предопределено самой природой? А в наших юридических законах в области семейных отношений нет понятия главы семьи.

— Сегодня такое главенство, мне кажется, может существовать лишь психологически. Если складываются в семье отношения именно так — и слава богу, совет супругам да любовь! Но закрепляет недущее положение мужа в законе! Это что же значит — назад, к прежнему неравенству?

— А что же, сохранять ныне сложившееся фактическое неравенство? При разводе, например, мужчина обычно лишается всего — ребенка, имущества.

— Да, согласна, здесь закон, как будто бы гарантирующий равенство сторон, предпочитает работать только в интересах женщины. После нескольких статей я получила много писем от мужчин и была поражена, какой безысходностью и отчаянием они были наполнены. Такое, например: «Мне сорок пять. Не старость еще, но чувство такое, точно жизнь кончилась. Только что нас развели. Дети, квартира — все остается жене. Я же гол как сокол, должен все начинать сначала. Но сил нет, многолетняя семейная война всего выпотрошила. И еще одно: «Я давно понял, что жену не люблю. Да и она, наверное. Держался сколько мог ради сына. Но случилось такое, чего перенести уже не мог. Застал жену дома с любовником. В соседней комнате играл наш малыш. Суд оставил ребенка с женой, хотя я хотел взять его к себе, она не сможет воспитать из него человека. Мне его не отдали, разрешили видеть сына — это решение суда! — два раза в неделю...»

— Все это потому, что равенство, обговоренное в законе, не соблюдается на деле. Предполагается, что женщина всегда права. Хотя правота ее действи-

тельна лишь для короткого периода. Мужчина же в споре о сиюминутном часто проигрывает, выглядит неумелым, неубедительным. Видимо, и на судей, решающих судьбу детей разводящихся супругов, это производит впечатление. К тому же женщина сейчас стала сильнее, чем раньше. — экономически. Но выигрывает ли это? Женщина взяла непосильную ношу и — согнулась. А мужчина, как говорят в народе, обабился. Как точно об этом сказано у Валентина Распутина в рассказе «Слух»: «Присела мужичья порода...» Мужик слаб даже физически, отвык от тяжелой работы. Я знаю, люди иногда долго ждут автобуса, чтобы проехать два километра. Все это не пустяки, не мелочи, они рисуют новый облик современного мужчины, и образ этот так нам иногда не нравится... И литература, и печатать не помогают мужчине воспрянуть. Женщина у нас воспета — это мадонна. Но не создан подобный образ отца, не воспето с такой же трепетностью и талантом и отцовство.

— Да разве у нас в самом деле существует культ матери?! Только что в парадных стихах... А в жизни мадонна тяжеленным ложом ворочает рельсы. Известно, что 51 процент работающих в народном хозяйстве — женщины, но не все отдадут себе отчет в том, что почти половина из них занята тяжелым физическим или слабо механизированным трудом. А четыре миллиона женщин вообще работают в условиях, которые не соответствуют никаким нормам охраны труда. При минимальной оплате к тому же. Согласна, культ отцовства у нас нет. Женщину мы не любим, мужчину тоже. Бюрократов не любим, милиционеров не любим... А кого, собственно, наше общество еще принимает?

— Может быть, только дети остались. Мне кажется, именно здесь и спасение: и мужчины, может быть, это инстинктивно чувствуют. Мама, она у меня смотритель музея в Кирове, говорит: «Все больше теперь идут отцы с детьми, в гардеробе деточек одевают сами, а жены барынями стоят». Это реакция: некоторые отцы спасаются любовью к детям. Я, как отец, могу сказать: очень легко перенося любые неприятности, а их хватало, ссоры с детьми пережить не могу. И всегда виноват себя. У отцов вообще особые отношения с детьми, и в этом еще ни один психолог не разобрался. А жаль, наука могла бы устранить многие противоречия из тех, о которых мы говорим. Такое вот, например.

Уже давно на первом месте стоит у нас работа, производительный труд. И не семьянин, а работник выдается за идеал. Но не исследовано, как же надо воспитывать мужчину, чтобы он полностью соответствовал истинному представлению о сильной половине человечества.

— Я внимательно следила за материалами съезда работников народного образования. Может быть, впервые прозвучала так сильно озабоченность тем, что школа не только не помогает растить будущего мужчину, но, напротив, способствует его феминизации. Слова на этот счет были сказаны очень серьезные, но они остались словами. Не было сделано никакого реального шага, чтобы выпра-

вить положение. И значит, школа по-прежнему будет делать вид, что такой проблемы не существует. Но ведь за партой ребенок проводит десять лет, таких важных в смысле формирования личности, и выходит оттуда накануне совершеннолетия. И родители самим приходится справляться с задачей, которая большинству не под силу. Вот у вас растут сын и дочь. Вы их по-разному воспитываете?

— Да, но в чем именно разница, объяснить бы не мог, это делается автоматически. А школа воспринимает любого ученика, и мальчика, и девочку, одинаково, и это настоящая беда. Мы очень надеялись на школьную реформу. Но то, что было в ней дорого — идея трудового воспитания, которое так спасительно в первую очередь для будущих мужчин, не получается, это уже очевидно. У нас нет теории трудового воспитания. И нет теории воспитания мужчины, женщины. Это совсем не то, что воспитывать вообще ребенка. А ведь такой теории есть на что опереться, надо только собрать накопленное...

Сам я рос в селе, где работа была не педагогикой, а нормой, не всегда радостной, но всегда необходимой. Но, оглядываясь назад, вижу, что без этой работы, изнурительной подчас, счастье было бы неполным. Человек, приученный к труду, ничего не боится, его не застанет врасплох никакая беда.

Как же нам сделать ребят закаленными против жизненных невзгод? Ясно, что выход в труде. Но в каком виде должен он существовать? Взять опыт Макаренко? Но то была колония, где воспитанники целые сутки вместе, вырваны из семьи. Опыт Сухомлинского — это очень хорошо, но он работал в селе, на земле, которая сама по себе обладает нравственной, дисциплинирующей силой. А как быть с городскими детьми? Конечно, существует что-то и в городских школах. Но все пока зависит от того, есть ли в школе энтузиаст. Найдется талантливый «трудолик», и за детей можно быть спокойным. Но это дело случая. То же и с физической подготовкой. Я убежденный противник профессионального спорта. В нем — нездоровый дух реванша, превосходства силы, ощущение выделенности из общего ряда и так далее. Это человека калечит. Но физическая культура необходима каждому, это именно часть нашей общей культуры. Пока же физкультура служит интересам спорта — в секции отбирают только одаренных, в спортивную школу двенадцатилетний мальчишка может уже не попасть — стар, неперспективен. Не дикость ли? О разнице между спортом и физической культурой только-только начинают говорить, а делается для оздоровления положения и того меньше. Тем более что бедная, нищая наша школа...

— Еще более обнищавшая при переходе предприятий на хозрасчет! Первая статья расходов, которую на заводах вычеркнули, — это шефство...

— ...Школа не имеет средств даже на самые примитивные спортплощадки. Я бывал в школах Финляндии, Чехословакии, Болгарии, ГДР. Не знаю, провозглашают ли там лозунг «Все лучшее — детям»,

РОДИТЕЛЯМ И УЧИТЕЛЯМ

Магазин № 31 «Книга-почтой» г. Мінска
высылает наложенным платежом без пред-
варительной оплаты издания:

Макаренко А. С. «Проектировать лучшее
в человеке»...— Мн.: Университетское,
1989. Цена 1 руб. 40 коп.

В книге помещены статьи и лекции вы-
дающегося педагога-практика по вопросам
воспитания и семейной педагогике.

Сухомлинский В. А. Разговор с молодым
директором школы.— Мн.: Университет-
ское, 1988. Цена 60 коп.

Как организовать свой труд, чтобы не
упустить ни одной детали сложного меха-
низма школьной жизни; как избежать
формализма в работе; как анализировать
урок — на эти и другие вопросы дает ответ
книга.

Владиславский В. З. Все начинается с
детства.— Мн.: Высшая школа, 1989.
Цена 1 руб.

Рассматриваются основные ошибки вос-
питания — прежде всего родительского.
Анализируются результаты этих ошибок —
инфантилизм, иждивенчество, нечестность,
бездуховность, жестокость...

Талер Л. А. Фундамент здоровья —
с детства.— Мн.: Полямя, 1989. Цена
65 коп.

На основе многолетнего опыта автор
рассказывает об организации физкультур-
ной работы в детском саду; о проведении
подвижных игр, способах развития у ма-
лышей интереса к целенаправленным за-
нятиям и т. д. Книга будет полезна ро-
дителям.

Семья и молодежь: Профилактика от-
клоняющегося поведения.— Мн.: Универ-
ситетское, 1989. Цена 55 коп.

В книге анализируются причины отклоняющегося поведения: социальной пассивности, пьянства, сексуальной распущенности. Рассматриваются пути и средства профилактики такого поведения.

Диалог с молодежью: Вопросы и отве-
ты.— Мн.: Беларусь, 1988. Цена 55 коп.

Как добиться выхода из дефицитной
экономики? Кто такие неформалы? На эти
и многие другие вопросы, заданные в мо-
лодежных аудиториях, отвечает книга.

Кравченко А. А. Дела житейские и не
только: Записки адвоката.— Мн.: Полямя,
1989. Цена 45 коп.

Чем занимается адвокат? Многие пола-
гают, что он... выгораживает преступни-
ков. Нет! Он защищает законность. А еще
он — воспитатель и советчик, в том числе
в делах, казалось бы, сугубо житейских,
семейных. Анализ конкретных ситуаций
может сослужить добрую службу тем, кто
ознакомится с ними, даст возможность
принять правильное решение.

Заказы направляйте по адресу: 220668,
Минск, ул. Железнодорожная, 27/4. Мага-
зин № 31 «Книга-почтой».

но денег на них не жалеют, ведь это за-
бота о будущем. Там каждая школа не-
пременно имеет садовый участок, велико-
лепный спортивный зал, бассейн. А мы...
Одними лозунгами норовим отделаться.
Дети сыты, и ладно. А в этой нехитрой
философии огромная опасность. Чело-
веку мало сытости, его дух тоже требует
пищи. А если еще мальчишка видит,
что на лозунгах написано одно, а в жизни
творится другое (а уж чем мы силь-
ны, так это показухой), дело совсем худо.
Нынешние школьники школу не любят,
ненавидят. А что значит десять лет
провести в ненависти?! Кто-нибудь ду-
мает, какой это урон душе? Недавно же-
на, она преподает литературу, рассказы-
вала. Разбирала в классе «Русский ха-
рактер» Алексея Толстого. И вдруг одна
девочка спокойно так спрашивает: «А за-
чем невеста к обожженному танкисту
приехала? Он ведь урод!» Я ужаснулся,
но не удивился. Значит, пришло время
пожинать плоды нашего небрежения че-
ловеком, культурой, нравственностью.
И еще: до какого состояния низведено
преподавание литературы в школе? Как
учителю выстоять против телевидения и
кино? Вся классика переведена в двух-
мерную плоскость экрана. Дети наши си-
дят перед экраном часами, отучаются
думать самостоятельно, беднеет их язык.
А гибнет язык — гибнет культура. Ску-
дость языка неизбежно ведет к скудости
мышления. Техника может развиваться
и при минимальном запасе слов, а
культуре нужны оттенки. Вымирает сло-
ва, вымирает и то, что они обозначали,
жизнь становится куцей, хотя все еще
похожа на жизнь. Уровень мышления
упал — тормозятся прогресс, искусство;
индивидуальность, самобытность от-
тесняются в тень. А мы еще удивляем-
ся, что люди озлобились, нет прежнего
тепла между ними...

— У Николая Рериха есть замечатель-
ные слова на этот счет, я бы написала
их крупными буквами и повесила вместо
лозунгов: «Дайте искусство народу, ко-
му оно принадлежит. Должны быть
украшены не только музеи, библиотеки,
здания станций и больницы, но и торь-
мы должны быть прекрасны. Тогда не
будет тюрем».

— Произошло удивительное явление:
искусство как будто бы стало доступнее —
возьмите выросшие тиражи книг, журна-
лов, возможности радио и кино, — а ин-
терес к нему измелчал. Люди удовлет-
воряются не искусством, а его замени-
телями. Возьмите агрессивное засилье
эстрады, ее декоративный дым и деко-
ративные поиски любви. Все это не по-
могает разобраться в сложности жизни,
а уводит от нее. А раньше, когда все мы
были беднее, книга считалась истинным
богатством. Отец мой много работал,
мы его редко видели, а мать после рабо-
ты часто читала нам вслух. Подстелет
чистую газетку под книгу и читает.
Всегда это было радостью. Без электри-
чества даже, при свете коптилки. И это
осталось со мной на всю жизнь.

— А что вы взяли от отца?

— Он мало говорил, мало нас воспи-
тывал. Но авторитет его в доме был не-
прекращаем. Потому что он не говорил, а
делал. Первый брался за пилу, за вилы,

за любую работу... Это посильнее педа-
гогических теорий.

— Что же делать современным семьям
для создания такой обстановки естествен-
ного воспитания? Как выпрямить то, что
искривилось в отношениях между муж-
чиной и женщиной?

— Слишком далеко все зашло. Ведь
это искривление опасно не само по себе.
Как явление болезненное, ненормаль-
ное, оно несет за собой безнравствен-
ность. Смотрите: есть уже немало жен-
щин, которые обходятся приходящими
мужчинами. И даже этого не скрывают,
обосновывают преимуществами такой жи-
зни и теоретически. Куда уж дальше!
Тут оба несчастны. И самое печальное,
что такие семьи или полусемьи, подобия
семей воспроизводят себе подобных. Обы-
чно дочь повторяет мать, а будущее сы-
на зависит от того, какая достанется
жена. Роль женщины здесь огромна, но
где она, настоящая женщина?

— Мы уже вспомнили Рериха. Хочет-
ся привести и его слова, касающиеся
воспитания молодежи: «Много нападают
на молодежь... Она уходит из семьи. Она
предпочитает танцы... Она не хочет чи-
тать... Допустим, что все это так и есть.
Но если мы посмотрим в причины про-
исходящего, то ведь прежде обвинения
молодежи нужно призвать к ответу стар-
шее поколение. Много ли сердечности
в семье? Притягательна ли домашняя
обстановка? Есть ли возможность серьез-
ных устремлений среди быта современ-
ности? Есть ли что-то ведущее и восхи-
щающее в трудной домашней обстанов-
ке?... Кто прокурил дом свой? Молодежь
ли наполнила домашнее вместилище спирт-
ными напитками?... Где впервые услышала
молодежь анекдоты кощунственные? Где
впервые слышит много разрушительного
и очень мало созидательного? Потому
вместо осуждения молодежи посмотрим,
так ли она плоха, как часто досушие
языки болтают?» Сказано это больше по-
лувека назад, а звучит, как сегодняшнее.
Почему в каждом поколении возникают
одни и те же проблемы? Мы не умеем
учиться, не умеем извлекать уроки из
прошлого, и вот нас мучают те же пробле-
мы, только, может быть, еще сильнее...

— Может быть, единственное, что
остается — надо в конце концов вспомнить
любовь, она спасительна. Но любовь —
это труд, напряжение души, готовность
забыть о себе, способность прощать.
Мне очень дорог один древний обычай,
тоже, разумеется, утраченный, — разва-
ние жениха невестой. В нем не было ни-
чего унижительного, он означал лишь
вступление жены под власть мужа, ее
обязанность ходить по его стопам. Но по-
пробуй я сейчас заговорить об этом,
женщины меня заклюют. А что дурного
в том, что жена находится во власти му-
жа? Во власти любви? Хотя откуда
взяться любви у шестнадцатилетней де-
вушки, которая, не стыдясь, задает
вопрос: «А зачем к обожженному тан-
кисту вернулась невеста?»..

— Каково ваше представление об
идеальной женщине?

— Жена, мать, дочь.

— О мужчине?

— Отец, муж, сын.

Беседа вела Л. ТАРХОВА

Н. ГОМЕЛЬСКАЯ, кандидат экономических наук,

Н. ГРИШАЕВА, социолог

ДЕТСКИЙ САД. ПОИСК РЕШЕНИЯ

Социологи свидетельствуют: потребность населения в детских садах возрастает. Если еще в 50-е годы дошколята воспитывались в основном бабушками, то увеличение занятости женщин в общественном производстве — с одной стороны, и высокая «вторичная занятость» бабушек и дедушек — работающих пенсионеры, — с другой, сократили возможности семьи по домашнему воспитанию детей. Можно сказать, что последние 20 лет дошкольная ступень народного образования постепенно стала для большинства детей вынужденно обязательной, хотя, в отличие от школы, гарантия предоставления ребенку места в дошкольном учреждении не закреплена законом. И хотя ежегодно открываются новые детские комбинаты и сады, реальный уровень обеспеченности детей местами в дошкольных учреждениях в среднем по стране составил менее 60 процентов.

Каждый четвертый ребенок минует эту сферу общественной жизни, что вызывает неудовлетворенность у многих родителей. Не случайно вопросы улучшения дошкольного воспитания стали частью программы народных депутатов.

Ряд крупнейших городов страны, в том числе и Москва, уже не одну пятилетку обещают решить проблему детских садов, но тем не менее уменьшить очередь и перегрузку дошкольных учреждений последние десять лет не удается. Госкомитет СССР по народному образованию ведет себя честнее и откровенно признает, что улучшения ситуации с детскими садами раньше конца столетия не предвидится.

Итак, сложился явный разрыв между потребностью общества в дошкольных учреждениях и возможностью ее удовлетворить. А ведь нужно не только открывать новые детские сады, но и выводить действующие из «уровня бедности»: питание скудное, мебель убогая, игрушек мало. Из-за того, что в яслях и садах группы переполнены, нянечек не хватает, дети не получают необходимого ухода, часто болеют. В результате только менее половины наших дошколят приходят в школу практически здоровыми, остальные уже имеют букет хронических заболеваний. Более 50 процентов школьников — невротики, две трети — аллергики, 60 процентов страдают нарушением осанки, 80 процентов — заболеваниями верхних дыхательных путей.

Негативные явления в дошкольном воспитании задерживают также интеллектуальное развитие детей, что, в свою очередь, мешает вести обучение в школах на высоком современном уровне.

Как же вывести из кризиса дошкольное звено народного образования?

Одна из точек зрения, причем довольно распространенная, сводится к тому, чтобы совершенствовать существующую модель народного образования, увеличив средства на дошкольное воспитание. Именно такого направления придерживаются в своей концепции ВНИК «Школа», НИИ дошкольного воспитания и Государственный комитет СССР по народному образованию. Выход из создавшегося положения авторы этой концепции видят в создании идеального детского сада, где каждому дошкольнику гарантировано место в хорошем, как у богатых ведомств, детском учреждении, где дети обеспечены всем необходимым, где группы не перегружены, где с детьми работают по велению сердца. Перспектива привлекательная, но для того, чтобы «сказка стала былью», требуется ассигнований в 4—5 раз больше, чем возможно. Где их взять? Финансовое положение страны таково, что в ближайшие 5—7 лет радикально увеличить затраты из государственного бюджета на дошкольное воспитание практически невозможно.

А медлить нельзя. Все, что мы не добавим человеку в детстве, непременно «аукнется» в его будущем. Если мы не превратим наши детские сады из «камер хранения», куда матери сдают своих детей на время работы, в полноценные заведения по воспитанию здоровых, всесторонне развитых граждан, есть опасность, что начатое нами дело перестройки общества некому будет продолжать.

Межведомственный семинар «Детский сад 2000 года», действующий на базе сектора социального прогнозирования Института социологических исследований Академии наук СССР под руководством профессора, доктора исторических наук И. В. Бестужева-Лады, разработал принципиально новую концепцию дошкольного воспитания с учетом реальных экономических возможностей.

В чем ее особенность?

В поисках решения участники семинара (в него входят социологи, демографы, экономисты, медики, педагоги, управленцы, представители неформальных объединений) обратили внимание на новые формы дошкольного воспитания, которые появились в последнее время. Взять те же семейные сады, что открылись в Набережных Челнах и Средней Азии как маленькие филиалы детских садов. Их опыт убеждает: можно увеличить количество мест, не расширяя адекватно материальную

базу. Мама берет в свой дом несколько детей из других семей. Пока родители на работе, она присматривает за ребятами, занимается с ними. Питание и снабжение обеспечивает прикрепленный детский сад, работником которого эта мама становится.

По аналогичному принципу действуют мини-сады в Эстонии, появившиеся в системе бытового обслуживания населения. Эти небольшие группы — 3—5 человек — создаются на квартире у работников, прошедших специальную подготовку и медицинскую проверку. Крошечные домашние садики помимо того, что прибавляют дополнительные места, а значит, уменьшают очередь, имеют важное преимущество — они снимают трудности адаптации ребенка к новым условиям. Ребенок, впадающий в стрессовое состояние в большой группе, легко приспосабливается к маленькому коллективу. Дети меньше болеют. Для родителей так называемых «несадовских» детей такой вариант — спасение.

Аналогичные проблемы помогают решать и кооперативные детские сады, где маленькие группы, авторские программы, индивидуальный подход к ребенку. Открываются центры и студии эстетического развития при клубах, где малыши несколько раз в неделю занимаются хореографией, музыкой, развитием речи и так далее. В этом же ряду стоят спортивные, оздоровительные группы закаливания детей при ДЭЗах.

Достоинства домашних детских садов и различных дошкольных групп в том, что они во многом компенсируют недостатки классического детского сада. Но...

Во-первых, цена. Цена отпугивает многих родителей. Содержание одного ребенка в таллинском мини-садике обходится в 64 рубля в месяц. Кооперативные садики запрашивают еще больше. По имеющимся у нас данным, расценки колеблются по регионам от 80 рублей в месяц в Риге до 120 рублей в Москве. Это связано в основном с увеличением сумм на питание и более высокой оплатой персонала. Но ведь не все родители могут выложить такие деньги. И в результате дети оказываются в неравных условиях — привлекательные блага доступны лишь тем, у кого богатые родители. Такое положение нельзя считать нормальным, так как оно ведет к социальной несправедливости, за что постоянно критикуем ведомственные сады. Когда речь идет о детях, не должно быть ни материальных различий, ни ведомственных барьеров.

Настораживает и другое. Новые формы дошкольного воспитания развиваются по принципу «кто во что горазд»: программ нет, инициативы разбросаны, кадры непостоянные, да и не всегда достаточно квалифицированные. Комбинаты бытового обслуживания, ДЭЗы, кооперативы, молодежные центры — все, кому не лень, в буквальном смысле не лень, занимаются дошкольниками. И только детские сады, кому, как говорится, на роду написано растить и воспитывать детей, стоят в стороне за редким исключением.

Казалось бы, разумно объединить все формы дошкольного воспитания. Предложить детскому саду все взять в свои руки, поддержать новые, прогрессивные начинания. Но в том-то и дело, что нынешний детский сад для этой роли не годится.

Фото И. Тимошенко, Москва

Хотя сам трещит по швам, зажатый тисками запретов и ограничений, он не может что-либо изменить в своей жизни, даже если захочет. Доходит до абсурда: заведующая детским садом не имеет права, даже с согласия трудового коллектива, перераспределить фонд заработной платы в пользу лучшего работника. Экономическая зависимость и хозяйственная несамостоятельность связывают детскому саду руки. Где же выход?

Новая концепция дошкольного воспитания, разработанная семинаром «Детсад 2000 года», предлагает отказаться от детского сада в том виде, какой существует, поскольку он не отвечает требованиям общества. И взамен создать единый дошкольный центр, который объединит все формы воспитательной работы с малышами в микрорайоне.

Как же будет выглядеть дошкольный микрорайонный центр (ДМЦ)? Кроме обычных групп, куда дети приходят на целый день, предусмотрены группы кратковременного пребывания. Польза ребенку, который сможет пообщаться со сверстниками, посетить развивающие занятия. И мама, занятая на производстве неполный рабочий день, не утратит квалификацию, поможет материально семье.

Специальные группы обеспечат режим и диетическое питание ослабленным детям и тем, кто страдает каким-либо заболеванием. Скажем, ребенок долго болел, сразу включиться в общий ритм в обычной группе ему трудно, а вот в группе реабилитации он окрепнет, восстановит свои силы.

Небольшие, уютные «домашние» группы в жилых помещениях позволят максимально приблизить дошкольное учреждение к дому, и в то же время причастность к ДМЦ, где есть все необходимое: игры, живой уголок, бассейн и, конечно, умелые воспитатели, обеспечит полноценное развитие ребенку.

При ДМЦ будет работать и Центр здоровья ребенка. Профилактические прививки, занятия лечебной физкультурой — его заботы. Здесь же научат мам, как укрепить здоровье ребенка. Психологи, педагоги, врачи станут собеседниками родителей.

Такая структура, во-первых, позволит отказаться от единообразного стандарта. Родители получат право выбирать для ребенка подходящую для него форму дошкольного воспитания. Во-вторых, дошкольный микрорайонный центр поможет более полно удовлетворить потребность на-

селения в дошкольных учреждениях, уменьшит очередность. В-третьих, ДМЦ поднимет дошкольное воспитание на более высокую ступень — когда станет возможным всеобщее дошкольное воспитание, ДМЦ как первое, начальное звено народного образования обеспечит высокий стабильный уровень развития детей, поступающих в школу.

Единая общественная система детских садов исключает деление на районные и ведомственные. Все дети окажутся в равном положении, не будет элитарных.

Но все задуманное можно осуществить при одном условии — если кардинально изменить систему финансирования дошкольного воспитания. ДМЦ необходимо предоставить хозяйственную самостоятельность. Центр откроет свой счет в банке, куда будут поступать взносы родителей, государственные дотации, средства местного бюджета и отчисления предприятий, на которых работают родители, проживающие в данном микрорайоне.

Поскольку ДМЦ станет полноправным распорядителем денежных средств, а заведующая получит право без согласования и волокиты решать кадровые вопросы, появится реальная возможность покончить с дефицитом рабочих рук. Не хватает нянечек — привлекают на взаимовыгодных условиях пенсионеров, студентов, многодетных матерей. Нужен руководитель кружка — приглашают пенсионера-педагога. Требуется рабочие для ремонтных работ — оформляют подрядный договор. Для разработки и совершенствования программ, повышения квалификации воспитателей ДМЦ может организовать на хозрасчетных началах группу консультантов, куда войдут психологи, медики, ученые-педагоги.

Переход на хозрасчет повысит заинтересованность воспитателей в результате своего труда. Больше получит тот, кто лучше работает. А критерий хорошей работы сводится к одному: состояние здоровья и уровень развития ребенка. Экономический стимул откроет зеленую улицу инициативе и творчеству.

Изменятся и отношения родителей с детским садом. Сегодня родители совершенно бесправны. Они оплачивают содержание ребенка и при этом никак не могут влиять на обстановку в группе, защитить ребенка, если попирается его достоинство. Но ведь так не должно быть. Родители вправе знать, что происходит с ребенком в детском саду. В Положении о ДМЦ сказано, что родители вместе с воспитателями, представителями общественности входят в Совет дошкольного микрорайонного центра. Родителям предоставлено право управлять ДМЦ: принимать решения, касающиеся жизни дошкольного учреждения, оценивать деятельность его сотрудников.

Таким в перспективе видится новый детский сад.

Сейчас уже предпринимаются попытки перенести из будущего в настоящее задуманное. Московский городской комитет по народному образованию согласился в порядке эксперимента создать ДМЦ в двух районах столицы. Будем надеяться, что перемены в дошкольном воспитании, которых мы ждем, наступят скоро.

ПИСЬМА

Дороже денег

Уважаемая редакция!
Я — незрячий человек, инвалид первой группы. Мой помощник — трость белого цвета. А мои глаза — это окружающие меня люди. От их желания помочь зависит мое настроение и удачное завершение намеченного маршрута. Чтобы попасть из подъезда, где я живу, на центральную улицу, надо пройти вдоль дома. Здесь на всем пути стоят легковые автомобили жильцов. И мне, слепому, эту полосу препятствий преодолеть трудно без посторонней помощи.

Когда я выхожу из дома, дети со мной здороваются. Но если я прошу кого-нибудь проводить меня до остановки автобуса, — молчание, переходящее в смех, когда я на что-нибудь наткнулась.

Сейчас много говорят и пишут о милосердии. Есть Общество милосердия, счет, на который перечисляются деньги. Но нельзя все сводить к материальной стороне. Добрый поступок бывает дороже денег. И к этому мы должны voltar детей.

В школах проводятся Уроки мира, Уроки мужества. Все это хорошо. Но, наверное, не обойгсь нам без Уроков милосердия. Я представляю, что на таких занятиях (как часто они должны быть, не знаю, может быть, один раз в неделю или месяц) детям должны говорить о добре, об уважении и сострадании к людям, о помощи старым, больным, немощным. Такие уроки не должны проходить формально, ради отчетов и

рапортов. Это должно быть побуждение к добрым поступкам. Чтобы, увидев больного, старого человека на улице, дети помогли ему, проводили до дома или магазина, усадили в автобус...

Наше тимуровское движение превратилось в добровольно-принудительное действие, когда взрослые прикрепляют ребят шефствовать над кем-то.

Я же веду речь о другом — о естественном проявлении доброты и участия к другим, что свойственно каждому воспитанному человеку. Имеющий доброе сердце не способен к равнодушию и черствости.

Если из наших детей вырастут добрые люди, они не допустят жестокости и кровопролития, чему мы были свидетелями в Сумгаите, Фергане, Нагорном Карабахе, Тбилиси. Наши дети должны быть лучше, добрее нас.

С. ГОЛЬД
г. Тамбов

Все из-за бабушки

Мне тринадцать лет. Недавно мы переехали на другую квартиру, съехались с бабушкой, ей семьдесят один год. Теперь в нашей семье четыре человека: я, мама, папа и бабушка. До переезда мы жили отлично. Папа у меня не пьет, не курит, любит маму, помогает по хозяйству. Бабушка к нам приходила редко, так как болела и далеко жила. Каждый раз мы ее очень ждали.

Но после переезда всё изменилось. Мы въехали в очень старый дом. Сразу принялись за ремонт. А бабушка всё время говорила, что она скоро умрет из-за ремонта. Но постепенно мы перестали ей верить, так как она все время это повторяет. Бабушка постоянно чем-то недовольна. Поначалу я ругалась с ней, обижалась, но мама сказала мне, чтобы я не обращала на нее внимания. Я так и сделала. Теперь мы можем не разговаривать несколько дней. Она обра-

щается ко мне, а я молчу. Но это еще полбеды.

Раньше мы часто ездили в лес за грибами, за ягодами или на речку отдохнуть. Теперь мы никуда не ездим, так как бабушка боится одна оставаться дома. Мы даже в отпуск не можем поехать вместе, обязательно кто-то из нас должен быть при бабушке. Один раз мы взяли её с собой на рыбалку. Так это был ужас! В машине ей дуется, в палатке — тоже. Так мы и уехали, не переночевав, даже порыбачить не успели.

Жить стало очень скучно! И все из-за бабушки.

ОЛЯ Д.
г. Новосибирск

Ищу сыну папу

Здравствуй, дорогая редакция!

Я прекрасно понимаю, что поступаю глупо и наивно, но, может быть, это тот самый единственный шанс.

Главная моя любовь и забота — сын. Глядя на него, у меня сжимается сердце: где мне взять силы, терпенье — чтобы из этого крохи вырастить Человека? Кажется, еще совсем чуть-чуть и силы и нервы мои сдадут. А он смотрит на меня такими доверчивыми глазами, в которых и тени сомнения нет. Конечно, его мама все может, все знает, всегда поможет. Починить игрушку — пожалуйста, что-то прибить — чего проще. В хоккее и футболе — я его напарник. И только одного не может, не имеет права мама — почувствовать себя слабой. Просто женщиной.

Давным-давно, десять лет назад, выбрала я себе «принца», конечно, самого-самого. Но только в жизни он, увы, оказался совсем не таким. Когда я осталась одна, с крохой-сыном на руках, решила оставшуюся жизнь посвящать ему. Проблемы сыпались как горох: жилье, садик, работа, болезни — все это было на мне. Это теперь кажется, что годы пролетели незаметно. Но почему я так устаю, будто мне не тридцать, а все сто лет? А самое

главное, я вижу теперь бесполезность своего «подвига». Чему я научила сына? Ласковый, добрый, но не умеет контактировать со сверстниками, у него нет друзей. Очень любит маму, не может без нее, но и не умеет заботиться о ней. Нет воли, усидчивости. Не девочка, не мальчик.

Как ему нужен отец — друг, советчик! Как бы хотелось иметь доброго, надежного папу в доме и мне, и главное — сыну! Но где и как его найти? Мы живем в селе, пользоваться услугами службы знакомств считаю унижительным для себя. А вот ответить на письмо я бы, наверное, смогла. Сын верит в то, что я все могу. Значит, я должна найти ему папу. Ради этого и решила написать письмо.

К. Т.
Ярославская область

Не в радость

Думаю, что помочь мне не может никто, мне просто нужно выговориться.

Мне шестнадцать лет, учусь в десятом классе, с тройками (тремя). Когда-то считалась лучшей ученицей, отличницей. Я — одна дочь у родителей. У меня есть модные вещи, магнитофон, своя комната, своя косметика — все то, о чем многие в моем возрасте мечтают. И плачут, если родители не могут обеспечить их потребности. Кто-то, возможно, прочитав вздохнет: «Живут же люди!» А я, имея все это, не хочу и не могу так жить.

Родители у меня люди пожилые, так что я — поздний ребенок. Мама — хорошая, добрая женщина, все свое счастье видит во мне. Мне ее очень жалко. Жаль за несложившуюся судьбу, за неудачный поздний брак и за то, что дома, в семье, она бесправна, как, впрочем, и я. Обе мы страдаем от отца. Он жестокий, злой, страшный... Нет, он не пьет, не курит, он просто такой в силу характера.

В молодости, как мне рассказывала мама, несколько раз разводился, гулял, жил весело, вел светскую жизнь обеспеченного челове-

ка. Последствия всего этого — большое сердце, масса всяких болезней и озлобленность на всех, в первую очередь, на маму и меня. Вы скажите: «Зачем терпеть такое? Почему бы не развестись?» Но мама не хочет, чтобы я жила плохо, не хочет лишить меня всяких материальных благ.

Как он только меня не оскорбляет: «проститутка», «хреновая дочь», «тупица» и т. д. Не хочу всего перечислять. В доме спокойно только тогда, когда отец (не могу его называть так) в санатории или в больнице. Это самые счастливые наши с мамочкой дни. В эти дни мы много смеемся, смотрим телевизор, громко разговариваем, приглашаем друзей, «висим» на телефоне... Когда он дома, всего этого делать нельзя!...

Ну а теперь о самом больном для меня. Мне шестнадцать лет, а я не имею права любить и быть любимой — так считает отец. Он все время твердит: «Надо учиться, думать, в какой институт пойти. А парни? Они всегда будут». У всех подруг свидания, встречи, они приглашают домой молодых людей, знакомят с родителями... Я искренне радуюсь за них, а по ночам подушка не просыхает от слез. Почему? Почему мне так нельзя? Тайком любить не хочу, сейчас не времена царя Гороха, для меня унижение — скрывать свои чувства. Как-то меня пригласил в кино парень, тут же знакомые доложили отцу (город у нас маленький). Что он мне устроил, страшно вспомнить!...

По милости отца я не знаю, что такое признание в любви, первый нежный поцелуй, ласковые слова и радость встречи с любимым человеком. Раньше он еще пускал меня на танцы, а теперь я и этого лишилась. Кроме школы никуда не хожу, в кино пускает только в субботу.

Моя мечта вырваться из этого ада, быстрее закончить школу и уехать куда глаза глядят. Только боюсь, что настанет критический момент и я не выдержу, выпью большую дозу таблеток...

ЮЛЯ П.
Димитровград

Смелость в дефиците?

Сама я педагог, до недавнего времени не задумываясь соглашалась, что мальчики — это будущие воины и защитники. Но, оглядевшись вокруг, убедилась, многие так и не становятся настоящими мужчинами.

...В переполненном автобусе я буквально оказалась в эпицентре жизнерадостных великовозрастных акселератов. Их милая «непосредственность» дошла до того, что один из них уютно устроился на моей авоське, превратив все ее содержимое в разноцветный винегрет. Бумага вряд ли бы стерпела выражения, которыми обменивалась веселая компания. А что же защитники? Мужчины и спортивные парни, которые все это видели и слышали, с глубокомысленным видом изучали за окном унылый зимний пейзаж...

Как мы, женщины-матери и учительницы, воспитываем будущих защитников? Мы чаще всего начисто забываем, что сегодняшний мальчик не существо среднего рода, а наша завтрашняя опора, человек, который должен уметь постоять за свою честь, достоинство и других в обиду не дать. В школе мы призываем мальчишек «не бегать», «не шуметь», «не пачкаться», «не драться» и еще выставляем тысячи «не» тому, на чьем веками воспитывались истинно мужские качества. А в один прекрасный момент, замечая пробившиеся усики, начинаем напоминать, что он — мужчина. Но из ничего не родится нечто...

Кого прямо-таки обожают учителя? Конечно, аккуратненьких, тихих, послушных мальчиков из «хороших» семей!

С кого мамы советуют сынам брать пример? Да вот с таких пай-мальчиков. В беседе с родителями часто слышу, что вершиной своего педагогического мастерства мама (а иногда и учителя) считают сделанного из мальчика тихого, покладистого ребенка, главное достоинство которого — такая кротость нрава, что он и мухи не обидит! И чем больше он похож на девочку, тем боль-

шая маме честь в глазах школы и окружающих!

Я вовсе не за то, чтобы растить хулиганов и невежд. А за то, чтобы не всякую мальчишескую драку заносить в кондуит, не за всякие измазанные брюки ругать, чтобы отделять, где избивание, а где, если хотите, дуэль. Я за смелых мальчишек и настоящих мужчин!

Учился в моем шестом классе паренек, учился плохо, «хулиганил». Все учителя на него жаловались. Мать ходила в школу, как на работу.

...Возвращалась я в тот день из городской больницы, где лежала с грудной дочкой. Несла дите в одеяле, сетки с вещами. Руки, одувевшие от мороза, кажется, так и отвалятся. А до дома — километров пять по бездорожью. Навстречу промчалась веселая компания моих учеников-шестиклассников. Поздоровались на ходу и бегом к электричке, мимо меня. И вдруг ко мне подходит тот самый Вадик и берет из моих рук сумки. Донес их до самого дома (направлялись ребята, между прочим, в кино). А потом Вадик сбегал на работу к мужу и ключ принес. И все так деловито, без лишних слов. Он —

единственный из компании ребят почувствовал себя мужчиной. И для него в тот момент я была не учительница, которая его донимала, а усталая, выбивающаяся из сил женщина. Чего же стоила пятерка по поведению пробежавших мимо отличников и похвала в дневнике положительного хорошего? С этого случая, наверное, и началась для меня переоценка ценностей.

На мой взгляд, мальчику с самого раннего детства надо давать больше самостоятельности, чтоб научить его пользоваться, поощрять его занятия в спортсекциях с истинно «мужскими» видами спорта. Зажав сердце в кулак, перестать ежеминутно опекать сыновей. И уж, конечно, не заносить в черные списки нашей немилости всякого забияку. Ох, не всегда в жизни драка — криминал, непокорность любому взрослому — признак дурного нрава. Вспомните, «добро должно быть с кулаками!» Всякое хорошее, благородное и прекрасное чего-либо стоит. Значит, надо поощрять тех, кто стремится это защищать.

Т. ТИХОНОВА,
учительница
Московская область

Фото В. Дорохова, Ленинград

На словах одно, на деле — другое

Дни зимних каникул совпали с моим отпуском. Я предложил сыновьям — семилетнему Андрею и десятилетнему Артему, пойти в поход в тайгу. Согласились они с радостью. Вместе с нами отправились их друзья — десятилетний Женя и восьмилетний Рома, которых отпустили родители.

В тайге, расчистив опушку от снега, мы стали заготавливать сухостой, чтобы разжечь костёр: Я «сваливал» топором сухие ветки, а ребята должны были «трелевать» их к площадке. И вот тут-то они начали хитрить. Каждый старался взять ветку поменьше весом и покороче. Костер наш поэтому получился небольшой, всем нельзя было греться одновременно. С негодованием я наблюдал, как старшие отталкивали более слабых младших, чтобы погреться самим. А когда я поставил малышей поближе к огню, стали возражать.

Нельзя сказать, что ребята ничего не слышали, не знали о товариществе, чувстве справедливости. Но беда в том, что дети наши усваивают многие нравственные понятия чисто теоретически, а на практике, в жизни их проявлять не могут.

Поймите меня правильно. Я далек от мысли, что достойные качества можно воспитать только в экстремальных условиях, походами в суровую тайгу, в горы. Но я за то, чтобы чаще тренировать, упражнять детей в повседневной жизни. Сколько раз случалось: идет дождь, откладываем визит к бабушке, чтобы сын не простудился; не ладится с математикой, спешим за него решить задачу. И помогаем детям идти по пути наименьшего сопротивления. Это становится для них главным, а все остальное — не существенно.

А. РЕЗНИК,
военнослужащий
Хабаровский край

письмо ставит проблему

В состав семьи не входит

Хочу рассказать Вам о жизни опекуна. Два года назад я была назначена опекуном племянников восьми и десяти лет. И хотя на содержание детей полагались алименты, от матери они поступили через год в размере 13 рублей (поскольку она не работала, а потом пребывала в тюрьме). Алименты со стороны отца, который трудится нерегулярно, составляют примерно 30—40 рублей в месяц на двоих мальчиков.

Если учесть, что мой заработок 160 рублей в месяц плюс 20 рублей пособие на сына, которого воспитываю одна, то можно представить, как нелегко мне приходится материально с тремя детьми. С большим трудом я добила пособие на опекаемых детей по 30 рублей на каждого.

Из семейного бюджета я плачу 23 рубля ежемесячно за квартиру опекаемых племянников, хотя там нет стекла, нет дверей (мать осуждена за организацию притона). Да еще мне приходится в ДЭЗе предлагать погасить задолженность за квартиру, которая числится за матерью, и сделать ремонт за свой счет. Только где же взять мне эти средства?

Никто не хочет войти в наше положение. В школе в бесплатном питании отказали, так как списки нуждающихся составили в сентябре, а мои ребята перешли в новую школу в феврале, когда стали у меня жить. Но, как вы понимаете, голодными своих племянников я оставить не могла и каждый месяц отдавала 25 рублей на питание в школьную столовую (в мае, правда, сжалились: одного перевели на бесплатное питание, другого — на льготное).

На работе я тоже не встретила понимания. В бесплатной палатке в пионерский лагерь мне отказали. Попроси-

ла хотя бы оказать материальную помощь, чтобы собрать мальчиков в пионерский лагерь, а мне в ответ: «Мало ли кого вы будете в семью брать, а мы всех содержать должны?»

Обратилась в РУНО. Думала, хоть здесь меня поддержат. Объяснила, детей трое, воспитываю их одна, просила выделить ученикам бесплатную форму. А мне от ворот поворот.

Мой сын — дошкольник. После того как представила необходимые справки о доходе семьи, рассчитывала, что меня освободят от платы за ясли, вместе с племянниками у нас приходится на человека меньше 60 рублей. Напрасно надеялась. На моем заявлении наложили резолюцию: «Опекаемые дети в состав семьи не входят».

Кто же придумал такие законы? Если им следовать, то я с сыном должна есть щи с мясом, поскольку у нас на двоих 180 рублей. А у опекаемых племянников пусть слюнки текут, ведь их денег едва на хлеб хватит, если вычтешь плату за квартиру и расходы на одежду. Я лично понимаю свои обязанности опекуна как помощь детям не на бумаге, а на деле. Отношусь ко всем троим одинаково, своего сына не выделяю.

Не о себе пекусь. Я сознательно согласилась стать опекуном. Взяла в семью племянников, хотя и понимала, что жизнь свою и сына усложню. Исходила из того, что даже самый лучший интернат или детский дом не заменит ребенку семью, родных.

Но оказалось, что семья, которая становится многодетной, малообеспеченной с приходом опекаемых детей, пользоваться положенными льготами не может, так как опекаемые дети в состав семьи не входят.

Почему должны страдать дети? Ведь намного меньше у нас будет детей в казенных домах, если мы хоть немного поможем тем, кто берет на себя заботу о ребятах, и без того наказанных судьбой. Не пора ли пересмотреть существующие законы в отношении опекунов?

О. ШВЕДОВА
Москва

По закону (Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье) опека рассматривается как одна из форм устройства в семью детей, лишившихся родительского попечения (другая форма — усыновление). Напомним, опека устанавливается над несовершеннолетними детьми, не достигшими пятнадцати лет, которые вследствие смерти, болезни родителей, лишения родительских прав или по другим причинам остались без родительского попечения.

На опекуна возлагаются те же права и обязанности по воспитанию, что и на родителей. Опекун, как и родитель, обязан воспитывать, заботиться о физическом развитии ребенка и его обучении, готовить несовершеннолетнего к общественно полезному труду, растить его достойным членом социалистического общества (ч. 1, ст. 129 Кодекса о браке и семье РСФСР)*. Совершенно очевидно, чтобы выполнить любую из перечисленных задач, надо жить вместе, одним домом, одной семьей, общаясь постоянно, ежедневно. Вот почему другим неприменным правилом, сопутствующим опеке, является обязательное совместное проживание опекуна и подопечного (ч. 2, ст. 129 КОБС). Не имеет значения, перешел ли подопечный к опекуну или, наоборот, тот прибыл из другого города, другой местности, чтобы помочь ребенку, оставшемуся без кровной семьи.

Итак, опекаемый становится членом общей с опекуном семьи. А, как известно, в семье воспитание и содержание ребенка связаны неразрывно. Все, что входит в содержание: покупка продуктов питания, одежды и всего того, что необходимо для жизни, не существует изолированно от потребности других членов семьи. Если к детям одной семьи можно применять какие-то индивидуальные методы воспитания, то заботиться об их мате-

* Поскольку автор письма проживает на территории РСФСР, мы будем ссылаться на семейный кодекс России.

риальных нуждах по-разному, в зависимости от размера источника материальной помощи, не только сложно, но и безнравственно.

А между тем в семейном кодексе РСФСР и соответствующих статьях семейного законодательства других союзных республик записано: «Опекуны не обязаны содержать подопечных». Опекун может тратить на подопечного только причитающиеся ему алименты, пенсию, пособие.

Какими же средствами располагают опекаемые дети?

В число подопечных, как правило, попадают дети, чьи родители лишены родительских прав, постоянно нигде не работают, — отсюда и мизерные алименты. А если родитель — инвалид, не может сам воспитывать детей, и пенсия у него маленькая, что с него взять? Не могут похвастаться достатком и подопечные, получающие пенсию за умершего родителя.

Правда, по закону, если этих сумм окажется недостаточно для покрытия всех необходимых расходов, опекун может возместить их из имущества, принадлежащего подопечному (ч. 2, ст. 134 КОБС РСФСР). Скажем, продать часть имущества и употребить вырученные деньги на покупку необходимых для подопечного продуктов, вещей. Как же этот совет далек от реальности! Какое имущество? Если родители, лишённые родительских прав, все пропили! В квартире стекло и дверей даже не осталось, как пишет О. Шведова.

Существует еще один источник улучшения материального положения подопечного — это пособие в размере 30 рублей, которое назначают ему органы опеки и попечительства в том случае, если размер получаемых подопечным средств не превышает 30 рублей в месяц. При этом учитываются все причитающиеся подопечному выплаты: пенсия по случаю смерти кормильца; ежемесячное пособие на ребенка, если он инвалид с детства; ежемесячное пособие в размере 20 рублей, причитающееся одинокой матери; среднемесячная сумма алиментов, выплачиваемая родителями или родственниками; времен-

ное пособие в размере 20 рублей в месяц, выплачиваемое в период розыска родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов.

Итак, признавая, к примеру, что 20-рублевого пособия, переходящего от одинокой матери, недостаточно для содержания ребенка, государство материально ему помогает. Вместо 20 рублей выплачивает... 30(!). В то время как предел, определяющий черту бедности, составляет 70 рублей. До такого уровня повысили самую маленькую пенсию по старости. А у ребенка, оставшегося без родительского попечения, пособие в два с лишним раза меньше. И получается, что положение многих детей, кого судьба обделила родительской любовью и заботой, иначе как бедственным назвать нельзя. Прожить на эти нищенские деньги в наше время просто невозможно.

Насколько положение закона о том, что опекуны не обязаны содержать подопечных, оправданно в отношении взрослого опекаемого (тяжело больного, престарелого человека), судить не берусь. Но распространять такое правило на несовершеннолетних детей?! Прежде всего это противоречит самой сути опеки как формы семейного воспитания. На что же мы обрекаем детей, подкрепляя законом равнодушие и черст-

вость близких, коль они не обязаны содержать подопечного, который испытывает нужду? Что должен чувствовать ребенок, который поставлен в положение отверженного? Рекомендации подобного рода не облегчают, а только ухудшают положение подопечного в новой семье. К материальным затруднениям прибавляются еще и моральные переживания.

Но, к счастью, в жизни, на практике складывается иначе. Я не знаю опекунов, которые при самом бедственном своем положении кормят подопечных отдельно, только на их средства, или одевают их хуже своих детей. Именно так относится к своим племянникам и О. Шведова.

Но беда в том, что добровольная эта помощь не всякой семье оказывается по силам. Ведь те же бабушки, которые получают пенсию по старости, старшие сестры, которые только сами становятся на ноги, живут небогато. Вот и бьется опекун как рыба об лед.

Когда подопечный приходит в семью опекуна, естественно, прибавляется хлопот, забот и денежных расходов. Сейчас, когда забота о благосостоянии людей объявлена первостепенной задачей общества, необходимо пересмотреть закон, который нарушает интересы детей: исключить

из него существующую позицию и четко сказать, что опекун обязан содержать несовершеннолетнего подопечного.

Если дети, над которыми осуществляется опека, будут учитываться в составе семьи опекуна, тогда на семью, где окажется трое и более детей, распространяются льготы, связанные с многодетностью. Такая семья получит право платить в меньшем размере за детский сад или полностью освободиться от платы, сможет пользоваться услугами магазина для многодетных и так далее. Если в объединенном семейном бюджете на каждого человека придется меньше 50 рублей, то прибавится пособие для малообеспеченной семьи. Все это во многом улучшит материальное положение подопечных детей.

Именно на таком решении вопроса настаивают юристы — специалисты по семейному праву.

В связи с письмом москвички О. Шведовой хочу подчеркнуть: мало только утвердить хорошие законы и постановления, важно еще добиться претворения их в жизнь. Ведь многие трудности, которые выпали на долю О. Шведовой, возникли именно как нарушение, неисполнение существующих правильных указов и распоряжений.

Согласно Постановлению

Фото В. Ларионова, Петрозаводск

ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по коренному улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», племянникам О. Шведовой полагается бесплатная школьная, спортивная и пионерская форма. Об этом должен был позаботиться инспектор по охране прав детства РОНО, куда обратилась опекуна.

Напомним, действующие рекомендации, принятые еще в 1973 году, в бытность Министерства просвещения СССР — Госкомитет СССР по народному образованию

оставил все в силе, — подчеркивают, что районные, городские отделы народного образования **обязаны** не только наблюдать за воспитанием и условиями жизни подопечных детей, но и оказывать им всемерную помощь.

Кровное дело инспектора обеспечить подопечных детей путевкой в пионерский лагерь. Как он будет доставать путевку — обратиться в профсоюз по месту работы опекуна или использует другие возможности — это его забота. То же самое и с ремонтом помещения, принадлежащего подопечным детям. Если оно пришло в негодность, ремонтировать дол-

жен исполком местного Совета, который является органом опеки и попечительства.

К сожалению, во всех этих случаях инспектор просто уклонилась от выполнения своих прямых обязанностей, отнеслась безучастно к нуждам подопечных детей. В результате они не получили даже того, что им положено.

А. НЕЧАЕВА,
кандидат юридических наук,
старший научный
сотрудник Института
государства и права
АН СССР

ОТКЛИКИ

Все для человека?

О «кукушках» и «кукушатах»
(№ 5 за 1989 год)

К сожалению, у нас не исследуются причины, по каким матери отказываются от детей. Может, считается, что нет особых проблем. Но они есть, и их надо решать. Со своей стороны хотела бы высказать ряд предложений по профилактике этого явления.

Объясив принцип «все для человека», мы фактически мало что делаем для матерей-одиночек. За последние десять лет практически ликвидированы в дошкольных учреждениях группы для детей до одного года. Считается, что, поскольку молодая мать получила право на оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до года, то она не нуждается в яслях. Но одинокая мать, как правило, таким отпуском воспользоваться не может: на 55 рублей (35 рублей по уходу за ребенком плюс двадцатка как помощь от государства) вдвоем не проживешь. Выход, правда, есть — поместить малыша в дом ребенка. Однако разлука не проходит бесследно ни для матери, ни для ребенка.

Полагаю, следует взродить ясельные группы: изучить потребность в них, обеспечить кадрами, инвентарем и т. п.

В нынешних условиях, когда предприятия переходят на самофинансирование, трудно быть матерью-одиночкой еще и потому, что ребенок часто болеет. Такие женщины вынуждены уходить из бригады, где ценится только надежный работник. Или, чтобы «развязать руки», опять же приходится определять малыша в дом ребенка.

Одним из видов помощи неполной семье, учитывая, что многие испытывают трудности с жильем, мог бы стать Дом матери и ребенка при крупном предприятии, колхозе, исполкоме Совета народных де-

Фото С. Новикова г. Уфа

путатов. Мать может находиться в этом доме первые два или три года после рождения ребенка, то есть на тот период, когда ограничена ее работоспособность, чтобы уделять больше внимания малышу. Мать может трудиться на домницей или неполный рабочий день, а ее ребенок будет в это время под присмотром других матерей. В обслуживающих такого дома могут участвовать сами жильцы. Знаю, что такие дома есть, например, в Чехословакии.

Т. ЛЮТОВА, кандидат педагогических наук.

Я — «кукушонок»

Недавно попал мне в руки ваш журнал. Смешно читать, как в семье хорошо, как без семьи плохо. Кому нужна эта семья? Расскажу о себе. Мне шестнадцать с половиной лет. Своих родителей не помню — выросла в детдоме. Говорили, что они погибли в катастрофе. Хотя, может, мне и соврали насчет этого. Может, они сами меня бросили.

Я живу как хочу. Пью давно, дерусь. Подруги мне под стать. Я у них заводила. Снимаем вещи с балконов и продаем. Раньше мы раздевали людей в Парке культуры, брали куртки и «кроссы». За это я сидела в «зоне». Вообще-то, меня определили в спецуху, но на что мне она? Нигде не учусь и работаю не стану.

Когда была маленькой, мечтала о доме, о матери; в детдоме все об этом думают. Завидовала другим детям. А теперь я знаю, как живут в домах этих «счастливых». Денег карманных детям не дают. Обматерят, пощечину влепят, милицией грозят, орут что хотят, а «детям» — по шестнадцать.

Все знакомые девчонки из семьи мне завидуют, а я их жалую. Дома у многих казарма, где одни измываются над другими. А я так жить не могу. Я — свободный человек, никто мне не мешает. Вы скажете: «Что она понимает, если в семье не жила?» Но я в жизни много всего перевидела. А вот такой семьи не встречала, где бы чадолюбивые предки не лезли с вопросами, приказали и угрозами (самое меньшее!). Такая любовь хуже ненависти.

Одну девчонку дома так довели, что она бросилась из окна. Другая из дома ушла, отец нашел и избил — живого места нет. Многие бродят кто где, ночуют в пустых домах, откуда все выехали. И я тоже с ними. Если эти девчонки родят, их домой на порог не пустят. И «кукушат» прибавится. В будущем я решила: семью никогда не создам, потому что дети — это обуза. Лучше от детей отказаться, чем их мучить. Видите, и у меня есть к детям жалость.

Адреса не пишу, его у меня нет, подписываюсь своей фамилией.

Вера КОРШУНОВА
г. Оренбурге

О «кукушках» забыли?

Хотелось бы дополнить рассуждения Т. Горбуновой по поводу того, почему женщины не хотят быть матерями.

В шестнадцать лет я полюбила парня, как говорится, была без ума от него. Он тоже относился ко мне с нежностью и любовью. Как говорится, чему быть, тому не миновать. Когда он узнал, что жду ребенка, обманым путем привел меня в больницу, где договорился об аборте. Узнав, в чем дело, убежала через окно. Тогда он стал грозиться, что бросит меня. Так оно и случилось.

Признаться родителям в своем «грехе» я очень боялась, но тянуть уже было некуда... В семнадцать с половиной лет я стала матерью, у меня родилась дочка. Ко всем приходили мужья, а я лежала в роддоме одинокая и покинутая. Не дай бог кому-нибудь испытать такое! Боль, обида, тревога за ребенка — все напльывает разом. А перспектива быть матерью-одиночкой, которая, увы, в нашем обществе не пользуется поддержкой и пониманием, так пугает! Помню, дочка тяжело заболела, и мы с ней оказались в больнице. Узнав, что у меня нет мужа, главный врач не постеснялся упрекнуть: «Если ребенок не нужен, надо было от него отказаться». Как будто дети в полных семьях не болеют...

Не каждая женщина может все эти испытания выдержать. Отсутствие участия, поддерж-

ки со стороны мужчины — это очень важная причина, которая нередко толкает женщину на отказ от ребенка.

К счастью, мои родители поняли, что я никогда ребенка не оставлю, и признали его. Но если бы они поступили иначе, я бы не стала их ни в чем упрекать. В конце концов не всегда родители могут поддержать своих непутевых дочерей, разные могут быть обстоятельства: и болезнь, и личные моменты.

А вот то, что мужчины бросают своих детей, об этом надо говорить. Ведь у брошенных детей «кукушки» есть не только матери-«кукушки», но и отцы-«кукушки». Должна же быть на них какая-то управа! Наравне с матерью они должны нести ответственность за свои действия. Мужчинам прощать бегство от детей никак нельзя.

Дочке моей шестнадцать лет. И хотя тот, от кого я родила, живет с нами в одном городе, он ни разу не вспомнил о своем ребенке...

Т. ЕЛЬНИКОВА
г. Кишинев

Разве это гуманно?

Я не из тех матерей, которые оставляют детей в родильном доме. Но я вынуждена сдать своего родного сына в дом ребенка. После тяжелой болезни он стал инвалидом; для него не существует ни папы, ни мамы, он не следит за погрешностями, короче говоря, как это ни страшно, в три с половиной года мой единственный мальчик перестал быть человеком. Врачи сказали, что никаких надежд на его исцеление нет. И как это ни горько, единственный выход — дом ребенка.

Ну что ж, умом я понимаю, что это единственно правильное решение, но сердце с этим примириться не может. Может быть, горе застилает мне глаза, но я виню тех, кто не сумел сохранить, уберечь наших малышей. Возбудитель болезни — вирусная инфекция и заразился ребенок в садике. Я утверждаю это не без оснований: четыре похожих случая — в двух параллельных группах, два из них тяжелые.

А теперь мы, родители остались наедине со своим горем. Чем мне и моему ребенку помогли? Тем, что нас разлучили? Мой Антошка там один, пускай он и не ощущает боли, не осознает ее, не приходит в сознание, но находиться рядом с сыном я лишена возможности. Разве это гуманно? Нас не принимают в восстановительный центр. А ведь можно создать консультативную группу, которая была бы доступна для всех, кто нуждается в помощи. А так даже не знаешь, к кому обратиться и куда.

Во Владимире в доме ребенка из 96 детей — 20 таких, как Антон. Фактически, при существующей практике, когда нет соответствующих условий для содержания таких детей в привычной домашней обстановке, это единственный выход. И ничего другого не предлагается женщине для того, чтобы она могла проявить свои материнские чувства. На мой взгляд, для таких случаев тоже нужны дома матери и ребенка, чтобы мать могла ухаживать за больным ребенком и он получал квалифицированную медицинскую помощь.

Я же, как и другие, оказалась в положении «кукушки».

Т. ТУПАЕВА
г. Козьмо

Чтобы не было сирот

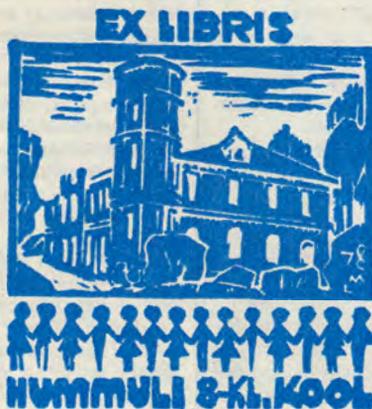
Считаю, что тех женщин, кто хочет оставить ребенка, не следует сразу выписывать из роддома. Желательно таких женщин задерживать подольше. Может быть, за это время потенциальная «кукушка» привяжется к ребенку, и проснется в ней материнское чувство. А сейчас оформляют отказ так быстро, что женщины просто не успевают почувствовать себя матерью.

И в дальнейшем желательно всячески неполную семью опекать — помогать матери утвердиться в своем чувстве к малышу. Государство должно пойти на это, чтобы было у нас меньше сирот.

Т. ДОРОФЕЕВА
г. Малая Вишера
Новгородской области

О. НИКОЛОГОРСКАЯ

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Она добивается замечательных результатов: работы ее учеников демонстрируются на Всесоюзных выставках детского рисунка, а также на выставках рисунков детей в Японии и Югославии. В своем деле она мастер и художник в высшем значении этого слова. А вообще-то она — школьная учительница. Линда Йоханнесовна Маркус живет в небольшом эстонском городке Валге. Впрочем, в Эстонии отчества не приняты. Ученики называют ее «учительница Маркус».

Много лет преподает Линда Маркус изобразительное искусство в школе поселка Хуммули в восьми километрах от Валги. Шестнадцать километров туда и обратно — расстояние немалое, даже при эстонских дорогах. Почти каждый день. Но причин для такого выбора множество. Главная — Линда сама когда-то училась в этой школе, и места эти навсегда овеяны для нее самыми светлыми и теплыми воспоминаниями.

...Школа занимает большой каменный дом, когда-то принадлежавший барону. В округе это красивое здание по старой памяти называют «замком». Замок стоит на холме. Вокруг — вековые дубы. А внизу, под холмом, зеленые луга и прихотливые изгибы реки Малой Эмайыги (в переводе с эстонского — Малая Мама-река). Сама обстановка располагает к раздумьям, к любованию природой. Занятия обычно строятся так, чтобы дети весной и осенью могли как можно больше бывать на воздухе. Эти специальные уроки можно условно назвать уроками знакомства с миром или уроками любования природой. А зимой или в ненастье дети с альбомами и карандашами располагаются прямо у огромных окон старинного дома или на широких удобных подоконниках и учатся наблюдать, «видеть мир», как любит говорить учительница. Педагог всегда рядом, и дети с восторгом делятся с ней своими «открытиями». А та, в свою очередь, обращает их внимание на то, как в ясный холодный день голубой воздух накладывается на цвет солнечных лучей — получается сиреневое... А весной, слушая шелесты и шорохи распускающихся деревьев, в который раз вместе с детьми удивляется бесчисленным оттенкам зеленого... С этого удивления, очевидно, и начинается творческая жизнь учеников Линды Маркус.

Каждое занятие Маркус начинает с короткой беседы. Она приносит в класс книги, репродукции, открытки, знакомит детей с работами всемирно известных художни-

ков, с изделиями народных мастеров. Как она сама призналась, больше всего ее волнует, интересно ли детям на занятиях: «Если детям скучно, то они не воспримут то, чему их учат...» Но детям не бывает скучно. Большая выдумщица и фантазерка, учительница превращает каждый урок в захватывающее интересное занятие.

Начать хотя бы с «пляшущих человечков». Линда Маркус вырезает из картона и раскрашивает забавных кукол. Они могут быть повернуты анфас и в профиль. С их помощью очень удобно объяснять, как движется человек, как он поднимает руку, танцует, скользит на коньках. Для ребенка кукла всегда интересна. Дети с удовольствием «оживляют» кукол. И прежде чем начать рисовать или гравировать, вдоволь наиграются, заставляя симпатичных кукулят плясать, совершая головокружительные прыжки, застыть в шпагате.

Учительница Маркус очень ценит наглядные пособия и применяет их широко. Она считает, что преподавать рисование и живопись от простого к сложному, так, чтобы запомнилась и усвоилась цветовая перспектива, можно лишь наглядно. И она, используя в качестве наглядных пособий собственные пейзажи (Линда Маркус — талантливая художница, и ученики гордятся этим) или просто делая на уроке быстрые зарисовки мелом на доске, добивается того, что ученики твердо усваивают принципы воздушной и цветовой перспективы и принцип «золотого сечения».

И еще в одном убеждена учительница — надо стараться, чтобы дети сразу же создавали пусть маленькие, простые, но вполне законченные картины. Этого принципа

Маркус придерживается твердо, будь это рисунок цветным карандашом, гуашью, работа акварелью, маслом или гравюра. Да, и гравюра! Ученики Маркус изучают различные графические и гравировальные техники. Но об этом речь впереди. А пока о том, что помогает пробудить фантазию ребят. О том, что делает ее уроки незабываемыми, что заставляет многих ее теперь уже взрослых учеников вспоминать занятия у «учительницы Маркус» как что-то необычайно светлое и радостное.

Однажды на урок к детям пришли гости из Эстонского радио. По численности учеников школа небольшая, и на уроке смогли собраться ученики всех восьми классов. Пришли и родители. Известный эстрадный певец Юри Пярк спел песню об утенке, заблудившемся в цветах. А дети, особенно младшие, с восторгом рисовали. Клуббу, цветы, непослушного утенка, строгую маму-утку... Этот открытый урок в сельской школе транслировался по радио на всю Эстонию. У учительницы Маркус по сей день хранятся прекрасные рисунки детей.

Часто на уроках звучит классическая музыка. Выбор музыкальных произведений велик, но предпочтение отдано все же мелодиям Моцарта, музыке Чайковского к балетам «Щелкунчик» и «Лебединое озеро», его циклу «Времена года», ноктюрнам Дебюсси, многоголосым хорам Эрнесакса, симфонической поэме Хейно Эллера «Поющие поля». Слушая музыку, дети создают фантастические панно из мазков и линий, красочных пятен и разноцветных точек — то светлых и радостных, то темных и мрачных в соответствии с «ликующими» или «тяжелыми», грозными звуками.

Учительница Маркус ведет еще и школьный художественный кружок. Все интересные, развивающие творческую фантазию приемы Линда испробовала сначала на занятиях кружка. Но получилась так: уроки Маркус настолько нравятся детям, что практически все школьники приходят и на занятия художественного кружка. И тогда, творчески дополняя школьную программу, Маркус (сама по призванию график) стала показывать первоначальные приемы и простейшие графические техники и на уроках. Причем она обучает не только технике линогравюры и монотипии, но и оригинальным, самостоятельно разработанным техникам: диатипии, акватуши или акватипии, так называемой технике «царапанья», печати на ткани — своеобразному виду набойки, для которой дети изготавливают выпуклые клише. Названия не всегда соответствующие общепринятым, придума-

ны самой учительницей или ее учениками.

Техникой монотипии овладевают даже первоклашки — рисуют и «печатают» цветы, бабочек. Дети постарше предпочитают пейзажи. Весьма доступна детям дватипия, несколько сложнее акватюшь или акватипия, ее изучают с третьего класса. Технику «царапания» Линда показывает обычно ученикам четвертого класса, когда они проходят тему «Космос». Изображение получается не слишком четкое, слегка таинственное, и учительница предлагает детям пофантазировать — изобразить космонавтов, жителей еще неизвестных планет или создать композицию на тему «Наша Земля и наш поселок в 2000 году».

И только к пятому классу наступает очередь линогравюры. Ребята вырезают на куске линолеума целые сценки. В каждом следующем классе ребята вновь и вновь возвращаются к уже знакомой им технике. Год за годом усложняются стоящие перед ними задачи. Они взрослеют и мастерство их растет. Маркус умеет передать своим подопечным жажду поиска.

...Однажды дети по ошибке окунали кисточки, испачканные в масляной краске, в подготовленную для работы с гравюрой ванночку с водой. Испугались: «Теперь все испорчено...» Но учительница быстро

вынула кисти и... положила на воду бумагу. На бумажном листке остались красивые узоры. Всем понравилось. Новую технику решено было назвать «водяной печатью»...

Сейчас трудно сказать, была ли это счастливая случайность, или же заранее подготовленный учительницей прием. Во всяком случае, все ученики Маркус с увлечением работают в этой редкой и простой технике. Линда охотно обучает этой своеобразной технике не только детей, но и их родителей, учителей, воспитателей детского сада. Работая в этой технике, начинающий художник раскован, смел, самовыражается очень непосредственно. И каждый видит в своем отпечатке то, что ему хотелось бы увидеть!

Теперь учительница Маркус работает в детском саду Валгаской швейной фабрики. Зачем сделан этот шаг? — Чтобы быть ближе к детству, — отвечает Линда. — Все дети талантливы. Нужно только суметь вовремя разглядеть и направить их способности в нужное русло. Лучше, если художественное воспитание, так же, впрочем, как и музыкальное, начнется с самого раннего детства, когда ребенок еще раскован. Есть возможность на всю жизнь сохранить эту детскую одаренность. Когда же ребенок приходит в школу, то процесс обучения

предполагает уже сложившиеся у него представления, систему навыков, развитую фантазию, любовь к добру и красоте. Этот фундамент надо формировать еще в ходе дошкольного воспитания.

...Светлая, просторная комната детского сада. На стенах картины. Мягко светит солнце сквозь украшенные витражами стекла. Все это — работы учительницы Маркус. На широких столах — большие листы ватмана, кисти, краски, фломастеры, карандаши, пластилин. Линда с удовлетворением наблюдает за трехлетней художницей. Рисовать карандашом ей еще рано, считает учительница, а кисточкой и гуашью легче да и интереснее. Рисунок получается крупный и яркий. Потом учительница подсаживается к малышу, который сосредоточенно мнет в перепачканных ладошках кусок пластилина. Он явно смущен. Линда берет пластилин, и из-под ее ловких пальцев возникает лукавая заячья мордочка... А потом, разговаривая, они лежат вместе.

У малышей свое представление о том, какого цвета должны быть деревья, море или небо. И учительница относится к этому с искренним пониманием, ведь и у нее на одной из картин море розовое. Все детские работы раскладываются прямо на полу, и учительница просит каждого рассказать, что он нарисовал. Как бы ни нарисовал ребенок, он, почувствовав внимание и одобрение старшего, горд и преисполнен чувства значимости своего дела. И надо поддерживать это чувство. И дать почувствовать каждому его неповторимость, непохожесть на других. Только подчеркивая индивидуальность, считает Маркус, можно воспитать творческую личность.

Есть у детей и взрослых и общие работы. Воспитанники младшей группы, конечно, с помощью старших вырезали из белой, коричневой и желтой кожи кружочки, звездочки, ромашки, колокольчики. Ребята постарше собрали из этих своеобразных «заготовок» фигурки зверей — задумчивых мишек, собачек, шаловливых котят. А воспитательницы прикрепили фигурки, располжив зверей среди цветов, к большому квадратному куску плотной ткани. Вот такое панно получила учительница Маркус в подарок ко дню своего рождения.

Эстонская ССР

Сувенир из подкладочной ткани, выполненный младшими школьниками

М. КОВАЛЬЧУК, кандидат психологических наук

Фотоколлаж В. Краснова

Э тот разговор, думается, необходим для всех тех, кто уже столкнулся с проблемой наркомании и токсикомании: для родителей наркоманов, врачей и психологов, занимающихся лечением и психокоррекцией, для работников милиции, организаторов медицинской и психологической помощи. Но еще в большей мере он необходим для тех, кто с наркоманией еще не со-

прикоснулся, но может это сделать — для подростков, для молодых людей и для их близких.

Я — психолог, но уже три с лишком года работаю в наркологической больнице. Психолог не врач. Мы не назначаем лекарств, уколов или каких-либо медицинских процедур. Тогда какие же у нас функции?

Во-первых, для целенаправленного лечения необходимо выяснить степень сохранности эмоций, интеллекта, воли больного — ибо наркотик разрушает либо возвращает и то, и другое, и третье. Такая информация может помочь врачу точнее установить диагноз и определить направленность медицинской помощи.

Во-вторых, психолог по рекомендации врача проводит психокоррекционную работу. Задача психолога здесь — помочь больному осознать психологические трудности, приведшие к наркомании, найти пути к их разрешению, научиться управлять своими чувствами и поступками. Но прежде всего психологически поддержать, помочь поверить в себя, укрепить желание отказаться от наркотика. Важно и научить пациентов справляться с депрессией, апатией, тревогой или перевозбуждением.

В идеале наша задача — изменить личность больного, его отношение к своему заболеванию, научить жить без наркотика. Это крайне сложно. Наркотик даже за весьма короткий период способен настолько изменить физиологию и психические процессы человека, что возникает ощущение

как бы второй личности — смыслом и целью существования для которой становится только одно — наркотик.

Большая часть наших пациентов попадают к нам в отделение в периоды, крайне тяжелые для их жизни. Это не только тяжелое физическое состояние, вызванное абстиненцией, своего рода наркотическим похмельем, когда, как говорят наркоманы, «кумарит», но и ощущение психологической опустошенности, личностного кризиса. Постоянные и неразрешимые конфликты с родителями и близкими, милицией, друзьями-наркоманами... Отчаянье, ощущение полной никчемности, социальной неприспособленности, отсутствие каких-либо перспектив: нет ни дома, ни профессии... Хочется жить как-то по-другому, как «все нормальные люди» (Алеша Л.), но нет сил, веры... Возникают мысли о бессмыслице существования, появляется желание уйти из жизни...

До лечения оставался только один путь выйти из подобного состояния — наркотик. «С ним забываешь все свои проблемы», — говорят большинство наших больных. Но ведь его надо доставать — значит, надо «крутиться», бегать, искать, добывать деньги, хитрить, подделывать рецепты, а женщинам — и просто себя продавать. Так или иначе унижаться, а то и подвергаться опасности. Ну а дальше что? «Вмазался», — говорит Костя М., — полегчало, но потом опять все возвращается... бессилие, невозможно подняться на работу, безразличие ко всему... Думаешь только об одном — где достать...»

Мне приходилось работать с разными пациентами, но ступок жизненных проблем, с которыми сталкивается наркоман, на мой взгляд, самый тяжкий. Можно пройти какой угодно, даже самый лучший, курс медикаментозного лечения, но «обламывают», как говорят наркоманы, именно жизненные трудности. Может быть, и в этом причина низкой эффективности лечения? Ведь после больницы человеку надо практически начать жить с начала. Но как? «Милиция и наркодиспансеры», — говорит Мила П., — только контролируют, надзирают... Если я наркоманка, то я не человек? Приходят и задают дежурный вопрос: кололась я или нет? Обмануть их проще пареной репы. А помочь мне устроиться на работу — руки умывают. Мол, в их компетенцию это не входит. На прежней работе узнали, что лечилась, уволили. Ведь мне в бюллетене написали «наркомания». Кто же захочет меня держать? Я теперь для всех — социально опасный элемент. Все, даже родители, только травят... Полтора года не кололась, так почему-то моему участковому не угодила. Я с таким трудом устроилась работать, так он директору сообщил, что я наркоманка, пригрозил, что, мол, общественность пригласит проверить, как я работаю. А у меня ни замечаний, ни нареканий, работа нравится. Директор вызывает, го-

ворот: пиши увольнение по собственному желанию... Жаловаться? Кому? Я же для всех наркоманка, значит, лгу, изворачиваюсь, всех обманываю, я неполноценный элемент советского общества...»

Волей-неволей думаешь: но зачем же вы сами себе такую жизнь создали? В самом деле, зачем? Попробую понять, как и почему наркомания «подбирает для себя кадры»? Всем, кто начинает сталкиваться с наркоманами, приходится различать две группы. Первая — «начинающие». Вторая — «кто подсел плотно» — те, кто употребляет наркотики (или таблетки /«колееса»/, бытовую химию и т. п.) достаточно долго — год и более. Что касается «плотно подсевших», то они достаточно хорошо стали понимать, в какую ловушку попали. Многие и совершенно отчаялись, не верят уже в возможность излечиться. Наркотик, как сказал один из наших больных, «стал моей душой и плотью».

У некоторых людей зависимость от наркотика может появиться сразу после первого приема! Вначале им это просто «нравится». Но очень скоро организм перестраивается и возникает физическая зависимость — болезнь. Скорость такой перестройки индивидуальна и зависит от многих факторов (частоты наркотизации, типа наркотика, способа введения, психического и физического состояния организма и пр.). Пока не существует каких-либо способов заранее ощутить, насколько тот или иной человек предрасположен к быстро возникающей зависимости. Ясно только одно: она может сформироваться у любого вполне здорового психически и физически человека. Исклчением, как показывают наблюдения, могут быть лишь люди с высоким уровнем способности к саморегуляции (например, йоги). Но им наркотик и не нужен, более того, для всех начинающих осваивать йогу он запрещен.

Наркоманский жаргон весьма специфичен и в ряде случаев достаточно популярно и доходчиво описывает многие наркотические феномены. Вот, например, выражение «крыша съехала». Его смысл в том, что у человека под воздействием препарата происходят разного рода психические аномалии: галлюцинации, припадки, любые разновидности неадекватного поведения. Одна наша 14-летняя пациентка долго не могла отделаться от страха, который возник у нее в компании наглотавшихся «колеса» подростков. Один из них увидел в ее образе медведя, нападающего на него, взял нож и пошел на нее. В жутком страхе девочка не могла вспомнить, каким образом спаслась; опомнилась только на улице. Некоторых начинают звать голоса, они теряют ориентацию в пространстве, вышагивают в окна многоэтажного дома.

Для наглядности воспользуемся вот таким сравнением: представьте, что вы берете в руки молоток и ударяете им по льду. Что произойдет? Лед может оказаться достаточно крепким и не поддастся удару. А если он потоньше? То могут появиться едва заметные трещины, которые потом затя-

нутя. Но лед тонкий, слабый может и растрескаться необратимо. Так и наркотик. Не исключено, что удар, нанесенный им нейромедиаторной системе (ответственной за передачу сигналов в нервной системе), окажется столь сильным, что она не будет способна вновь сбалансировать себя. Но, в отличие от молотка, извне разбивающего лед, наркотик наносит удары как бы «изнутри» — он начинает предлагать себя в качестве заменителя естественных веществ, отвечающих за передачу импульсов в нейронной сети. Как показывает ряд исследований, химическая структура многих наркотических веществ приближается к тем, которые может вырабатывать сам организм. Употребление наркотика и приводит к затормаживанию естественных биологических процессов (вплоть до их атрофирования) и переходу на «внешнее питание». Этот феномен замещения лежит в основе образования «тяги»: организм начинает требовать наркотик. А если прекращает «подпитываться» им, то появляются головные боли, иногда насморк, что-то похожее на простуду, тошнота, депрессия, тревожность; некоторым трудно усидеть на месте. У опийных наркоманов начинается внутренний зуд кожно-мышечной системы, зудят даже кости. Их буквально начинает изнутри выкручивать, ломать. Эти проявления называются абстинентными явлениями («кумар», «ломки» — на жаргоне наркоманов). Боль столь сильная и невыносимая, что в ход идут любые средства для ее преодоления — вплоть до нанесения себе увечий (режут вены, бросаются в окно); сильная боль может на некоторое время прекратить ломку. Очень мало кто может выдержать такие пытки — «переломаться» без препарата. Но стоит лишь возобновить наркотизацию, как все проходит. Самое страшное — это крайне быстрое «наркотическое обучение» организма.

Поначалу кажется, как говорят практически все наши пациенты, зависимости нет, заметить начало привыкания самому человеку трудно. «Попробую раз, другой! Ничего страшного». Но если бы было так!

Наташа П., 23 г., на лечение пришла по направлению районного нарколога. Уже три года не колется.

— Как ты начала употреблять наркотик?

— Смотрела, как другие колются, попробовала.

— Ты знала этих людей?

— Да, это были мои друзья. Я их знала еще до того, как они все начали колоться.

— Они сами тебе предложили?

— Нет, они даже отговаривали. Говорили, что мне этого делать не надо. Просто не хотели, чтобы я подседа.

— Ты сама этого не боялась?

— Нет, я не верила, что от этого нельзя избавиться.

— И вообще никакого страха не было?

— Был. Я боюсь уколов. Других колоть могу, а себя нет. Меня наколол мой приятель. Просто я постоянно напоминала о своем интересе, настойчиво просила попробовать.

— И что же ты ощутила?

— На душе спокойствие, очень хорошие ощущения.

— Раньше у тебя были подобные ощущения?

— Нет, только на наркотике.

— Ты продолжала колоться?

— Повторила укол через две недели, потом повторяла еще и еще. Сначала колослась просто от нечего делать, хотелось еще раз испытать ощущение спокойствия.

— Когда ты почувствовала тягу к наркоту?

— Примерно через 2—3 месяца. Я практически не делала перерывов между уколами, колослась ежедневно, по несколько раз в день. Дозы все увеличивались и увеличивались.

— Ты продолжала работать?

— Сначала да. Я работала секретарем-машинисткой в НИИ. Но потом стала прогуливать. Да просто невозможно было выходить на работу. Ведь дозы увеличились почти вдвое. Приходилось повторять до 3—4 раз в день. Сначала приходило спокойствие, но ненадолго. Начиналась депрессия. Приходили в голову разные страшные мысли: «Что же я натворила, что же делать?..» Уколось — полегче становится. А потом опять плохо...

— Родители знали, что ты колешься?

— Вначале нет, они ничего не замечали. Но потом случайно увидели мои исколотые руки. Просили бросить. Я, конечно, не слушала. Главной целью для меня стал наркотик. А на работу стало просто наплевать. Стала чаще уходить из дома, ночевала у своего приятеля. У него мы вместе колослись.

— Когда ты поняла, что попала в зависимость от наркотика, не было ли у тебя желания начать лечиться?

— У меня самой таких идей не было. Думала, что срок пока еще маленький. Физического и морального изнеможения вначале не было. Уколы приносили удовольствие. Думала, что само собой все обрывается. Не придавала и не понимала всей трагичности своего положения. На меня заявила в милицию мать. Приехали, забрали нас на квартире моего приятеля. Отправили в психиатрическую больницу. Это было в январе. Пролежала в ней больше месяца. Когда вышла из больницы, то всех друзей посадили. Я отошла сама собой. Не знала, где можно найти наркотик. Мой приятель пролежал дольше меня. Потом мы встретились. Я стала понимать, что нас объединял только наркотик. Не знаю почему, но у меня к нему просто отвращение.

— Хочешь ли ты сейчас колоться?

— Нет, думаю, что к этому не вернусь.

Случай с Наташей П. — самый типичный для всех начинающих наркотизироваться девочек. Большинство из них «подсаживаются на иглу» из любопытства, не без участия своих возлюбленных.

Не без участия — но чаще по собственной инициативе! Что же касается мальчиков, то тут инициатива преимущественно принадлежит друзьям, особенно старшим, перед которыми нельзя «ударить в грязь лицом», показаться трусом, «маленьким». И почти всегда «в компании».

Беседы с наркоманами убедили меня, что находиться в подобных компаниях, не принимая участие в общем наркотическом действе, весьма трудно. Все, что надо сделать, — сразу уйти.

Описанный мной случай — не единственный возможный способ соблазнения. К тому, чтобы начать колоться, пробовать таблетки — немало путей. Да и сейчас, когда Вы,

* Согласно Уголовному кодексу ряда союзных республик употребление и хранение наркотических средств карается различными наказаниями (см. УК РСФСР, ст. 224 и др.).

читатель, читаете эту статью, нет никакой гарантии, что Вашей дочери или сыну приятели не предложили «травку», «колеса» или всякую другую наркотическую снюдь. Что Вы сделали, чтобы предотвратить это? А ведь чем моложе, тем легче поддаются на уговоры. Большинство подростков пробуют из подражания, из желания быть как все, а некоторые даже демонстрируют и тут свое бесстрашие. Однажды к нам в реанимацию попала 14-летняя девочка. Ее спасли. Как выяснилось, она съела какие-то таблетки. Названия их не знает. На вопрос, зачем она это сделала, ответ был следующим: «Хотелось показать всем, что могу съесть таблеток больше, чем другие».

...Машу Л. к нам привела милиция. Ей тоже 14. Ушла из дома. Случайно прохожий на улице заметил, что девочка ведет себя странно: надел на голову целофановый мешок, что-то вдыхает из пузырька. На мой вопрос, зачем она это делала, она ответила: «Мне хотелось попробовать: сказали, что интересно».

...Костя К. Сейчас ему уже более 30 лет, а начал он употреблять наркотики с 14. Попал в компанию хиппи. Нравилась идеалы этой группы: раскованность, свободное общение, социальная независимость. «Наркотик был символом нашей свободы. Никто из нас не думал тогда, что мы все потом станем наркоманами», — вспоминал Костя.

...У читателя, не попробовавшего хотя бы раз наркотик, естественно возникает вопрос: а страх — разве он не может удерживать? Неужели любопытство сильнее? К сожалению, в большинстве случаев страх отступает.

Беда еще и в том, что начинающие наркоманы находятся в своего рода эйфории. И когда они приходят на групповые занятия с психологом, то нередко возникает парадоксальная ситуация. Наркоманки «со стажем» начинают их уговаривать остановиться, приводят в пример себя. «Представьте, мне пришлось даже воровать! — воскликнула 24-летняя пациентка. — А ведь я хорошо закончила школу, поступила на экономический факультет университета... Наркотик забрал у меня все: жизнь, работу, семью. Меня ненавидят родители, гонят из дома. На работе узнали, что я наркоманка, выгнали. Мы — никто. Нас гонят отовсюду. Большая часть моих друзей сидят, и я получаю письма только из наркотической зоны от них. Что остается? Только колоться! Я уже не верю, что могу вылезти. И вот это может случиться с вами!»

Увы, приходится наблюдать, что такие признания многие начинающие просто не слышат! И получается: те, кто уже стал наркоманом или токсикоманом, *хотят, но не могут* вылезти; те же, у кого есть еще шанс вылезти, *не желают* бросать наркотики.

Приходится отметить и другое: даже многие из тех, кто вроде бы решился спастись, после лечения держатся недолго. И дело не всегда в том, что лечение плоховато. Довольно быстро появляются старые друзья, предлагающие вновь начать колоться: «Ведь ты уже вылечилась, тебе нестрашно. Начнешь небольшими дозами. Главное — делай большие перерывы. И все будет о'кей!»

А ведь возобновление наркотизации даже в маленьких дозах быстро возвра-

щает организм к прежнему, «наркотическому» функционированию.

Родители зачастую невнимательны к тем первым, не очень резким переменам в поведении, которые приносят наркотики. А нужно, что называется, быть настороже: наркотическая зависимость развивается в считанные недели, месяцы!

Хорошо, если у вас сложились доверительные отношения с вашим ребенком и вы услышите его рассказ о его наркотическом опыте. Главное — не высмеивайте, не ругайте его только потому, что вы этих состояний не переживали или потому что наркотики осуждаются обществом. Не оттолкните! Даже если вы испытываете ужас или ярость от вашего открытия, постарайтесь взять себя в руки и спокойно выясните причины наркотизации. Объясните вред наркотика, его опасность для будущего вашего ребенка. Ведь любой подросток смотрит в будущее, связывает с ним осуществление своих профессиональных, творческих, личных планов. Без «пугания» надо объяснить, что наркотик ставит всемоу этому преграду. В случае, если самим не удалось выяснить и устранить причины интереса к наркотику, следует обязательно обратиться за консультацией к специалисту: врачу-наркологу, психологу, психотерапевту... Существуют специализированные наркодиспансеры, кабинеты социальной-психологической помощи, телефон доверия, в некоторых городах кабинеты анонимного лечения для подростков.

Что же может проложить путь к наркотикам? Чем заметнее невротичность, эмоциональная неустойчивость, психологическое и социальное неблагополучие вашего ребенка, тем выше риск развития зависимости. Усугубляют наркотизацию ребенка и психическая неустойчивость самих родителей, конфликтная обстановка в семье. В большинстве случаев именно семейные неурядицы поддерживали тягу к наркотикам, были причиной срывов тех, кто решил «завязать».

Вот достаточно характерный пример. «Мать с отцом развелись, когда мне было четыре года, — рассказывает Наташа. — Мать мне о нем никогда не говорила. После развода отец начал пить. Смутно помню его приходы. Видела его последний раз на похоронах бабушки. Только платит алименты и больше никак не помогает. Со мной не занимался, да и мать практически тоже. Мы жили с бабушкой, она меня и воспитывала. А мать зарабатывала для нас деньги. У нее всегда было много дел. Я ее не люблю. Она слишком тяжелый человек. Бабушку любила. Мать так и не нашла никого для себя после развода. Вся сосредоточилась на мне. Она человек неразвитый, ничем не интересуется. Я пытаюсь с ней разговаривать, но только на посторонние темы, не касающиеся серьезных, интересных для меня проблем. Она ненавидит моих друзей, особенно мальчиков. Каждый, кто ко мне заходит, почему-то обязательно наркоман. Но это не так. Дома мне очень плохо... После больницы не знаю, куда деться. Мать изводит меня. Я же за спокойную жизнь отдала бы все!»

Напомним, что вот это состояние спокойствия и давал этой девушке наркотик. В наркотическом опьянении многие испытывают именно то, чего им не достает в их нормальной жизни. Тем, кто скован, кажет-

ся, что теперь им стало легче общаться с другими людьми. Тем, кого мучают страхи, кажется, что они стали смелее. Наркотик в буквальном смысле «делает зрими» затаенные желания. Но беда-то в том, что эти «положительные эффекты» возникают только в самом начале наркотизации, а потом для их возобновления требуется увеличивать и увеличивать дозы... Более того, эти переживания мимолетны, преходящи, они остаются лишь иллюзией и вовсе не способствуют формированию этих качеств в реальной жизни.

И в заключение несколько советов родителям. Причина наркомании — бездуховность, жестокость, агрессия. Поэтому только ваша человеческая культура: милосердие, искренность, истинность могут служить противовесом наркотикам. Чем больше вы способны к творческому росту, самопонижению, развитию навыков психической саморегуляции, тем больше вы можете помочь вашим детям в трудных ситуациях их жизни.

Что ни говори, собственный личный пример — самое яркое и убедительное, что мы можем дать нашим детям.

ЧТО ТАМ, ЗА НОВЫМ ПОВОРОТОМ?

Окончание. Начало на стр. 2

И хотя я в принципе согласна со словами Евгения Семеновича «хороший учитель может всему научить и на лестничной площадке», не могу смириться с тем, что в школе-гимназии конца XX века ученикам приходится заниматься и в помещении столовой, и в учительской, и в актовом зале... Ну негде больше. Стараемся хоть как-то разместиться.

Школа старается... А чем заняты в это время советские и партийные органы района? Наверное, «выражают гордость» за «свою» гимназию и ее энергичного руководителя, который должен уметь все — убеждать учителя, что нет ничего страшного, если его нагрузка и ответственность увеличиваются, а зарплата — увы! И «пробивать» для гимназии установку так необходимого телефона, и поддерживать связь с американскими коллегами по компьютерному обучению и ладить со строительной бригадой, как всегда что-то не успевающей, и вести уроки словесности... Одним словом уметь еще уйму всего прочего и оставаться при этом «учителем учителей»...

...Гимназия делает свои первые шаги — что там впереди? Мы, родители, так устали от непреходящих крушений всяких иллюзий, от лавины «негативных фактов из жизни школы», что ужасно хочется поверить: вдруг именно эта форма обучения совершит чудо — верой и правдой служба во благо детям, примирит, наконец, конфликтующие стороны — семью и школу, а школьному учителю каждый ученик сможет сказать словами поэта: «Тебе я обязан всем светлым, всем чистым, что есть на земле»...

ЗА ЗАКАТОМ-

РАССВЕТ

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ ИЗ КОЛОНИИ ДЛЯ ДЕВУШЕК

Продолжение. Начало в № 11, 12
за 1989 год

В поисках своих воспитанниц обошел спортплощадку. Нашел одну только Кошкарову, сидевшую в одиночестве на скамейке зрительской трибуны. Аня отбывает срок наказания по статье Уголовного кодекса — заражение группы лиц венерическим заболеванием. Через несколько дней ей на свободу. Активная, подвижная, всегда улыбающаяся, она последнее время чернее тучи — боится на свободе мести. Хотя вина ее относительная. Главный недостаток Кошкаровой — слабоволие. В тринадцать лет она перестала быть девушкой, потому что так очень захотелось одному из дворовых королей. А потом ее «водили на крышу» кому не лень. На робкие попытки сопротивляться стояло чуть припугнуть ее, и она снова

становилась покорной. Вся короткая жизнь Кошкаровой — это жизнь в страхе. Именно из страха она не сообщала партнерам, берущим ее силой, о тяжелом заболевании, которым заразилась неизвестно от кого.

— О чем задумалась? — спрашиваю я у Кошкаровой.

Аня в ответ кисло улыбается.

— Домой не хочу. Боюсь я.

— Здесь разве лучше?

— Тоже болото, — говорит негромко Кошкарова. — Зачем вы только его ворошите? Не надо этой встречи в восемь часов. Не надо говорить о ЧП. Получится только, что отделение окончательно разобьется на две группировки. Володажской вы все равно не поможете, а представьте, каково ей будет меж двух огней.

Я нередко соглашаюсь с доводами и предложениями Ани, но на этот раз лишь отрицательно качаю головой.

— Ладно, будь по-вашему, — уступает она. — Хотя я передала вам не только свое мнение. Это мнение актива.

Я искренне огорчен.

— С каких пор у «отрицаловки» и актива стали совпадать интересы? Кому нужно, чтобы не было разговора о ЧП с Володажской? Быть может, только таким активистам, как комитетчица Гукова? Аня, будь со мной и на этот раз честной до конца.

По лицу воспитанницы было видно, что какое-то время в ней велась внутренняя борьба.

— Ладно уж, — вздохнула наконец

тяжело.— Сон, знаете, мне приснился. Будто Света Гукова подошла к замполиту и вас «заложила», будто из комнаты в пятницу сами не хотели уходить, а ей, барыне, переодеться, видите ли, негде было.

Вообще я не сторонник подобных методов получения информации. Аня могла бы на собрании сказать об этом, но в сложившейся ситуации, наверное, не стоило ей выговаривать.

Я иду вдоль периметра и вспоминаю первую свою беседу с Гуковой.

Она сразу, без ужимок и многословия, рассказала о своем преступлении. Была с подругой в баре. Выпили. Страшно злились, что в тот вечер на них никто из мужчин «не обратил внимания». Вышли. Шли через парк. Увидели парня.

— Эй, офицер, сигареткой дам не побалуешь?

— Пожалуйста, пожалуйста, девочки, сколько хотите!

У прохожего, когда он доставал сигареты из пачки, от страха тряслись руки.

— О, какие часы! Дай, дорогой, примерить!

Он с трудом расстегнул ремешок.

— Пожалуйста, девочки, только вы не пасовеще, хорошо?

— Люсь, ты посмотри, какая на нем курточка! Попросить, что ли, поносить?

Так началось преступление, о котором длительное время говорила вся Одесса. На мой вопрос: «За что вы его убили?» Гукова ответила коротко: «За трусость».

Тяжелая, горькая истина. Истина, требующая отдельного серьезного разговора. Кто воспитывает в наших юношах трусость? Женщины, которые поневоле вынуждены в одиночестве растить сыновей? Или школа, директором и завучами в которой женщины? И вообще девяносто процентов учителей — женщины. Вот повысили зарплату учителям, а мужчины по-прежнему не спешат в школу. Почему? Наверное, не ответить на этот вопрос лучше Антона Семеновича Макаренко, подробно рассказавшего в своих книгах о борьбе с «руководящими дамами». Хоть и время сейчас другое, но давайте посмотрим: директора школ кто? Районы руководят кто? А горно? Облоно? В институтах усовершенствования учителей кто нас усовершенствует?

Комната шестого отделения на двадцать квадратных метров. В ней тридцать кроватей в два яруса, стол почти у самого входа, несколько табуретов. Я присаживаюсь. Активистов, кроме Кошкарровой и Водолажской, никого нет. Зато «отрицаловка» вся в сборе, ждали, готовились, значит, к разговору. Но почему такая тишина, почему все делают вид, что меня здесь нет? Никакой реакции на мое появление. Так еще не встречали.

Поднимается со своей кровати Аня, подходит, в ее руках конверт.

— Владимир Иванович, вы не знаете индекс Брянска? — спрашивает так, чтобы всем слышно.

— Есть в записной книжке такой индекс. А кому ты написать хочешь? Уж не Любе Игнатушкиной, случайно?

— Эй, кому же еще.

Я иду в блокноте адрес воспитанницы, освободившейся в сентябре, улавливаю при этом едва слышный Анин шепот.

— Бойкот. Они и вам объявили бойкот.

Клин вышибают клином, и я решаю использовать то же оружие. Почему бы не объявить «отрицаловке» ответный бойкот? Знать не хочу никого, кроме Ани. Всех игнорирую!

— Поговорим, — соглашается Кошкаррова. — Но о чем?

— О городах, например, — предлагаю я. — Знаешь, Аннушка, есть на земном шарике такой город — Чернигов.

— Знаю, наша Шумарина там «гастролировала» когда-то...

— Самой-то не приходилось быть в Чернигове?

Воспитанница пожимает плечами.

— А я вот, Аня, когда-то побывал. Спасский монастырь смотрел, Пятницкую церковь. Но поражает Дом архиепископа и Троицкий собор. Это грандиозно!

— Что это Вы, Владимир Иванович, все по церквям да по церквям, в бога веруете, что ли?

— Это же история, достояние наше, как без этого?

Кошкаррова снова пожимает плечами:

— В Чернигове еще и другие достопримечательности есть. Зона, например, женская. Только не «малолетка», как у нас, а взрослая. Моя приятельница там «сидит».

— Хороша достопримечательность! — Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не улыбнуться.

Но что это? Неужто лед трогается? «Отрицательные», поняв, что их проигнорировали, зашевелились, перешептываются. Шумарина закрыла решительно учебник алгебры (до этого она делала вид, что с интересом читает) и произнесла язвительно:

— Слушай, Ноша, а может, хватит все о боге да о боге? Бог не фраер, он простит! Катись-ка ты лучше!..

Кошкаррова, как пружиной подброшенная, подхватила и пересела на ближайшую от стола кровать. Ни на реплику Шумариной, ни на жест Кошкарровой не обращая внимания, записываю свое в блокноте. Не выдерживает, нарушает тягостное противостояние «отрицаловка». Шумарина спрашивает громко и язвительно:

— Вы как, считаете нас с Цирульниковой конченными?

— Я, Неля, так не считаю.

— Зачем же говорить было в воспитательской?

Вспоминаю Гукову, которая «закрывала форточку»; все сделала, чтобы столкнуть лбами учителя с «отрицаловкой».

— Откуда подобная информация? — спрашиваю спокойно у Шумариной.

Во взгляде Нели проскальзывает явное самодовольство.

— Цыганская почта принесла, — объясняет невозмутимо.

— Так врет твоя почта!

Теперь Шумарина смотрит растерянно, часто моргая. Молчит. Ее сменяет Цирульникова. Она и есть неформальный лидер «отрицаловки» в шестом отделении, хотя сама предпочитает лишний раз не высывываться, делает все чужими руками. Осуждена к пяти годам лишения свободы за соучастие в изнасиловании. По требованию своих приятелей, которым успела надоесть, она пригласила школьную под-

ругу, помогла ее раздевать, держала за руки, когда подвыпившие юнцы глумились над девушкой.

И вот сейчас у меня в ушах звенит от крика Цирульниковой.

— Как вы можете защищать подлость? То, что сделала Водолажская, — это!.. Это!.. — Она задыхается, багровеет от ярости. — Да на свободе башку бы растерла ей по стенке. Дрянь она, ваша Водолажская, гнилье, шестерка!

— Дрянь? Гнилье? К себе ты никогда не пробовала это примерить? — спрашиваю Цирульникову.

Яна еще больше багровеет.

— А не надо, не надо прошлым глаза колотить! Наказана уж, хватит, Водолажская ваша — гнилье! — повторяет настойчиво Цирульникова. — Дрянь! Гнилье!

— Но почему гнилье? — возвращаюсь и я к разбираемому ЧП. — Разве одна Водолажская в активе? Другим, кто вступает, вы тоже концерты устраиваете?

— Других, Владимир Иванович, туда назначает, — снова включается в разговор Шумарина. — Или избирают, а эта сама!.. Сама. Добровольно, понимаете разницу?!

— И это вы называете подлостью? Да бросьте, разве можно так относиться к человеку!..

— К человеку?! — кричит со своей кровати Корниенко. — Можно, вы считаете, назвать Водолажскую человеком?

— Если ее нельзя, ты и вас — тоже. Последней фразой, я кажется, всех оглушил. Снова в комнате повисло тягостное молчание. Может быть, опять перебрал! Эх.. Ну да ладно. Отступить поздно.

— Больно строго вы Ольгу судите. И нечестно.

Цирульникова мгновенно взрывается, брызжет гневом, обзывает Водолажскую.

— Нет, Яна, — возражаю ей, — это только твоё мнение.

— Мое?! — У Цирульниковой глаза лезут на лоб. — Да все так считают! Давить надо эту Водолажскую, под каблук держать. Неля, ты согласна? А ты, Катя? Ты — Кошкаррова? Вот видите, все, все!

Яна даже не замечает, что Кошкаррова не согласна. Аня молчит, но только потому, что не всегда можно пробовать здесь плыть против течения.

Я снова обращаюсь к Цирульниковой.

— Пойми правильно, не на одной Водолажской свет клином сошелся, — убеждаю ее. — Тут другое. Тут в принципе дело. Окажись ты на месте Ольги — защищал бы тебя.

Цирульникова молчит.

— Яна, я допускаю, что Водолажская, войдя в актив, могла в какой-то мере и зазнаться, заговорить с кем-то свысока, но разве ты сама никогда в жизни не ошибалась, не спотыкалась, оказавшись в новой для тебя ситуации, не оставалась в одиночестве? Забыла, каково тебе было? Вспомни, хорошо ли чувствовала себя, когда после прибытия в колонию, воспитанницы узнали о твоём преступлении и объявили тебе бойкот?

Цирульникова, прерывая мою речь, кричит:

— Я, как Водолажская, не надевала

повязку и не надену никогда! Не хочу, чтобы называли меня на свободе «мусоршей». Я честный человек и совестью не торгую!

И вдруг, без перехода:

— Эй, Водолажская, чего сидишь в углу? Вали сюда! Позырить на тебя хочу.

Ольга медленно подходит. Застывает напротив. Снова напоминаю мне колокол: высокая, светловолосая, с короткой стрижкой. Перехватываю взгляд Цирульниковой и понимаю, что она — низкорослая и невзрачная — завидует внешности Водолажской.

— Уродина, тварь, ничтожество! — будто угадывая мои мысли, отпускает Цирульникова «комплименты» в адрес соперницы.

Мне не под силу сдерживать улыбку.

— Мелко плаваешь, Яна.

— Зато не мешаю другим двигаться по фарватеру, — ухмыляется Цирульникова.

Она что-то хочет сказать еще, но в комнату заходит начальник отряда, дежурившая в то воскресенье в жилой зоне, и с ней еще две женщины в сержантской форме — контролеры. Лидия Павловна Дьяченко, поняв по выражению моего лица, что здесь еще не «взрывоопасно», как будто равнодушно спрашивает у воспитанниц о причине шума.

— За жизнь спорим, — объясняет коротко Корниенко.

Лидия Павловна, не задерживаясь, тут же уходит.

— Не буду вам мешать, спорьте.

Впрочем, я знаю, что Дьяченко далеко уже не уйдет, вместе с контролерами будет поблизости...

Водолажская, раскачиваясь на носках, смотрит на Цирульникову в упор. На лице у той разгорелись красные пятна. И голос изменился, осел, хрипловатым стал, старушечьим.

— Чё беньки вытаращила? Я тебе, мразь, до конца срока жизни давать не буду!

Цирульникова брызжет злостью и, размахивая угрожающе руками, пытается приблизиться к Водолажской. Я прергаждаю ей путь.

— Возьми себя в руки, Яна!

Она лишь ухмыляется отъявленно и отвечает по-хамски:

— Мне больше нравятся, когда меня берут в руки другие!

Подобные циничные реплики нередко ставят в тупик, и я, выдержав паузу, говорю требовательно:

— Яна, присядь вон на тот табурет. Остань.

— Я уйду — другие останутся! — цедит сквозь зубы Цирульникова. — А поедет Водолажская на «взрослую», по этапу передам — мусорша катит.

Через несколько минут в комнату заглянула воспитанница с повязкой.

— Девочки, на построение!

Привычные исполнять команды по первому требованию, все вмиг зашевелились. Совершенно неожиданно для меня из глубины комнаты показалась Кузовлева, староста класса.

— Ты?.. Была здесь? И молчала?!

Кузовлева лишь пожимает неопределенно плечами. Корниенко объясняет поведение активистки с ехидцей:

— «Отрицательных» воспитывать? Зачем это Таньке, если ей через месяц на свободу?

Я подумал о Кошкаровой. Ей неделя до окончания срока, но Аня не считает для себя возможным пожимать в неопределенности плечами. У нее не так много сил, но в меру допустимого она все же старалась мне помочь. Но говорить об этом Татьяна сейчас не хочет.

Счастливая, что я больше ни о чем не спрашиваю, Кузовлева прошмыгнула в коридор.

Строй, в котором сотни осужденных девушек, застыл толстой буквой «П» на плацу жилой зоны. Спят глаза лучи прожекторов с вышек. Озлобленно лают собаки. Контролеры пересчитывают наличие личного состава. Докладывают дежурному офицеру. Тот подает команду «вольно». Обычная, повторяющаяся ежедневно процедура. К ней привыкаешь. Только песня, взлетающая над стенами одетого в колючую проволоку ограждения, по-прежнему рождает в сердце комок и подкатывает его к горлу.

В детстве казалось, что жизнь бесконечной будет всегда,

Можно мгновения тратить беспечно, дни и года.

Но незаметно полжизни проходит — не возвратит!

И невозможно ушедшие годы снова прожить.

Ряды воспитанниц плотно сомкнуты, лица хмурые, будто закаменевшие. Но припев колония поет еще громче, интонация пронзительнее.

Дни-и летят,
за рассветом закат,

За годами года,
дни-и летят.

Не-е забудь,
что ни дня не вернуть,

Не вернуть никогда,
не-е забудь.

Не только воспитанницы, но и я думаю о днях, которые летят, которые не вернуть. Зачем прожит этот день? Что сделано? Правильно ли? Сам-то я вроде на волнах удержался, но ведь шторм от этого меньше не стал, обстановка в отделении остается попрежнему тяжелой. Конечно, я не изрекатель истины, у меня нет большого опыта, я тоже могу ошибаться. Что если весь этот день был ошибкой? Мыслей сколько тяжелых одолевает: не изобьют ли Водолажскую во второй раз? Где гарантии, что грядущая ночь пройдет в отделении без других ЧП? Все ли для этого сделано? Так ли сделано?

Песня допета. Молчаливой, унылой цепочкой втягиваются воспитанницы в жилой корпус. Я провожаю их до двери. Спрашиваю вполголоса у Кошкаровой:

— Как думаешь, обойдется без новых ЧП?

Вместо Ани отвечает Кузовлева:

— Обойдется, — говорит твердо. — Это я вам обещаю.

Словам Татьяны хочется верить.

Оксана незаметно сует в руку клочок бумаги.

— Не сейчас, ддма прочитайте, — шепчет скороговоркой Дорошенко. — А за Олю не беспокойтесь. Не дадим в обиду.

Чуть-чуть отлегло от сердца. Но есть еще записка — что в ней? Развернул, как толь-

ко вышел из КП. «Владимир Иванович, — узнаю крупный Оксанин почерк, — пожалуйста, не обижайтесь на отделение. Делайте свое, что задумали. Не надо падать духом, давайте будем надеяться на лучшее. Ведь против вас только Янка, а я — за. Мне почему-то нравятся, когда Вы нас воспитываете. Спокойной Вам и хороших снов!»

Дышать стало легче.

Ну, Оксана, вот те и «серенькая мышка!» Вот те и «ее хата с краю». Думает, беспокоится об отделении: сегодня написала записку, а завтра, глядишь, и вслух не побоятся высказаться. Но главное — нет у нее симпатий к «отрицаловке».

Ночью я спал удивительно крепким и спокойным сном. Но как только проснулся, вскочил, набрал номер телефона КП. Дежурный помощник начальника колонии ответил, что происшествий в течении ночи не было.

Продолжение следует

КТО НАМ ПОМОЖЕТ?

Вниманию предприятий и кооперативов, заинтересованных в аккуратных, исполнительных работников! Совет самоуправления средней школы № 970 Кировского района г. Москвы просит помочь организовать для наших детей посильный труд, который мог бы с пользой занять досуг школьников, дать им и интересное дело, и рабочую квалификацию, и некоторый заработок.

Конечно, хотелось бы организовать такое производство, чтобы детям не пришлось ездить по городу за работой. И в то же время мы считаем возможным сотрудничество и с иногородними предприятиями и коллективами — лишь бы предложенное занятие было по душе школьникам. Будем признательны всем, кто с разумными предложениями обратится по адресу: 127577, Москва, И-577, Алтуфьевское шоссе, д. 40а, средняя школа № 970. Тел. 903-55-00.

Член Совета самоуправления,
председатель комиссии материального
фонда школы № 970
священник церкви Всех Святых
отец СЕРГИЙ ОКУНЕВ

НЕ ДАЧНИКИ-

Алексей БУЛГАКОВ

КООПЕРАТОРЫ

В № 1 нашего журнала за 1989 год в статье «Огород для сестер и братьев» речь шла о возможности для городских многодетных (да и не только для многодетных) семей участвовать в сельскохозяйственном производстве. Этот разговор активно поддержали читатели. Причем во многих откликах излагается взгляд на многодетную семью, в том числе и конкретно на московскую семью Шориных, о проблемах которой сообщалось в статье. Вот выдержки из читательских писем, представляющих полярные точки зрения.

«Статья «Огород для сестер и братьев» крайне возмутила меня тем, что автор защищает те многодетные семьи, которые стремятся сесть на шею обществу, но никогда в жизни не станут работать в кооперативе. Когда я прочитала статью у себя в школе, все в один голос сказали, что эти Шорины обнаглели. У меня трое детей. Не успею отсидеть в декретном отпуске, как бегу на работу, а муж все выходные и отпуска работает, но с протянутой рукой не ходим. Знаю очень трудолюбивую семью с десятью детьми, где мать и дети работают изо всех сил. И дом на свои трудовые построили. Так что пусть автор А. Булгаков хорошенько прислушается к тому, что люди говорят, а потом защищает Шориных, которые, как я поняла, всем надоели» (Т. Журавлева, Гомельская область).

«Мне было очень больно читать вашу статью «Огород для сестер и братьев». Зачем вы так плохо пишете о многодетных семьях? В нашем обществе не осуждаются матери-одиночки, а многодетные семьи, наоборот, — будто камень преткновения» (З. Корпун, мать шестерых детей, Ставропольский край).

Что многодетным участок земли просто

необходим, что уж кому-кому, а им-то надо выделять его в первую очередь, против этого никто из наших читателей не возражает. И вот я в одном из райисполкомов Москвы пытаюсь выступить в роли многодетного отца. Из разговора выясняется, что если и можно рассчитывать на участок, то очень далеко от города и в стороне от железной дороги, так что добираться до него надо минимум тремя видами транспорта, считая собственные ноги. После этого гипотетический многодетный родитель моими устами стал доказывать работнику исполкома, что многодетные семьи включены в льготную группу граждан, поэтому имеют право на участок поближе к городу, а не где-то на задворках. Дескать, с оравой детей в такую даль не наездишься и нужно это понимать и идти навстречу. «Они потом пенсию вам будут зарабатывать», — заключил я о детях, которые лет через десять станут взрослыми членами общества. «Это если вырастите хороших трудолюбивых детей», — услышал я в ответ. — А если потребителей, повторяющих вслед за вами, что лишь общество им должно, а они обществу — ничего? А то и вовсе — пьяницы... И на каком основании вы хотите получить льготы прежде, чем участник войны или ветеран труда?

Когда же я заговаривал с работниками московских организаций (Моссовета, райисполкома и других) о двух гектарах земли для садоводческого товарищества многодетных семей недалеко от большого города (в частности, от Москвы), причем в пешеходной доступности от железнодорожной платформы, на меня смотрели так, будто я пришел ратовать за передачу одного из новых корпусов-башен в районе Арбата (есть там такие роскошные дома из желтого кирпича с большими лоджиями) многодетным семьям.

Как выяснилось, участки вблизи Москвы сейчас выделяют крайне ограничено: либо очень влиятельным организациям, либо на основе договоров сельских хозяйств с крупными предприятиями, которые могут, не моргнув глазом, выделить местному совхозу несколько бульдозеров, построить дороги, коровник, прислать своих людей в дни страды и т. д. Вообще же Мособлисполком в последнее время ставит вопрос о прекращении выделения в массовом порядке участков на территории области. «Мы не можем всю землю раздать, нам город кормить надо, а леса население требует — и справедливо — сохранить нетронутыми» — так говорили в исполкоме. Действительно, под дачные участки идут леса, что уж тут хорошего...

Зададимся и таким вопросом: где найти под Москвой совхоз, колхоз или исполком местного Совета, которые с энтузиазмом вызвались бы разместить у себя на территории такое беспокойное общество с несколькими сотнями, а то и доброй тысячей детей? Кто возьмет на себя расходы, например, по строительству ограды поселка, подъездной дороги, по электрификации и газификации, на водопровод и т. д.? Ведь родители многодетных работают на разных предприятиях, а у самих, как правило, с деньгами негусто. Да и захотят ли сами многодетные родители отдыхать, работать, жить в подобной «резервации»?

Такой эксперимент, конечно, возможен, но пока ни одна организация за него не взялась. Не только потому, что никто не хочет взваливать на себя трудоемкое и хлопотное дело, но и, как я убедился, из-за своего отношения к многодетным семьям в принципе. В обществе не определено отношение к ним, и даже сам факт многодетности воспринимается

людьми по-разному, часто негативно, что отразилось и в читательских письмах-откликах. Очень неоднозначное отношение к материальному стимулированию многодетных.

«Почему бы Советскому детскому фонду не доплачивать многодетным семьям до 60 рублей на человека?» (Э. Мамаева, мать шестерых детей, г. Севастополь).

«На примере нашего города можно наглядно показать, что многодетные родители в большинстве случаев вырастают не тружеников, а уголовников и наркоманов» (С. Войтко, г. Ростов-на-Дону).

Мы еще оставили за кадром наиболее резкие высказывания...

Вообще провозглашенный некогда лозунг, что много детей — это только благо, отнюдь не поддерживается в очередях, автобусах, да и в кабинетах руководящих работников, когда разговор спускается с официального тона на уровень доверительной беседы. В этих разговорах часто ощущается плохо скрываемое или вообще не скрываемое раздражение против многодетных родителей. Поэтому для того чтобы не составить однобокое представление о позиции общества в целом, мы должны выслушать и понять также тех, кто, скажем так, не видит в рождении пяти — десяти детей большой доблести. Если мы эту, весьма распространенную, но довольно скрытую позицию будем игнорировать, то конфронтация между сторонниками и противниками многодетности может даже усилиться. Наоборот, откровенность и понимание причин этой конфронтации помогут преодолеть взаимную нетерпимость, которая проявилась и в письмах.

Можно ли упрекать тех, кто хочет иметь много детей? В конце концов это нормальное человеческое желание. Оно — от природы, запечатлено в генетической памяти живого существа. Как обвинять кого-то, что он не утратил этой связи с природой? И все время мы должны помнить, что в появлении седьмого или одиннадцатого ребенка если и можно кого-то упрекнуть, то только его родителей, а не ребенка...

Наконец, не вредно нам давать себе отчет в мотивации раздражения против многодетных. Унизительно признавать, но она в наших нехватках, дефиците материальных ценностей, услуг, в нашей обделенности, которая рождает социальную напряженность. Недовольство вызывают даже те почти мифические льготы, которые определены семьям, где растут трое и больше детей.

— Я выделяю две наиболее значительные группы многодетных родителей, — говорит заместитель председателя Московского городского отделения Советского детского фонда Е. А. Фонарева. — Одни приходят в учреждение и говорят: «Давайте мы сделаем то-то и то-то». Это — активные, инициативные люди. А вторая группа — так называемые «ходильщики», которые везде говорят одно: «Дайте!» Но на это «дайте» и ответ бывает: «Нет». Они — в другую организацию. Так и ходят, как та песенка, по кругу. Что касается участков, то мало проку искать их в Москве, а не в деревне.

И вот «ходильщики» обивают пороги учреждений и требуют участок в 50 километрах от Москвы, не далее, вблизи от

платформы, на который желающих много. А инициативные сами находят участки в каких-то поселках или недорогие избы, пусть и не очень близко от города, зато в живописной местности. Они едут в колхоз и пробуют заинтересовать его руководство возможностью произвести сельхозпродукцию, помочь в полевых работах. Такая договорная тенденция, судя по всему, будет расти, что подтверждается и читательскими письмами.

«Мы тоже мечтаем о земле. Но не о даче. Если бы нам в деревне предложили хороший дом, участок, работу, мы переехали бы, не раздумывая. На селе и дети стали бы лучше. Но куда ни писали, ответа нет. (Т. Боброва, мать троих детей, г. Морозовск, Ростовская область).

На свои запросы не получила ответа не только Т. Боброва. Среди откликов на статью «Огород для сестер и братьев» также нет ни одного послания от руководителей сельских хозяйств, хотя во многих местах остро нужны работники. А может быть, на селе не верят в способности горожан к интенсивному сельскому труду? Однако мы не американцы, у нас 5 процентов крестьян (а дело медленно, но верно движется к этой цифре) не прокормят остальные 95 процентов населения страны — по крайней мере, в обозримом будущем. Так или иначе, в той или иной форме, горожанам придется подключаться к сельскохозяйственному труду.

Поэтому в статье «Огород для сестер и братьев» мы и говорили о сельскохозяйственных кооперативах горожан, когда сколько-то семей (не обязательно многодетных) получают участки с домами, а за это обязуются производить и продавать сельскохозяйственную продукцию: овощи, ягоды, фрукты, мед, птицу, кроликов и т. д. Оставшийся урожай семьи расходуют как им угодно, могут реализовать его и на рынке. Чтобы работа пошла эффективнее и можно было применять технику, семьи объединяются в кооператив. При этом возможны разные варианты: либо дома сдают семьям за плату типа квартирной, либо продаются в долгосрочный кредит, либо кооператоры их строят сами. Но в любом случае остается условие — производство сельхозпродукции.

Кстати, то там, то здесь такая практика в стране уже существует. Причем объединение семей горожан на селе появились еще до эпохи перестройки. Одно такое объединение — пчеловодов-любителей — плодотворно трудилось в одной из областей Среднего Поволжья еще в 70-е годы. Их притом всячески пытались выжить из заброшенной деревни, где они обосновались, которую возродили, обиходили, сделали цветущим уголком. И первоклассная целебная их продукция никому оказалась не нужна. Куда они с ней только ни обращались: в совхоз, в коопторг... Не нужна. Их деятельность местным властям казалась подозрительной.

Теперь времена другие и направление мыслей иное.

«В городах много людей, которые психологически не смогли адаптироваться к городской жизни, но в деревню совсем уехать опасаются, не зная, как там сложится жизнь», — пишет А. Никонов из Душанбе. — Кооперативы дадут возможность им, не порывая с городом, попробовать себя в

деревенском труде, разобраться в своих желаниях и возможностях. Это — наиболее эффективный путь приживания горожан в сельской местности. Необходимо этому всячески способствовать».

Заведующий сектором Всесоюзного научно-исследовательского института экономики, труда и управления в сельском хозяйстве В. А. Богдановский согласился, что кооперативы в тех или иных формах неизбежно придется организовывать, поскольку напряженность в стране с продовольствием все усиливается. Но путь к этим кооперативам, считает, будет нелегким. Нужна заинтересованность местных сельских властей в появлении кооперативов на их территориях. Должны быть четко налажены закупка у них продуктов, сбыт, а стало быть, камнем преткновения окажется отсутствие дорог.

В создании семейных сельхозкооперативов горожан очень нужна помощь различных учреждений, особенно в начале их становления. Причем не только в качестве спонсоров, но и организационная. Необходимы будут обладающие экономическими и юридическими знаниями социальные работники, чтобы не беспомощные в таких делах родители обивали пороги. Почему мы и говорили (в № 4 за 1989 год), что Управление народонаселения и развития семьи должно состоять не из чиновников, а из практических работников и стать, в частности, штабом экспериментов по конкретной помощи семье, проводником вот таких, к примеру, программ.

...Однако жизнь не стоит и рождает модели взаимодействия между городом и деревней. О коммуне «Надежда» наш журнал рассказал в № 6 за 1989 год. Другое столичное объединение «Экология и культура» также вынашивает идею загородного поселения. Группа многодетных семей Гагаринского района Москвы думает арендовать деревеньку, организовать откормочную ферму, то есть создать что-то вроде базы труда и отдыха. Начальник отдела развития коллективного садоводства Моссовета О. В. Логинова поделилась своими намерениями построить в виде эксперимента на месте умирающей деревушки дачный поселок и сдавать дома семьям за работу в сельхозпроизводстве.

Все сильнее стремление современного человека к разнообразной жизни, она строится на сочетании разных форм труда и досуга, причем граница между тем и другим размывается все больше. Все больше горожан тянет на землю, при этом и от устоявшейся городской жизни отрываться они не хотят. С усилением урбанизации очевидная стала тяга к сезонной маятниковой миграции: из города на землю — весной, летом, осенью; из села в город — на зиму. Неспособность нашего хозяйства централизованно, традиционными методами решить продовольственную программу эту тягу усилила. Многие готовы принять активное участие в самоснабжении продуктами питания, из потребителей превратиться в производителей. Причем соединяя эту задачу с делом воспитания детей, оздоровления земель, возрождения заброшенных селений. Однако, как видно из читательских писем, опять у нас от назревшей социальной и экономической проблемы до ее разрешения на деле — огромнейшая дистанция во времени...

Ю. ГИППЕНРЕЙТЕР, доктор психологических наук

БЕСЕДА ПЯТАЯ

ДВЕНАДЦАТЬ ПРОТИВ ОДНОГО, ИЛИ ЧТО МЕШАЕТ НАМ СЛУШАТЬ РЕБЕНКА?

Продолжение. Начало
в № 9—12 за 1989 год

Родители, которые пытаются научить активному слушанию, первоначально жалуются на большие трудности: на ум приходят привычные ответы — все, кроме необходимого.

На одном занятии группу родителей попросили написать, как бы они ответили на такую жалобу дочери:

«Таня больше не хочет со мной дружить. Сегодня она играла и смеялась с другой девочкой, а на меня они даже не взглянули».

Вот какие были ответы:

— А ты попробуй подойти к ним первая: может быть, и тебя примут?

— Наверное, ты сама в чем-то виновата.

— Конечно, очень обидно. Но, может быть, Тане интереснее с той девочкой. Лучше не навязывай ей свою дружбу, а найди себе другую подружку.

— А ты предложи Тане поиграть с твоей новой куклой.

— Не знаю, что делать. Подари им что-нибудь.

— Такое часто бывает в жизни. Постарайся не переживать так сильно.

— А у вас с ней не было ссоры?

— Брось переживать. Давай поиграем с тобой.

Родители очень удивились, узнав, что ни один ответ не был удачным.

Психологи проделали важную работу: выделили типы традиционных высказываний родителей. Их оказалось целых двенадцать! Каждое из этих высказываний не только привычно, но кажется вполне разумным. Однако оно оставляет ребенка наедине со своей проблемой, прерывает истинный контакт с ним.

Давайте же познакомимся с этими ответами. Что слышат в них дети?

1. **Приказ, команду:** «Сейчас же перестань!», «Убери!», «Вынеси ведро!», «Быстро в кровать!», «Чтобы больше я этого не слышал!», «Замолчи!»

В этих категоричных фразах ребенок слышит нежелание родителей вникнуть в его проблему, неуважение к его самостоятельности. Такие слова вызывают чувство униженности, бесправия.

В ответ дети обычно сопротивляются, «бурчат», огрызаются, обижаются...

2. **Предупреждение, предостережение, угрозу:** «Если ты не прекратишь плакать, я уйду», «Смотри, как бы не стало хуже», «Еще раз это повторится, и я возьмусь за ремень», «Не придешь вовремя, пеняй на себя...»

Угрозы бессмысленны, если у ребенка действительно есть трудности. Разве они могут помочь эти трудности разрешить? Они лишь загоняют ребенка в еще большую безысходность!

К тому же к частым предупреждениям и предостережениям дети быстро привыкают и перестают на них реагировать.

Если же родители чувствуют, что пора перейти от слов к делу, то возникает опасность быстро пройти путь от слабых наказаний к более сильным, а порой и жестоким: рыдающий малыш, действительно, «оставляется один» на улице, рука хватается за ремень, дверь закрывается на ключ...

3. **Нравоучения, проповеди:** «Ты обязан вести себя как подобает», «Каждый человек должен трудиться», «Тебе следовало бы помнить, сколько на тебя затрачено», «Ты должен уважать учителей».

Обычно дети из таких фраз не узнают ничего нового. Ничего не меняется оттого, что они слышат это в «сто первый раз». Они чувствуют давление внешнего авторитета, иногда вину, иногда скуку, а чаще всего — все вместе взятое.

4. **Советы, готовые решения:** «А ты возьми и скажи...», «Почему бы тебе не попробовать...», «По-моему, нужно пойти и извиниться», «Я бы на твоём месте дал сдачи». Как правило, мы не скупимся на подоб-

ные советы. Больше того, считаем своим долгом давать их детям. Часто приводим в пример себя: «Когда я был в твоём возрасте...» Однако, дети не склонны к нам прислушиваться. А иногда открыто возражают: «Ты так думаешь, а я по-другому», «Тебе легко говорить», «Без тебя знаю!»

Что стоит за такими негативными реакциями? Защита собственного достоинства, права принимать самостоятельные решения. Ведь и нам, взрослым, не всегда приятно навязываемые советы. А дети гораздо чувствительнее нас.

Каждый раз, давая советы ребенку, мы тем самым заодно и сообщаем ему, что он мал, слаб, неопытен, а мы — умнее его и наперед все знаем. Разве это обеснованно? И разве — справедливо?

5. **Доказательства, доводы, нотации:** «Если ты не будешь мыть руки, подхватишь какую-нибудь заразу», «Без конца отвлекаешься, вот и делаешь ошибки», «Сколько раз тебе говорила, одевайся теплее. Не послушалась — пеняй теперь на себя».

И здесь ответами детей бывают негативные «Отстань», «Хватит», «Сколько можно». Дети перестают слышать родителей: возникает то, что психологи называют «смысловым барьером».

6. **Критику, обвинения:** «На что это похоже?», «Опять все не так!», «Все из-за тебя!», «Какой же ты лентяй (грубиян, нытик...)

Атакуемый замечаниями и обвинениями, ребенок начинает думать, что он и в самом деле плохой: непонятливый, неумелый, безвольный. Это наносит ему непоправимый вред: у него формируется низкая самооценка, которая становится сильным препятствием в его дальнейшей жизни, источником новых и новых проблем.

7. **Похвалу.** Вы, наверное, удивитесь, узнав, что психологи не рекомендуют опираться на такие высказывания, как: «Молодец, ну прямо маленький Моцарт!», «Ты

у нас самая красивая!», «Какая же ты умница!».

Почему? На это есть несколько причин.

Во-первых, хвалить — значит демонстрировать позицию оценщика, свое право хвалить.* Друга вы ведь редко хвалите, скорее, выражаете ему свою радость или удовольствие.

Во-вторых, ребенок скорее понимает: где похвалы, там и выговоры: поощряя в одних случаях, вы найдете и где осудить. Иными словами, он привыкнет видеть в вас оценивающего родителя.

В-третьих, он может стать зависимым от похвал, ждать, искать их («А почему ты меня сегодня не похвалила?»).

Наконец, он может заподозрить, что вы неискренни, то есть хвалите его из каких-то своих соображений.

Сын: «Не получают у меня эти буквы!»
Мама: «Что ты, ты прекрасно их написал!»

Сын: «Неправда, ты нарочно так говоришь, чтобы я не расстраивался!»

А как же реагировать на успехи или правильное поведение ребенка? Лучше всего просто выразить ему свое чувство.

Дочь: «Мама, я сегодня по-русскому получила сразу две пятерки!»

Мама: «Я очень рада!» (Вместо: «Какая ты у меня молодец!»)

Сын: «Ведь правда, я плохо выступил?»

Папа: «Мне это не показалось. Наоборот, было интересно то-то и то-то...» (Вместо: «Ну что ты, все было прекрасно!»)

8. Обзывания, высмеивание: «Плакса-вакса», «Не будь лапшой», «Ну просто дубина!», «Видали, первая красавица!»
Все это — лучший способ оттолкнуть ребенка и «помочь» ему разубедиться в себе: «А сама какая!», «Пусть лапша!», «Ну и буду!», «Не твоё дело».

9. Догадки, интроспекция: «Я знаю, это все из-за того, что...», «Небось опять подрался», «Я все равно вижу, что ты меня обманываешь...»
А одна мама любила повторять своему сыну: «Я вижу тебя насквозь и даже на два метра под тобой!». Это неизменно приводило подростка в ярость.

И в самом деле: кто из ребят (да и взрослых) любит, когда его «вычисляют»? За этим может последовать лишь защитная реакция, желание уйти от контакта.

Близок к этому следующий тип ошибок.

10. Выспрашивание, расследование: «Нет, ты все-таки скажи», «Что случилось? Я все равно узнаю», «Почему ты опять получил двойку?», «Ну почему ты молчишь?».

Удержаться в разговоре от расспросов трудно. И все-таки лучше постараться вопросительные предложения заменить на утвердительные.

Привожу дословно короткий разговор, где мать допускает именно такую ошибку:
Дочь (зло): «Вот смотри, что я получила!»

Мама: «Четыре по математике. Почему же ты злишься?»

Дочь: «Да, злюсь, а почему, не знаю. А ты спрашиваешь: «Почему, почему?» (Уходит от разговора, замыкается.)

Более удачный вариант был бы такой:

Дочь (зло): «Вот смотри, что я получила!»

Мама: «Четыре по математике. Но я чувствую, что ты злишься».

Дочь: «Да, я злюсь, а почему, не знаю».

Мама: «Тебе плохо».

Дочь: «Да, плохо... Я не хочу, чтобы ты уходила».

Мама: «Ты хочешь, чтобы я осталась дома».

Дочь: «Да (просительно). Мам, пожалуйста, не ходи сегодня на занятия!»

11. Сочувствие на словах, успокаивание.

Конечно, ребенку нужно сочувствие. Тем не менее есть риск, что слова сочувствия «я тебя понимаю», «я тебе сочувствую» прозвучат для ребенка слишком формально. Может быть, вместо этого лучше просто помолчать, прижав его к себе? А во фразах вроде: «Брось, не обращай внимания!», «Перемежится, мука будет» он может услышать пренебрежение к его заботам.

Дочь (расстроенная): «Знаешь, я шла из школы, а Сережа Петров подбежал сзади и выбил у меня портфель».

Папа: «Ну ничего, это пустяки».

Дочь: «Да пустяки. А все мальчишки смеялись».

Папа: «Да брось, не обращай на них внимания!»

Дочь: «Тебе легко говорить, а мне обидно!»

12. Отшучивание, уход от разговора.

Сын: «Знаешь, папа, терпеть не могу эту математику и ничего в ней не понимаю».

Папа: «Как много между нами общего!»

Папа проявляет чувство юмора: но проблема у сына осталась. А что уж говорить о таких словах, как: «Отстань!», «Не до тебя», «Вечно ты со своими жалобами!»
Познакомившись с подобного рода анализом, родители обычно восклицают:
— И это нельзя, и то нельзя... Что же можно?!

И тут возникает необходимость активно слушать уже их и к ним обратиться:
— Вы растерялись и озадачены?

— Конечно! Оказывается, до сих пор все делала не так. И потом, ответить правильно очень трудно: все время лезут привычные советы и замечания.

— То есть вам трудно подобрать необходимые для активного слушания фразы?
— Ну да, они такие непривычные и даже кажутся неестественными. Неужели нельзя по-старому?

— Вам хочется по-старому...
— Да, то есть нет. Я же вижу, что это ни к чему хорошему не приводит!

Здесь самое время поделиться одним сравнением, которое в подобных случаях любил приводить мой учитель, профессор Алексей Николаевич Леонтьев.

Представьте себе, что люди никогда не видели велосипедов. И тут им на суд предлагают сразу две конструкции: трехколесный и двухколесный. Какой велосипед они предпочтут? Конечно, трехколесный. Почему? Потому что, сев на него, они поедут сразу легко и «естественно».

Преимущества же двухколесного останутся для них за семью печатями... пока они не затратят усилия для овладения им.

Ведь наши привычные обращения к ребенку с советами, назиданиями, упреками — это не «естественные», а тоже *выученные* способы общения! Но они подобны неэффективной езде на машине старой, неуклюжей конструкции. Психологи всего мира затратили много душевных и профессиональных сил, чтобы усовершенствовать эту конструкцию и помочь родителям научиться «ездить» на «лучшей машине».

В основе новых навыков общения, которыми мы пытаемся овладеть, лежат гуманистические принципы: уважение к личности ребенка, признание его права на собственные желания, чувства, ошибки, внимание к его заботам, отказ от родительской позиции «сверху».

Попробуйте посмотреть еще раз разобранные нами случаи и определить, какие из этих принципов нарушаются в каждой из них?

Очень важно научиться слышать собственные ошибки. Давайте для упражнения разберем запись «типичного домашнего конфликта», сделанную одной мамой. Были ли ответы родителей неудачными, и если да, то к какому типу ошибок они относились?

— Мама, кушать скорее!
— Садись, я уже налила.

(Садится на стул. Грумаса.) — У, этот суп невкусный. Я не буду.

— Оставь и уходи (приказ).

— Я есть хочу!
Вмешивается папа: — Сядь и ешь без капризов! (приказ).

(На грани слез) — А я с морковкой не люблю.

— Я тебе ее выловлю.
— А все равно...

Взрывается мама: — Я не для того варила, чтобы ты тут носом крутила (назидание, критика).

У дочери уже закапали первые слезки...

Папа: — Сядь хорошо и ешь. Набирай ложку. В рот! Жуй, жуй, а не держи во рту! (приказ, команда).

— А мне невкусно!!

Мама: — Уходи из-за стола, ходи голодная (команда, угроза).

Папа: — Я вот сейчас... (угроза).

Дочь со слезами берет ложку, начинает есть через пень-колоду. Через минуту ест нормально, через пять минут съедает все. Но настроение у всех испорчено.

Хотелось бы привести и другой диалог — тот, который показывает, как родители вполне успешно овладевают методом активного слушания.

«Рассматриваем с дочкой фотографию групп детского сада. Дочка, показывая на воспитательницу (замечаю, что она на фотографии поцарапана):

— Видеть ее не могу!

— Тебе очень неприятно ее видеть.

— Да, она очень злая.

— Она тебя обижала.

— Да, она ругала меня борзой собакой и говорила, что если я наябедничаю, то уж она тогда...

— Тогда она что-то делает...

Она не говорила, что.

— Тебе не хотелось это рассказывать раньше.

— Да, я боялась.

Готова заплакать. Беру ее на руки».

В этом диалоге мама уже в первой фразе избежала возможной традиционной ошибки — «воспитательного» замечания. Она вполне могла бы ответить: «Как ты можешь так говорить о воспитательнице! И почему ты поцарапала фотографию!»
Вместо этого она «озвучила» чувство ребенка, показала, что готова разделить и принять его. Это помогло девочке освободиться от загнанных вглубь страха и обид. Навернувшиеся слезы здесь не страшны: они свидетельствуют о произошедшей у ребенка эмоциональной разрядке.

Г. ЦУКЕРМАН, В. СЛОБОДЧИКОВ,
кандидаты психологических наук

МЫ, ВЗРОСЛЫЕ,
И ОСТАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

ВСТРЕЧА С «РОДИТЕЛЯМИ» И «МУДРЕЦАМИ»

Продолжение. Начало публикации
в № 11 и 12 за 1989 год

Взросление — тяжкий труд, как бы играючи ни справлялись с ним дети. Тяготы и боли взросления так же неотвратимы, как родильные муки — но в обоих случаях можно их облегчить; и должно обойтись без травм. Уродливые человеческие отношения — вот обо что бьются и калечатся взрослеющие души. В провалах и пустотах человеческих отношений вырастает *без-душность*, а еще «безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окайнные души... продажные души, прожженные души, мертвые души...»

Но как избежать мертвящих пустот в человеческих отношениях, чем измерить полноту общения? С полноценным питанием в общих чертах ясно: лишь соотношение белков, жиров, углеводов и витаминов вызывает распри диетологов; сама же потребность растущего организма в этих основных «строительных материалах» никем не оспаривается. А как быть с *вос-питанием*? Каковы обязательные «строительные материалы» взрослеющей души?

Мы полагаем, что таковыми являются отношения ребенка с «Родителями», «Мудрецами», «Учителя», «Умельцами» — те исходные позиции взрослых, строящих совместную жизнь с детьми, о которых мы говорили в прошлый раз. Еще раз просим вас не путать семейное положение человека, имеющего детей, и позицию «Родителя» как особое отношение к людям, к миру, к себе; или позицию «Учителя» с профессией. Человек может хорошо работать в школе, но не занимать Учительской позиции, а общаться с детьми как «Умелец» или как «Мудрец»; а есть прирожденные «Учителя», где бы они ни работали, они относятся к другим людям поучительски. И не стоит думать, что учитель в классе занимает учительскую позицию, а дома меняет ее на родительскую. Реальная жизненная позиция каждого человека — это единственный в своем роде сплав исходных позиций; так из отдельных звуков складывается единый аккорд, а из исходных красок — новый цвет.

Из таких представлений о «химическом составе» человеческого общения мы можем определить его полноту: она зависит от то-

го, пострахливается ли ребенку встретить взрослых во всех главных исходных позициях (см. вертикальный заголовок схемы). Полноценность каждой встречи зависит от того, будут ли выполнены присущие каждому периоду взросления условия нормального общения (см. горизонтальный заголовок схемы).

Прочтем схему построчно, напоминая себе, что это — разговор о норме общей жизни, а реальность ее всегда «с отклонениями». И ведется этот разговор лишь с одной целью: чтобы, сравнив норму и реальность собственной жизни, задуматься о расхождениях. И, может быть, попробовать хоть в чем-то свою жизнь нормализовать.

Где «Родители» встречаются с детьми-дошкольниками? Разумеется, дома, в детской. Слово «детская» хранит знакомый лишь из русской классики аромат старомодного семейного уклада, где жизнь детей отделена от жизни остальных обитателей дома, где существует кабинет отца, дверь которого для детей почти непроницаема, где царят профессиональные кормилицы, бонны, гувернерши, где мать поднимается в «детскую» в строго обозначенные часы... Но это — черты рафинированной культуры воспитания, далеко ушедшей от естества общей жизни большой семьи в традиционной *усадебь*.

Об усадьбе, как идеальном месте встречи дошкольников с родительским отношением к миру, мы заговорили по двум причинам. Во-первых, корень *сад* в слове *усадебь* ласкает слух. Не правда ли, «дом у сада» — самое подходящее место для возвращения здоровых детей. Кстати: а какое место избрали бы вы для того, чтобы ваш ребенок впервые рассмотрел себя и маму, землю и небо, людей и зверей и понял, что «это хорошо»?

Во-вторых, усадьба как отдельное поселение (не только помещичье; припомним, что и крестьянское жилье с землей и строениями называли усадьбой; в ходу был и термин «городская усадьба»), тяготеет к полной самостоятельности, являясь «ячейкой» и производства, и многопоколенной, многодетной семьи, и воспроизводящей себя культуры. Вот почему об усадьбе можно говорить как о жизни

самодостаточной и материально, и духовно. Вот почему в усадьбе, воплощающей полноту жизни, «оживление», «одушевление» младенца тоже происходит во всей полноте.

Цельность, «природность» жизни в усадьбе делает возможным естественное, органичное включение в эту жизнь каждого нового человечка. Ребенок как бы влит, растворен в жизни взрослых, открытой ему целиком, нараспашку: он видит старших за всеми их делами и имеет возможность вторить каждому делу, частично участвуя, а то и просто пребывая вместе со взрослыми — у плиты, на грядке, за книгой... Но с другой стороны, малыш имеет свое строго обозначенное место в иерархии семьи — место за столом, в общей беседе, в общем труде.

Эта «неслиянность-нераздельность» общего детско-взрослого существования и составляет суть родительского отношения к дошкольникам. В символе «усадебь» может проглядывать даже ее наиболее вырожденная современная форма — типовая квартира в городском доме — ровно в той мере, в которой жизнь семьи и в обезличенных условиях обладает культурно-хозяйственной самодостаточностью и открывает вступившему в такую жизнь малышу всю полноту человеческих отношений. Но современный дом и современная семья воплощают мир столь частично и ущербно. что пребывание, взаимодействие, в таком «инвалидном» мире оставляет нереализованными многие возможности, многие детские способности. Поэтому для современных дошкольников необходимо восполнение такой частичности взрослой жизни.

Детский сад (заметим: язык упорно диктует слово САД, как самое точное название места выращивания дошкольников) в его существующем варианте — это предельно обезличенная модель. Воспитатель детского сада — это, прежде всего, профессионал, которого обучают тому, как учить детей пользоваться горшком и речью, игрушками и красками... И никто не заботится о том, умеет ли воспитатель *прожить вместе с ребенком* каждое событие жизни, приобретающее достоинство *со-бытия* ребенка и взрослого. Но именно способность вступать с ребенком в *со-бытие* и составляет суть *родительского* отношения к людям!

Важность относительно полноценного заместителя «усадебь» (не более полноценного, чем самый качественный заместитель материнского молока) мы усматриваем в зародившейся сейчас традиции семейных детских садов, МЖК, школьных советов. Ибо здесь практически неминуемо возникает вокруг семейного детского сада педагогическое сообщество взрослых. Такое их объединение для решения педагогических проблем мы назвали «родительский клуб». Он помещен в последней графе схемы и является местом встречи взрослых с «Мудрецами», а ими могут оказаться любые дедушки, мамы, тетки и соседи. О «родительском клубе» мы еще поговорим; а сейчас о том, почему семейный детский сад в большей мере обеспечивает полноту детско-взрослой жизни, нежели государственные, детские сады. Профессиональные воспитательские учреждения считаются самодостаточными: человек с дипломом «воспитателя» обязан знать

	Кто инициатор встречи?	взрослые дети	взрослые подростки	взрослые молодежь	взрослые старцы
	Какой взрослый тебя встретит?	усадьба	семейный лагерь	дом и мир	дом
Родитель	Где они встречаются?	детсад	проигрывают	ступают	заботятся
	Что они делают вместе?	живут	половозрастные	общую жизнь	друг другу
	Что полугается?	дружбу для друга	отношения	Новая встреча	целность жизни
	Где они встречаются?	усадьба	"беседа"	???	старинный клуб
Мудрец	Что они делают вместе?	любят и принимают	беседуют о подростке	исповедаются	решают педагогические проблемы
	Что полугается?	друг друга	самоощущение	мировоззрения	личностно-детское сознание, педагогическое творчество
Учитель Умелец	См. следующий номер журнала				

и уметь все, что нужно для «гармоничного развития» дошкольников. Детские сады, устроенные дилетантами, заведомо открыты для внешнего мира и других людей. К примеру, если взрослые совместно выращивающие детей, озабочены их эстетическим воспитанием, то они непременно отыщут музыкантов или художников для занятий с их детьми. В отличие от «обычных» садов, куда детей сдают как в камеру хранения, семейные сады приглашают всех дедушек и бабушек прийти и поиграть с детьми, когда это возможно и хочется; всех братьев и сестер, учащихся в школе, (а особенно — шестилеток) приходиться в детский сад после уроков и наиграться в свое удовольствие; а заодно и показать малышам буквы, цифры, новые игры: в школу. Такой детский сад способен хоть отчасти возместить детям утрату большой семьи.

Где «Родители» встречаются с подрастающими детьми?

Если дом, втягивающий в себя мир, — оптимальная точка встречи «Родителей» с дошколятами, то для новой общности подростков с родителями нужен *совместный выход за пределы дома*; не домашняя, но столь же полная и цельная жизнь. Пробразом целостной *не-домашней* жизни является семейный лагерь. Непривычные формы привычных бытовых отношений помогают подростку впервые посмотреть со стороны на ту домашнюю жизнь, в которой он растворен. Этот новый — оценивающий, примеривающий взгляд на самые привычные отношения самых близких людей необходим подростку для его главного подросткового труда: для *поиска себя*, для но-

вого, доверительно-личного знакомства с самим собой.

Девочка уже много лет назад узнала, что она девочка, более или менее отчетливо разобралась в том, чем она отличается от мальчика; но женский пол ей врожден, а не выбран. Это, с одной стороны, ее важнейшее свойство (а может, даже достоинство), но, с другой стороны, она палец о палец не ударила, чтобы стать достойной самой себя. «Так имеет ли женский пол какое-то отношение к сокровищам моей души? Мое неповторимое «я» тоже имеет женскую природу?»... «Я — девочка» — в устах трехлетнего ребенка — лишь констатация медицинского факта. «Я — девочка» — в тринадцатилетних устах — уже итог личного выбора, за которым стоит целая программа поведения «настоящей женщины». В идеале основные контуры этой программы «спечатаны» с поведения родителей. Но так как строки в книге жизни читают еще по складам, то «тексты поведения» взрослых должны быть предельно ясны, просты и написаны крупно и разборчиво.

Именно таковы все отношения семейного лагеря. И взрослые в походно-природных условиях молодеют. И подростки открывают вдруг для себя простейшие и одновременно романтически-привлекательные условия самостоятельности. В лагере становятся новыми и желанными все те сферы бытовых отношений, из которых дома подростки пытаются ускользнуть. Поставить и благоустроить палатку — вот истинно мужской поступок, отнюдь не вызывающий в памяти опостылевшую домашнюю уборку. Добыча воды и хвороста —

гораздо более подходящая почва для мужского самоутверждения, чем надоевшее «сходи в магазин». Но главное — перед отроками как на сцене, в своей простоте и естественности (усиленной некоторой «маскарадностью») разыгрываются отношения взрослых. Отца как идеального мужчину — защитника, добытчика, надежду и опору — сын, может быть, впервые разглядит не в примелькавшейся череде домашних событий, где воз, который тянет усталый и раздраженный папа, просто незрим, а здесь — в походной роли с самым увесистым рюкзаком, здесь, где он первый находит выход из любой переделки.

Так — вне дома, но рядом с родителями — мальчики и девочки примеривают те жизненные роли, которые позже сольются с их собственными позициями.

Где «Родители» встречаются с молодыми людьми?

Дошкольники полюбили маму и папу, подростки разглядели и (в идеале) научились уважать в своих родителях черты «настоящих взрослых» женщины и мужчины. Но, изрядно пожив вместе с родителями и дома, и вне дома, юноши и девушки еще ни разу по сути не встречались со своими родителями как с равными, не смотрели на них просто как на людей. В юности такая *новая встреча с родителями* впервые возможна. Но возможна она в том случае, если родители видят в своих взрослеющих чадах не только предмет возрастающей заботы и ответственности, а людей, способных (разумеется, потенциально) эту ответственность разделить. Персональная ответственность и молодых, и старших за строительство общей жизни,

совместное решение всех проблем семьи (обсуждение семейного бюджета и новых знакомых, выбор профессии для сына и места воскресных прогулок, семейный совет по поводу служебных неурядиц отца и двоюродной младшей сестры...) — вот условие подлинно человеческого общения молодых людей с собственными родителями. В таком общении не только сохраняется детская любовь, но зарождается взрослая дружба — новое качество семейных отношений.

С такой перестройкой отношений связан и пристальный интерес юности к собственным корням, родовым истокам, новое понимание семьи как собственной истории, углубление чувства взрослости как ответственности за будущее рода. И не по барской прихоти сложилась традиция завершать образование юношей путешествием в закорские края, помогающим молодому человеку пристальней разглядеть родной край и родных людей. Выбор *своего* рода, *своего* дома, *своих* родителей уже не по случайности рождения, а по собственному свободному волеизъявлению — таков желаемый итог встречи юности с «Родителями».

Где встречаются «Родители» с собственными взрослыми детьми?

В благоустроенном «Доме престарелых»? В отлично оборудованной частной квартире, куда сын регулярно забрасывает продукты вместе с порцией сыновьего почтения? Ох, нет! В нормальной жизни — дома. В общем доме, где для старых, как и для малых, воплощена полнота жизни. Трагична (для старости) и позорна (для всех остальных) одиночество стариков, изолированность их жизни, постепенно теряющей смысл вне жизни рожденных ими поколений. И то, что это не само собой разумеется, — беда.

Но вызвать себя из этой беды и вины мы сможем не частными усилиями, придающими жизни старших несколько искусственные, фиктивные смыслы (как это мужественно пытаются делать «клубы знакомств» и психотерапевтические группы для пенсионеров), а лишь делая полноценной *общую* жизнь. Иначе никак не решить проблему сиротства детей и стариков — самых обездоленных в современном обществе.

Чтобы этот плач не был крокодиловым, давайте поговорим о месте и роли «Мудрецов» в общей жизни всех поколений, о месте сейчас пустующем (из-за полного отсутствия соответствующим месту «Мудреца» социальных форм и институтов). Известно, что всякую пустоту в человеческом общежитии немедленно заполняют «бесы».

Где «Мудрецы» встречаются с дошкольниками? В «усадьбе» — в доме, заключившем в себе полноту человеческих отношений, обязательно живет многопоколенная семья, уклад когорой почтительно указывает традиционное место старейшины — во главе стола, разговора, замысла. Его слово — первое, его решение — последнее. И благо тому дому, во главе которого стоит не просто старейший, но и мудрейший.

Что касается детей, то для них в бабушке и дедушке воплощена вся полнота любви. Внуку простится то, что не простится сыну. И простится полностью, всей душой. И какой бы он ни был сопли-

вый, лживый и шкодливый, для бабушки он все равно единственный, лучший, ненаглядный. Почему бабушка, нервы которой изрядно потрепаны, которую раздражает все на свете, неисчерпаемо терпима к выходкам строптивой внучки? Откуда знать это нам — еще не умеющим щедро прощать? Но знать, что всеми наказанная, со всеми поссорившаяся маленькая упрямята в бабушкином прощении и тайной ласке перед сном обретает *базисное доверие ко всем людям* (а не только к ласковой бабушке) — это нам знать необходимо. Ибо в поисках замен утраченному укладу многопоколенной семьи, мы должны найти в новом укладе (к примеру — в семейном детском саду) обязательное, никем не замещаемое место для бабушек и дедушек. Пока, к стыду своему, мы его не видим. Знаем только, что без него полноценной общей жизни; нормального развития дошкольников быть не может, ибо *родительское* отношение к ребенку не заменяет *мудрого* отношения. А разница между ними — в *знании о возможном*.

Мудрец не берется за нерешаемые задачи: он не будет пытаться и не будет хотеть привить сверхактивному ребенку привычку «не вертеться»; не станет добиваться девичьей аккуратности от маленькой разбойницы; не укорит юного фантазера за вечное «вранье». Непоседа, сочинитель, девочка-«казак» будут *приняты такими, какие они есть*. Ведь только *любимого* непоседу (которого никто не мечтает переделать в «спокойного мальчика») можно научить в боготе никому не наступать на ноги. Только та девочка когда-нибудь сама захочет быть женственной, которую причисляли и передевали нежно и без укора, а вместо вечного перепеливания: «Девочка должна следить за собой...» отшучивались от зануды-соседки: «Влюбится — причешется!» Мудрец умеет принимать человека таким, какой он есть, не закрывая глаза на слабые стороны его характера, но зная (в отличие от зрелости, которой «все по плечу»), все поправимо, но не все в силах человеческих... Такое *принятие* ребенка другим человеком — условие будущего самоуважения. А человек, не принимающий, не уважающий себя, не способен ни справиться с собственным несовершенством, ни человекоотноситься к другим людям. Ведь даже в самом предельном требовании человечности сказано: «Люби ближнего *как самого себя*». Вот почему так нужна возможно более ранняя встреча каждого ребенка с «Мудрецом».

Где «Мудреца» встречают подростки? И зачем подросткам нужны «Мудрецы»? Чтобы беседовать о себе. Но подросток беседует о себе со всеми людьми: он просто ни о чем другом не способен говорить (ведь даже болтая о любимых киноактерах и нелюбимых учителях, он говорит о себе, примеривая к себе каждую прелесть и гадость мира взрослых). Да, подростку нужен собеседник только для того, чтобы поведать о себе, а не для того, чтобы узнавать о другом ради другого. Собеседник подростка, выслушав о нем, о подростке — о нем же и отвечает. Но отвечает, не перечая, а лишь усильная те черты подростка, которые тот сам в себе силится разглядеть; проливает свет на те путаницы жизни, в которых подросток ищет

себя. Кто способен стать для подростка таким собеседником? Сверстник? Но он тоже подросток, то есть занят только собой. Недаром разговоры подростков напоминают пересекющиеся монологи: увлеченные самим процессом общения, собеседники друг друга не слышат и не слушают. «Родители», как правило, начинают с подростком спорить или *со-беседовать* (как с юношей, равным) или поучают его, как дошкольника. Чтобы быть услышанным, понятым, подростку нужен чистый «пониматель», способный услышать голос (голоса!) отрока, не отвергая, не искажая и ничего не добавляя от себя, кроме безусловного принятия и доверия. Просто — вернуть подростку его собственный голос очищенным от шумов. «Мудрец» твердо уверен: каждый человек лучше кого бы то ни было способен разобраться в собственных проблемах и справиться с ними. Но каждый человек, а подросток — более всех нуждается в «фасилитаторе» (от англ. *facilitate* — усилить) в слушателе, который лишь очищает, зоостряет, гармонизирует главные темы самоанализа своего собеседника. Такой, обладающий абсолютным слухом, собеседник — и есть «Мудрец».

И вновь со стыдом отметим: в нашем мире подростку нигде встретить «Мудреца»! По собственной жизни каждый, кому повезло, знает цену таких встреч. А сколько не повезло просто потому, что нигде было встретиться! И злейшие бесы заселяют «пустыню отрочества», если в ней нет оазисов мудрости: бесы нелюбви и неверия — в себя, в людей, в жизнь.

Где с «Мудрецами» встречается юность? Вопрос риторический, ибо ответ уже дан: нигде, нигде. И это плотно, без остатка заполнило место встречи, не занятое добром. На этом поганом месте продолжают возводиться основные строения юности: созидаются смыслы жизни, сведенные до смысла карьеры или — еще гаже — до смысла всяческой безжизненности, мертвечины, эрацев жизни (лежащих в основе многих молодежных течений); строятся мировоззрения, сведенные до воззрения на мир сквозь шель танка, решетку камеры, окошко, в которое выдают зарплату...

Между тем юность — это возраст первой возможности понять мудрость (а не просто инстинктивно тянуться к ней, как тянется к бабушке дитя), сделать ее «строительным материалом» собственной души. Строительство души в юности идет непрерывно и всегда из подручного материала: из ржавых обломков цивилизации, среди которых попадают фрагменты дивных статуй, из лживых книг и откровений из мига полной человеческой близости и чувства собственной никчемности... И недурно, если «под рукой» юноши, занятого возведением храма, блиндажа или лачуги собственной мировоззрения, всегда оказываются *живые* опыты мудрости.

Юность, с готовностью вступающая в разговор равных (если получает приглашение, доступ к таковому), видит в мудреце — первом среди равных — надежду, обещание собственной мудрости, которая открыта всем. Но «многие званных и мало избранных». А услышать призыв к мудрости легче всего в духовной беседе юно-

Окончание на стр. 52

Наталья ДЬЯЧЕНКО,
заместитель председателя прав-
ления Общества милосердия
«Ленинград»

ДЕНЬ МИЛОСЕРДИЯ, ИЛИ ДОЛГИ НАШИ

Мы долго жили, их не замечая. Не вспоминая, зато не зная об их бедах, не задумываясь об их трагической участи. Обычно мы их даже не встречали. А ведь только в Ленинграде их многие тысячи. Но мир ребенка, рожденного с тяжелым недугом, как правило, ограничен одной комнатой. Будь то родной дом (у тех, кому посчастливилось хотя бы с семьей), больница или «казенный дом» — соборовский интернат. Дети-инвалиды — велики наши долги перед ними...

— О ком вы печетесь? — удивлялся чиновник собеса, узнав, что Общество милосердия «Ленинград» проводит акцию «Особый ребенок». — Да среди них половина умственно отсталых! Бесперспективные...

И в этом тоже наша вина, во многом — наша. Дети-инвалиды, лишенные нормального общения с окружающими, не получающие полноценного воспитания и образования, зачастую отстают в развитии от сверстников. Особенно те, кто живет за глухим забором казенного интерната. Их трагедия вдвойне горше: инвалидность и сиротство. Мы не видим их страдающих глаз, мы не слышим их голосов, но разве это умаляет нашу вину перед горемычными детьми?!

Милосердие только еще возрождается в нашей жизни. С трудом в круг обсуждаемых проблем входят бедность, бездомность, заброшенность стариков при живых детях и детей при живых родителях. Мы еще не успели осознать, что государство не способно всем помочь. Более того: чем богаче страна, тем более развита в ней сеть благотворительных общественных организаций. Только в США их — тысячи! Милосердием измеряется уровень нравственного здоровья народа. Благотворительность в цивилизованном государстве — это норма гражданского поведения. А мы до сих пор склонны кидаться на зов милосердия лишь при стихийных бедствиях, забывая об этом понятии в будни. Простой пример: многие ленинградские предприятия и учреждения были буквально затоплены подарками для жертв землетрясения в Армении. Потом республика отказалась принимать эти грузы. И что же оказалось: зачастую их просто сгноили. Не решились раздать своим нуждающимся. В Общество милосердия «Ленинград» часто обращались руководители трудовых коллективов с вопросом: куда отослать

собранные подарки? Они готовы были адресовать их хоть в Африку, хоть в Австралию — куда бы подальше, с глаз долой. Откровенно удивлялись предложению оказать помощь малоимущим ленинградцам. А ведь в Ленинграде десятки тысяч стариков живут буквально впроголодь. Бедствуют многие семьи, особенно многодетные. Для многих секрет за семью печатями, что на ребенка-инвалида положено ежемесячное пособие в тридцать рублей. И на эти деньги живет он и его мама, вынужденная покинуть работу, чтобы ухаживать за больным малышом.

...Как-то пришла к нам в Общество милосердия туристка из Бельгии. Принесла подарок — пакет с продуктами: консервы, печенье, конфеты. Мы были смущены и растроганы. А она в толк не могла взять, почему мы робеем, принимая «инострannую помощь». Для нее привычно: в какой бы стране она ни была, в какой бы город ни заехала, обязательно нанести визит в Общество милосердия. И, наверное, с ее точки зрения, более странными выглядят наши обеспеченные земляки, которые выносят лишние продукты в мусорные баки — в голову им не придет одарить нуждающегося.

Кстати, о баках. Однажды сообщили нам, в Общество милосердия, что какой-то мальчик с костью ежедневно роется в мусоре, разыскивая съестное. Съездили по указанному адресу наши добровольцы. Нашли маленького инвалида, выяснили, что он из неблагополучной пьющей семьи. Приняли участие в устройстве его судьбы. Но нельзя не возмутиться тем, что многие месяцы подряд мальчишка на глазах у соседей рылся в помойке и никто, — понимаете, никто! — не догадался поговорить с ним, пригласить к себе, накормить досыта.

Худо, наверное, считать деньги в чужом кармане. Но, читая про миллионные богатства Советского детского фонда, удивляюсь, что он не берет на себя постоянную обеспечение семей, воспитывающих детей-инвалидов. Это было бы милосердно, это было бы понятно всем дарителям, подерживающим фонд.

Впрочем, и мы, когда создавали Общество милосердия, в категорию нуждающихся отнесли прежде всего инвалидов и одиноких престарелых. Для них открыли первую в стране бесплатную столовую — она содержится только на добровольные

пожертвования. Достаточно перевести хотя бы пять рублей на счет № 17001700100 Октябрьского отделения ЖСБ Ленинграда — Обществу милосердия «Ленинград», и ты сможешь обеспечить на неделю питание одного нуждающегося. Для стариков и инвалидов создали «Экспресс-службу», добровольцы которой оказывают бесплатно всевозможную помощь. Теперь уже и продукты возим на дом. Ездят по нашим путевкам и психологи к тем, кто взывает о милосердии.

Однако сама жизнь внесла коррективы в наши планы. Постепенно стали мы брать на себя заботу и о детях-инвалидах. Выяснилось, что нет у нас другой организации, которая занималась бы их многотрудными проблемами. А здесь все смешалось: дефицит лекарств, отсутствие простейших приспособлений для маленьких инвалидов, материальная нужда семей, трудности в воспитании.

При Обществе милосердия сформировалась ассоциация родителей детей-инвалидов «Особый ребенок». Сами мамы и папы выступили в роли и организаторов, и исполнителей. Стали проводить занятия и консультации с ребятами, привлекая специалистов. Выделились три секции: инвалиды-«опорники», умственно отсталые и дети с психическими недугами.

Взять ту же новогоднюю елку — любимый детский праздник. Но детей-инвалидов не приглашают на массовые празднества. Срабатывает стереотип консервативной педагогики: мол, они своим видом испортят настроение здоровым сверстникам. А ведь есть же и другой урон — моральный. Вырастим ли мы добрыми и щедрыми здоровыми физически детей, если будем их вслэшески убергать от соприкосновения с бедами и горем?

...Новогодняя елка для детей-инвалидов у нас все-таки состоялась. Точнее, три представления — так много детей-инвалидов захотели побывать на празднике в Обществе милосердия. Наши девушки-общественницы выступили в роли Снегурочки, а потом признавались, что, внешне веселясь, едва сдерживали слезы жалости. Программу праздника они подобрали подходящую, она позволила и тем, кто на костылях, и тем, кто в колясках, быть активными участниками действия.

Как вы знаете, 1 июня отмечается Международным днем защиты детей. Часто при этом повторяют расхожие слова о том, что, мол, наших советских детей не от чего защищать — всё у них есть и всё им дано. А мы предложили ленинградцам в прошлом году провести этот день как День помощи детям-инвалидам. Свообразный День милосердия. Спасибо «Ленинградской правде»: она опубликовала призыв Общества милосердия. Это позволило нам провести городскую акцию «Особый ребенок» и заодно убедиться, как много у нас в городе добрых и щедрых людей. Люди звонили по нашему телефону с утра до вечера, просили адреса нуждающихся в помощи. Их было немало: психоневрологические интернаты, интернаты и спецшколы для детей с тяжелыми недугами. Кто-то спешил доставить туда игрушки, кто-то закупал фрукты сразу на всё отделение больницы, кто-то оплачивал автобусы для экскурсии... Ленгорисполком, откликаясь на наш призыв, принял специальное по-

Фото С. Компанийченко, Ленинград

становление. Но все-таки дорожке всего была инициатива самих ленинградцев. Артисты специально для детей-инвалидов давали представления, выезжали с концертами в собесовские интернаты.

Молодежь Общества милосердия решила выйти на улицы и площади для сбора пожертвований, чтобы оказать помощь детям-инвалидам. Дело было не только в средствах, хотя и они очень нам нужны. Главное — привлечь внимание общественности к назревшей социальной проблеме. Художественные школы Ленинграда передали лучшие работы своих учащихся для благотворительной ярмарки. Кружковцы Домов пионеров привезли самодельные сувениры. И на вопрос, кто же встанет к прилавкам, без колебаний ответили: «Сами встанем!»

Итак, милосердие и благотворительность возрождаются, с трудом пробивая себе дорогу. И если общественное мнение поддерживает наше движение, то у «отцов города» до сих пор к нему несколько подозрительное отношение.

Лично у меня появился шанс заслужить пятнадцать суток ареста в связи с акцией «Особый ребенок». Ситуация сложилась прямо-таки парадоксальная. Ленгорисполкомом площадь перед Казанским собором определена как место митингов, массовых обсуждений, выступлений неформалов и самостоятельных артистов, желающих поработать. Им всем никакого разрешения не требуется; приходи и выступай хоть с политическими программами, хоть с концертом. Со стороны на всю эту неформальную инициативу спокойно смотрят сотрудники милиции. И вдруг заместитель председателя Ленгорисполкома запретил Обществу милосердия выйти на площадь для организации благотворительной ярмарки и сбора пожертвований. Прозвучала даже угроза, что сбор пожертвований будет приравнен к несанкционированному митингу и организатор (в данном случае — я) сядет за решетку. Дело, конечно, вкуса, но мне представилось, что подобное наказание может быть только честью для человека. Решимость и твердость наших активистов в конце концов победили — сквозь зубы нам дали «добро».

Удивительно, с какой это стати благотворительную акцию «Особый ребенок» можно было пытаться выдать за «политическую диверсию» или еще что-то опасное для города. Дело, наверное, в том, что городские власти все же осознают свою вину в создавшейся ситуации с детьми-инвалидами. В огромных должниках перед этими ребятами и органы народного образования, и органы здравоохранения, и собес. Поэтому «отцам города», видимо, и не хотелось привлечь внимание общественности к «особым детям». А вдруг у людей возникнут аналогии между привилегиями некоторых и бесправным положением ребенка, с рождения пораженного тяжелейшим недугом. У одних — специальная супербольница, у других — одни беды с лечением и протезированием. У одних — заказы и в праздники, и в будни, а у других... Семилетний Женя, прикованный к постели, спрашивал меня: «Говорят, сгущенка это очень вкусно?»

Но вернусь к событиям на площади перед Казанским собором. День милосердия удался на славу. Неформалы усту-

Лариса БАЖЕНОВА, кандидат педагогических наук

...ТЕМ ВЫШЕ ШАГНУТ НАШИ ДЕТИ

Ну вот — знакомая ситуация: час назад услышала грубость от сына, а сейчас дочь сказала дерзость. Слезы к глазам: ну за что, ну почему?!

Ухожу в другую комнату. А может, не надо так переживать — подрастут, повзрослеют... Нет, надо — ведь вот как-то получилось, что добрые и ласковые еще совсем недавно, сейчас они могут сказать такое...

Я достаю свой, «мамин», дневник, который стала вести просто так, по какому-то движению души, видимо, от боязни забыть что-то, не сохранить в памяти самое интересное, самое важное. Вот они, незатейливые записи тогда совсем еще молодой, неопытной мамы. Перелистываю страницы, перечитываю не раз читанные строки. А может быть, не такой уж неопытной я была тогда, может, опыт материнства, заложенный в нас природой, делал и юную душу мудрой? Близость к ребенку, каждодневное, ежечасное общение с ним давало такое понимание малышка, какое нельзя найти ни в одной книге. И дитя понимало нас, также идя навстречу, говорило своими улыбками, гулением, гримасками, бесконечными движениями ручек и ножек о том, что ему хорошо, весело или о том, что его что-то беспокоит. И мы искали это «что-то», твердо зная, что надо помочь, что именно помощи ждет от нас крошечное существо. Почему же сейчас, умея говорить, дети не всегда идут к нам, и мы не всегда знаем, что нужна, просто необходима «скорая помощь»?

Из дневника

30 декабря 1981 г.

Шли мы с Натой по улице, а она говорит:

— Мама, а когда я только родилась, я умела говорить?

— Конечно, нет, — отвечаю, — ты только кричать умела.

— Нет, мама, я с первого дня умела говорить, но молчала, потому что стеснялась.

Конечно же, это детская фантазия, говорить она не умела, но выражала все иначе, другим, свойственным всем малышам языком, и я все понимала. А может, просто я очень хотела понять?

пили Обществу милосердия свое привычное место, не только уступили, но и помогли нам. Благожелательная милиция оказывала помощь в доставке вещей на ярмарку, и артистов на театрализованное представление. Продажи как таковой на ярмарке в тот день не было. Пожертвовать можно было любую сумму и тут же выбрать на память любой рисунок или сувенир. Ленинградцы подходили к нам, чтобы выразить свою поддержку Обществу милосердия, высказать самые добрые пожелания. На ступенях Казанского собора театр «Ваятель» показал спектакль. А через пару дней эти же артисты, закупив сладости и угощения, поехали в психоневрологический интернат.

В тот день собрали 1570 рублей. Эти деньги позволили сделать подарки сиротам, находящимся на лечении в детских больницах, пациентам детского отделения Института онкологии, выпускникам спецшколы для умственно отсталых. Так что все хорошо, что хорошо кончается. Об акции «Особый ребенок» рассказал в своей информации ТАСС, отметили ее по радио и телевидению, подчеркнув роль Общества милосердия. В основном мы довольны тем, что удалось сделать, хотя у нас и остался горький привкус от общения с официальными лицами и уверенность в том, что сегодня ради милосердия человек должен быть не только добрым, но и мужественным.

А жизнь продолжается, наполненная работой. Расширяется круг проблем, которыми занимаются энтузиасты Общества милосердия. В практической деятельности проходит становление ассоциации родителей «Особый ребенок». Координатор этой ассоциации Владислав Лавров рассказал мне:

— Недавно весь мир облетела сенсация: в Великобритании живет и продуктивно работает выдающийся физик. Этот ученый — тяжелый инвалид, у которого парализованы конечности и речь. С внешним миром он общается при помощи специально созданного на основе персонального компьютера устройства. Не будем удивляться уровню технической оснащенности. Хотелось бы подчеркнуть иное: мощный интеллектуальный потенциал многих физически обездоленных людей. И то, что общество поднимается в своих собственных глазах, занимаясь развитием больных детей. Для меня ученый-калека предмет большей гордости народа, чем космические корабли.

Горячность Владислава Лаврова можно понять. Это страшная беда, когда рождается больной ребенок. Врачи, словно неумолимый приговор, произносят слова: детский церебральный паралич. Примерно триста семей в Ленинграде ежегодно впервые слышат этот диагноз. И перед каждой из них встают сложнейшие медицинские и педагогические проблемы. Проблемы усугубляются с наступлением школьного возраста ребенка. Специализированная школа-интернат принимает лишь тех малышей, кто имеет легкие дефекты опорно-двигательного аппарата. Остальные больные дети вынуждены получать образование дома.

Да и этот интернат, по мнению активистов ассоциации «Особый ребенок», не лучшее место обучения и воспитания. Он

подобен теплице. Дети-инвалиды, изолированные в стенах казенного дома, не контактируют с миром здоровых людей. Отсюда, наверное, различные психологические комплексы. Их особенно остро переживают выпускники интерната. Владислав Лавров с горечью говорил о случаях самоубийств молодых инвалидов, что вызвано первыми же жизненными неудачами. Можно ли иначе обращаться с такими детьми? Например, в США нет специализированных интернатов для больных ДЦП, они обучаются в обычных школах.

Совершенно ясно, что семьи, воспитывающие детей-инвалидов, нуждаются в особой общественной заботе. На них ложатся огромные психологические и физические нагрузки. Зачастую, не выдержав морального стресса, отцы покидают дом. Матери, ухаживающие за больными детьми, бывают вынуждены оставить работу, лишиться своей профессии. И при этом пособия социального обеспечения на детей-инвалидов столь ничтожны (помните — тридцать рублей!), что могут гарантировать лишь нищенское существование. В обычной семье выросший ребенок становится опорой для своих родителей. С инвалидами иначе: чем старше, тем больше проблем в учебе, неясностей с трудоустройством, с личной жизнью. А что ждет молодого инвалида, не обслуживающего самого себя, после смерти родителей? Один путь: в дом-интернат для хроников.

Сегодня социальная система реабилитации детей-инвалидов находится почти в зачаточном состоянии. Наивным было бы полагать, что государство разом всем поможет. Всем заинтересованным людям пора объединить свои усилия в поиске решения проблем. Иначе долгой будет стоянка в тупике. У общественных организаций, которые помогают родителям детей-инвалидов, сейчас появляются некоторые возможности. Общество милосердия «Ленинград» тоже предпринимает шаги на этом пути. Сейчас в разгаре ремонт нашего филиала на улице Дзержинского, дом 3. Там будет центр по социальной реабилитации детей-инвалидов. Один из залов станет театральным — домом для театральной студии, в которой режиссер Владимир Бродянский собрал ребят, страдающих тяжкими недугами. Там же будут проходить благотворительные представления для детей-инвалидов.

За время проведения городской акции «Особый ребенок» обрел силу наш Благотворительный штаб. По составу добровольцев он молодежный, более того — совсем юный. В благотворительных ярмарках и представлениях принимали участие даже младшие школьники. Теперь ребята не хотят расставаться, мечтают о детском братстве милосердия — детище нашего Общества. Этим летом мы ближе познакомимся с детским отделением Института онкологии. Ездили к маленьким пациентам с подарками: фруктами и сладостями, игрушками и книгами. Увидев небогатый быт, решили силами художественных школ оформить помещение отделения.

...Мы слыхом долго жили, их не замечая. Но вспоминая об их бедах, не задумываясь об их трагической участи. Велики наши долги перед детьми-инвалидами. Только деятельное милосердие позволит нам вернуть эти долги.

А как я сама разговаривала с ними! Разве так, как сейчас? Они были тогда маленькие, но я говорила с ними, как с равными, взрослыми.

Помню, как-то долго не могла заставить Нату съесть котлету. Мне почему-то казалось, что ей необходимо съесть котлету, а ей этого вовсе не хотелось. Я повысила голос, сердито посмотрела на нее, стала ее ругать. Вдруг глазки Наты округлились, она растерянно посмотрела на меня: «Мама, ты тетя, да? Ты продавщица, да?» Ей было два года и два месяца, и она думала, что только плохая чужая тетя и злая продавщица из нашего магазина могут ругаться. Но этого не может делать ее мама!

Из дневника

9 ноября 1974 г.

Денис сегодня сказал: «Мою маму сделали так: взяли чужую тетю, отрезали у нее все плохое — и получилась мама!»

Такими они видят нас, когда еще малы, когда в прямом и переносном смысле смотрят на нас снизу вверх.

А мы живем своей взрослой жизнью, своими такими серьезными заботами, что порой не замечаем, как они внимательно следят за нами, видя то, что по нашим меркам им еще рано видеть и замечать. Каждый день детской жизни столько открывает нового для каждого из них! Они запоминают новые слова, радуются красивым игрушкам, самозабвенно играют, бегают, рисуют. И нам порой невдомек, что ребенок видит не только свою, «детскую» жизнь, которой ему, по нашим представлениям, положено жить. Он очень хорошо чувствует жизнь близких взрослых. Он очень наблюдателен, правда, не всегда сообщает нам о своих наблюдениях. Да мы, признаться, и не очень-то интересуемся ими. Отвернулись... зажали своей жизнью, которая так порой не похожа на ту, какую мы детям «внушаем». Откуда у нас сложилось представление, что дети «выборочно» постигают жизнь: это сейчас им можно видеть и замечать, а это еще нельзя?

Из дневника

24 декабря 1981 г.

Идем с Наташей по парку, а навстречу идут женщина с мужчиной, лет шестидесяти. Она ему что-то сердито выговаривает. Прошли мимо нас, а Наташа говорит:

— Мама, а ведь все-таки наша бабушка Вера очень дефицитная. Она никогда не дедушку не ругается. Не то, что другие. Она самая дефицитная бабушка на свете!

Оценить достоинства человека, его душевные качества — это не просто. Почему дети одних взрослых любят, а других — нет, даже если это их родственники и уж, конечно, никто не формирует негативного отношения к ним? Может быть, в своих «воспитательных беседах» мы говорим о том, каким должен быть человек, и ребенок успешно усваивает наши уроки. Остается только жалеть, что носителями-то этих качеств порой оказываемся не мы с вами.

Из дневника

15 апреля 1979 г.

Я как-то сказала Наташе в ответ на ее слова:

— А я вот так своей маме никогда не говорила.

— А у тебя нет мамы, — сказала Ната.

— Как же нет, а бабушка Вера? Это и есть моя мама.

— А, хитрая какая, — протянула она, — самую хорошую маму себе выбрала!

Помню, тогда о многом в своем поведении мне пришлось подумать. Конечно же, я не ревновала ребенка к бабушке, но ведь в «конкурсе мам» я набрала меньше баллов. Почему?

Часто приходится слышать, что бабушки и дедушки балуют детей. С этим, пожалуй, можно согласиться. Говорят (от самих бабушек приходится слышать), что внуков любят больше детей. Отчего это происходит? Не думаю, что мне удастся полностью ответить на столь сложный вопрос, но «стар» и «мал» чаще находят общий язык, по-моему, еще и потому, что они в чем-то одинаковы. Странно? Да, но только на первый взгляд. Бабушка и дедушка многое знают и умеют, у них большой опыт, но в чем-то они уже нуждаются в помощи, что-то им уже не под силу. Ребенок чувствует свою нужность им, чувствует, что он может помочь им, взрослым людям: подать очки, поднять уроненный предмет, принести что-то. «Тише, — говорит бабушка, — я не могу так быстро идти, иди медленнее», — и малыш, осознавая в чем-то свою силу (он не слабый, не маленький, он может больше, чем взрослая бабушка), замедляет шаг.

Что же, родители должны быть слабы, чтобы их жалели и слушались? Конечно, нет, но ребенку необходимо почувствовать, что его не только воспитывают на каждом шагу и без устали, но в нем и нуждаются: в его соучастии, в его дружбе, ласке. Не только мы, родители, должны постоянно жалеть, ласкать, утешать ребенка, но и он должен чувствовать, что его соучастие, его расположение нам тоже необходимо.

Как-то раз я спросила пятилетнюю дочку: «Наташа, что такое ребенок?» «Это радость матери», — ответила она. А разве нет, подумала я, конечно же, да. Но мы не можем лишь радоваться, мы должны еще воспитывать, учить, заботиться, нервничать из-за каждого пустяка, переживать из-за болезней, непослушания. А где же место радости-то?

А вот у дедушек и бабушек, по-моему, это чувство постоянно (вспомните хотя бы, как они рассказывают о внуках). И это чувство не проходит потому, что они смотрят гораздо дальше и с высоты своих лет видят в своих внуках будущее — то, что рождено не ими, а уже их детьми, видят тех, кому жить в том далеком будущем, к которому обращает свои надежды человечество. Зачем же такой пафос? — хочется остановить себя. Воспитание ребенка и вечные, глобальные проблемы. Ну а как же иначе? Ведь если вдуматься, то, действительно, готовя кашу, читая книжки, стирая платица и рубашки, провояжая каждый день в школу, разговаривая с ребенком, делая ему замечания или хваля за что-то, мы ведь растим будущее. И здесь нельзя действовать так, как порой мы себе позволяем: сегодня кое-как, но со следующей недели... Здесь таких отсрочек никто нам не даст. Только сегодня, и каждый день, и всегда. Когда растишь будущее — выходных дней нет.

Иногда кажется, что именно бабушки и дедушки поняли это и поэтому каждый

день готовы отдать внукам, несмотря на недомогания и усталость. Именно они с особой остротой чувствуют всю хрупкость детской души, готовы всем пожертвовать ради него, может, даже они стараются добавить внукам то, чего не дали, не смогли, не успели собственным детям. И как трудно им порой бывает сдерживать эту любовь, не баловать внуков, чаще требовать с них, не жевать, не холить. Конечно, всему есть границы, что греха таить, иногда вырастают из таких «збалованных» внуков жестокосердные себялюбцы.

И в этом неповторимом взаимоотношении старых и малышей как умно и чутко должны вести себя мы, родители. Как важно бережно поддерживать огонь любви, доброты в малышах, обучая их милосердию, уважению к старости. Но просто учить мало, надо, чтобы все наше поведение было тому примером, естественной атмосферой, в которой растет ребенок.

Из дневника

25 февраля 1981 г.

Мы с Наташей возвращались из детского сада. С нами шла Саша — девочка из той же группы, со своим папой. Саша говорит: «Если бы у меня была волшебная палочка, я бы попросила сделать так, чтобы я была самая красивая девочка на свете, и у меня были бы длинные волосы. И еще бы я попросила, чтобы у меня было длинное белое красивое платье». «А еще что?» — спросил ее папа. «А еще, чтобы у меня был большой красивый вер», — дополнила Саша.

Наташа все это молча выслушала. «А если бы у меня была волшебная палочка, — сказала она, — я бы попросила, чтобы у бабушки никогда не болели ноги, и она могла бы ночью спать».

Я, помню, была очень обрадована и даже поражена этим, ведь никто в семье специально не говорил с дочерью на эту тему, хотя всегда спрашивали о бабушкином здоровье, покупали лекарства, беспокоились о ней.

Меня поразило и то, что ребенок не только заметил это, но и попытался по-своему помочь, высказав как свое самое заветное желание — исцеление бабушки.

Значит, это тоже пришло из нашей «взрослой» жизни, было осмыслено ребенком, он принял все близко к сердцу и по-своему ответил, совершил свой поступок. Да, именно поступок, ведь им является не только дело, но и слово, порыв, стремление, высказанная позиция.

Это относится и к нам, взрослым. Ребенок, подросток, каждый день наблюдая нас, создает наш «портрет», «образ». Каждый наш поступок, каждое слово, действие привносят в этот образ все новые черты и краски. Сегодня мы рассержены и можем прикрикнуть, сказать резкость сыну, дочери. «Оставь меня в покое!» — кричим мы в гневе. А может, именно сейчас им нужна была «скорая помощь», за которой они спешили к нам?

А ведь бывает и так: выслушав исповедь дочери, сына (на которую им ой как трудно было решиться!), мы или отмахнемся от их переживаний — тоже мне, проблемы! — или начнем поучать, с ходу давать указания, руководства. Не сочувствовать, не думать вместе с ними, проникшись их тревогами.

Но если задуматься? Раньше, когда ре-

бенок был «грудничком», малейшее отклонение от нормы — не спит, мало съел — ввергало нас в панику, а теперь, когда он вырос, сыт, обут, одет — мы успокоились. Какие могут быть тревоги? Все у него есть, учится нормально. Да и большой уже. Поэтому и общение наше чаще всего сводится к передаче «информации к исполнению»: придешь из школы — позвонишь мне на работу, обед возьмешь там-то, погуляешь до такого-то часа и т. п.

И дети тоже усваивают нашу манеру поведения: срываются, грубят, не спешат идти к нам с вопросами. Ведь раньше им, маленьким, мы все терпеливо объясняли, а теперь у нас нет времени. «Замолчите ко мне приставать!» — услышала я как-то ответ четырехлетнего малыша матери. Вот он, бумеранг...

А ведь все это можно было предвидеть. И как обидно, что думать и размышлять мы начинаем лишь тогда, когда «гром грянет». А думать надо не только о форме общения с ребенком, но и о содержании этого общения, а следовательно, о содержании всей нашей жизни, ее ценностях.

Листаю дневник и еще больше убеждаюсь, что наша взрослая жизнь, независимо от наших же педагогических усилий, а иногда и вопреки им, делает свое дело, формирует сознание детей.

«Мама, — сказала мне шестилетняя дочь об одной женщине, — у нее джинсы вельветовые и дубленка — она вся импортная». Ну что же, это можно оценить и как обогащение словаря ребенка, включения в него новых, распространенных в нашей жизни слов. А что, если это начало

формирования ценностей, идеалов? Конечно, в шесть лет, пожалуй, это рановато, но если часто в нашей обыденной жизни ребенок будет слышать от нас о престиже тех или иных вещей именно в силу их дефицита, то стоит ли удивляться, когда в 13—14 лет подросток заявит нам о желании иметь эти вещи, а людей станет оценивать лишь с той позиции — обладают ли они этими вещами или нет?

Помню, когда дочь выбрали командиром октябрятской звездочки, она завела специальную тетрадь, на которой красивыми буквами было выведено: «Книга жалоб и предложений второй звездочки». Затем были составлены различные списки, графики дежурства, расписаны обязанности. «А что интересного вы будете в своей звездочке делать?» — спросила я. — «Да еще не знаю, к нам вожатые придут, они скажут». Помнится, вожатые пришли только один раз, да и тетрадь осталась чистой.

Откуда это — браться вначале за бумагу, оформлять, разрисовывать, раскрашивать, а не придумывать, фантазировать, делать, мечтать, в конце концов? Да из нашей же, взрослой, жизни.

Листаю дальше дневник. Вот уже вступление в пионеры, комсомол, друзья, увлечения...

Понемногу я успокаиваюсь от только что пережитых волнений и начинаю сознавать, что те выводы, к которым я пришла, перечитывая свой дневник, в общем-то очень просты, только трудно их придерживаться. Дети и взрослые должны быть вместе — не просто жить в одной квартире,

но и быть духовно близкими, чтобы дети всегда чувствовали друзей в лице своих родителей, только тогда можно говорить о воспитании. А мы ни на секунду не должны забывать, что рядом — дети, неважно, сколько им — два года или пятнадцать лет. Все наше — хорошее и плохое — они могут взять себе, хотим мы этого или нет. Так что взглянем-ка почестнее на себя — все ли в нас хорошо и достойно подражания? Нет, не в тот момент, когда мы говорим умные и такие справедливые слова детям, учим их уму-разуму. А в повседневной, будничной жизни. Пожалуй, мало кто из нас ответит утвердительно.

Вам не приходилось слышать замечаний в свой адрес от повзрослевшей дочери, от выросшего сына? В тот период их жизни, который является переломным, трудным, подростковым. Неприятно, правда? Еще такие «зеленые», а уже поучают... Но не забывайте, что это и возраст «обостренного зрения», возраст максимализма, нового открытия мира. И если рассуждать спокойно, то всегда ли несправедливы эти замечания? Если честно? Ведь со стороны, как говорится, виднее. Мы-то делаем замечания им, хотим видеть их лучше, а они нас?

Значит, всегда, с первого дня жизни ребенка воспитывать не только его, но и себя. Всегда быть достойным нового поколения, формировать в себе то, что хотим видеть в ребенке.

Дети должны идти дальше родителей, и чем выше будет та нравственная, человеческая ступень, на которой стоим мы, тем выше шагнут наши дети.

К. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

В ШКОЛЬНОМ МУНДИРЕ

Фотографии из рекламного буклета частной японской школы

...В Японии не принято называть улицы. Лишь несколько крупных магистралей в Токио имеют наименования. Но недавно власти одного из городских районов по просьбе общественности решили дать имя крошечному переулку, ведущему к школе.

Как, вы думаете, он стал теперь называться? Улицей знаний или проездом отличной учебы? Нет, как ни странно нам покажется: улицей Приветствий... И в начале, и в конце ее на стенах домов укреплены таблички, на которых крупно написано: «Это — улица Приветствий! Здравствуйте! Как поживаете? Доброе утро...» Похоже, спешащим по утрам в школу малышам именно такая надпись кажется наиболее подходящей — они радостным хором приветствуют учителей, кивают им головами в ярко-желтых панамках.

...Курс школьного обучения в Японии занимает двенадцать лет, и половина его приходится на начальную школу из-за исключительной сложности и трудоемкости изучения родного языка. Ученики должны

усвоить 1850 иероглифов — минимум, установленный министерством просвещения (но даже для чтения книг и газет их требуется знать гораздо больше — до трех тысяч). Половиной этого иероглифического минимума нужно овладеть уже в младших классах. К тому же каждый из иероглифов имеет несколько вариантов чтения и произношения.

Помимо иероглифов в японском языке употребляются две буквенных слоговых азбуки по 48 знаков каждая, а также латинский алфавит. Немалых усилий требует и изучение истории своей страны. Ведь в Японии по сей день официальное летоисчисление ведется не по европейскому календарю, а по годам правления императоров. Эти названия условных исторических эпох обозначаются иероглифами, нередко архаичными, которые также надо заучивать.

За шесть лет жизнерадостные крепыши успевают сильно перемениться. Потом следуют три класса средней школы и еще три — старшей, формально необя-

зательной и даже немножко платной, но все же оканчиваемой всеми. Словом, школу японец кончает вполне сформировавшимся восемнадцатилетним юношей.

...Когда учитель проходит по двору сквозь толпу затянутых в черные мундиры подростков, редко кто кланяется ему в пояс, сняв фуражку с золотой кокардой. Большинство же, молча переступая с ноги на ногу, смотрит ему в спину насмешливо, внимательно или брезгливо.

А бывает и так: вдруг кто-то бросает камень в окно школы, и в тот же миг остальные, не сговариваясь, на шариваят, нагнувшись, на асфальтном полу осколки кирпича, размахиваются, блеснув рядами латунных пуговиц, и тоже кидают камни в стекла, которые тотчас отзываются печальным звоном, падая на траву...

Что-то неладно в японской школе. Горячий воздух пожара исходит порой от новорожденного шевеления замундиренной ученической толпы. У школьных мундиров стоячие жесткие воротники, ныне отмеченные почти во всех армиях мира, в том числе и в японской. Здешний солдат одет в полном соответствии с гуманистическим духом послевоенной эпохи — в пиджачную пару с галстуком и мягкой фуражкой или в просторный легкий комбинезон. И только черный мундир школьника ни разу не менялся с тех пор, как был введен императорским указом в 1868 году, после революции Мэйдзи.

Большинство японских школьников жалуются на неудовлетворенность своей жизнью, выражают и тревогу о будущем. «В чем же неудовлетворенность и откуда тревога?» — спросите вы, узнав, что почти каждый второй из этих ребят имеет отдельную комнату в родительском доме, в которой, несмотря на тесноту, умещаются и видеоманитофон, и стереосистема, и первоклассное спортивное снаряжение, и персональный компьютер, а у некоторых — даже персональный телефон, по которому можно сколько хочешь разговаривать с друзьями. «Наша тревога, — говорят японские школьники, — вызвана беспрестанной чередой экзаменов в школе, предстоящим поступлением в университет, устройством на работу, и вообще нам бы хотелось вырваться из этого нескончаемого круга и уехать учиться за границу». Не случайно, наверное, сейчас в странах Запада обучается тридцать шесть тысяч японских студентов (в три раза больше, чем десять лет назад), очень довольных своей долей, но не уверенных в том, что смогут устроиться на работу, возвратившись домой.

Требования в преподавании точных и естественных наук в Стране Восходящего Солнца очень высоки, и недаром японские школьники всегда занимают первые места в международных олимпиадах. В этом, как считают многие, коренится одна из причин продолжающегося бурного научно-технического прогресса Японии, сумевшей выпестовать несколько поколений высококультурных и исполнительных инженеров, техников, программистов.

— К сожалению, японская школа, предъявляя ученикам высокие требования

в области точных наук, вовсе не ставит задачу развить их способности. Ее цель другая — добиться того, чтобы выпускники легко вписались в социальные координаты общества, выявить интеллектуальные акции подростков на выживание, что было бы невозможно сделать, будь школьная программа доступной для всех, — считает известный японский педагог Ютака Сасаяма.

Жесткая программа? И все-таки такая суровая школа, наверное, более полезна обществу, чем наша — с ее усредненным подходом, где не слабые ученики вынуждены подтягиваться до уровня сильных, а, наоборот, способные подчас деградируют до троечников. В этом, несомненно, коренится одна из главных причин нашего отставания в науке и технике.

Национальная обособленность японской системы школьного образования, уходящая корнями в средневековую закрытость страны, беспокоит японских учителей, но она не только препятствует международному взаимопониманию, но и гасит способности к творчеству, ориентируя детей лишь на заучивание фактов. «Придать японскому просвещению международную основу!» — такой лозунг был выдвинут недавно и, как всякое начинание в этой стране, не заставил долго ждать отклика. Четыре университета вставили слово «международный» в свои названия, так же поступили еще семь факультетов и двадцать пять академических кафедр в других институтах.

Впрочем, специально введенный курс по интернационализации читают старые японские профессора, умеющие отлично, хотя и медленно, переводить и с английского, и с

французского, и с немецкого, и даже с русского языков, но разговаривающие только по-японски.

Открылись японские школы и за рубежом. «Но на деле это школы не интернационализации, а японизирования японцев, — пишет профессор университета Огаюномидзу Сигэхико Тояма, — цель этих школ состоит лишь в подготовке молодых японцев к вступительным экзаменам в университеты на родине, что служит лучшим подтверждением того факта, что японский народ в конечном счете ориентируется сам на себя».

...Часто среди рекламных объявлений, везде расклеенных в Японии, попадаются и такие: «Хотите, чтобы ваш двухлетний малыш вывел свою фирму в число ведущих? Готовьте его к этому сейчас! (Это реклама частного детского сада, в котором воспитывают будущих предпринимателей. — К. П.). Выйдя из нашего садика, ваш сын сможет поступить в первую классную школу, откуда черпают кадры лучшие университеты страны». И родители, деловито наморщив лоб, переписывают телефон и адрес, и никто вокруг не удивляется тому, что выбор детского сада может определить всю дальнейшую судьбу человека.

Постепенно уходят из жизни те, кто самими счастливыми в жизни называл школьные годы. Тогда, полвека назад, среднее образование было доступно не всем и имело потому самостоятельную ценность, а пользовавшиеся всеобщим уважением учителя могли позволить себе неторопливо пестовать своих питомцев. Ныне же среднее образование в Японии, как и в других странах, полностью прине-

сенное в жертву высшему, превратилось в шаткий мост, соединяющий детский садик с университетом, а годы отрочества стали самыми тяжкими в жизни японца. Они состоят из бесконечной зубрежки и волнений о будущем, подогреваемых и в семье, и в школе.

Этика японской школы — это неустанный труд. Только он, и ничто другое, поможет лучше конкурента сдать очередной экзамен, поступить в более престижную младшую, среднюю, старшую школу, в университет, а оттуда — в процветающую фирму... Этот труд не только слишком тяжел для юного человека, но и давит на него своей безысходностью, ибо в ближайшие годы просвета в нем не видно, и только поступив в университет, можно будет немного расслабиться. Но и университет надо выбирать уже сейчас, в школе, более или менее четко определив будущую специальность, чтобы за десятилетие успеть набрать максимальное число экзаменационных баллов. Сделать это, согласитесь, непросто, и проблема главного жизненного выбора непосильной тяжестью ложится на худые мальчишечьи плечи. Непреходящее беспокойство юных школьников, взрывы необузданной злобы, преступления, поражающие несопоставимостью поводов и последствий, — все рождено этим давящим грузом.

Для девочек же в отличие от мальчиков двенадцать школьных лет становятся годами поистине безоблачного счастья.

Весело напевая, они застегивают по утрам свои синие мундирные платья с матросскими воротниками, которые в наши дни выглядят довольно странно: увы, и они не изменились за столетие. После уроков, когда мальчишки, сражаясь за лучшее будущее, сидят по домам, опустив стриженные головы над учебниками, группки оживленно щебечущих школьниц выстраиваются у витрин магазинов молодежной моды, неторопливо заходят в лавки с очаровательными безделушками, подолгу сидят в кафе и чайных, то и дело оглашая тесные их своды взрывами оглушительного смеха...

Главное предназначение женщины, считают здесь, — это все-таки не служба, а материнство. Разумеется, девушка должна поработать несколько лет в коллективе, чтобы узнать жизнь, но только до замужества.

Для школьниц издаются книжки, выпускают кинофильмы — спокойные, скучноватые. В них преобладают розовые и голубые тона, звучит тихая музыка, сверкают гранями драгоценные камни в украшениях героинь, и сияют счастьем глаза влюбленных героев. Главная тема одна — самоотверженная любовь, сбывшиеся девичьи мечтания.

У юных японок нет того насмешливо-покровительственного отношения к мальчикам, которое процветает в наших школах. На ребят здесь поглядывают с уважением, как на людей, которые трудятся на благо своей будущей семьи. Конечно, можно было бы посетовать на то, что равенство полов соблюдается в японской школе не столь усердно, но ведь его нет и в нашей школе. Она ориентирована на женскую часть человечества, составляющую почти целиком наш учительский корпус. Девочки взрослеют раньше ребят, с ними легче установить психологический контакт и уп-

рвать ими, особенно в младших классах, и потому они служат нашим учительницам надежной опорой. Эта половая корпоративность, бюрократически беспомощная в своей основе, наносит большой ущерб и делу воспитания, и обществу в целом...

В старших классах японских девушек стараются вытеснить на обочину конкурентной дороги. В главном учебном округе страны, токийском, им отводятся гораздо меньше вакансий, чем юношам, и это вызывает растущее недовольство матерей, создавших недавно инициативную группу «За подлинное женское равноправие в школе». Ее возглавили депутат городского парламента Марио Мицуи и домохозяйка Икуко Тояма, обратившиеся в столичный муниципалитет с требованием отменить несправедливую квоту. Полученный ими ответ был насмешливым и жестким, вовсе не в духе современной демократии: «Ничто не мешает вам отдавать дочерей в частные школы, ведь они уравнины в правах с государственным...» А плата в них, между прочим, в десять раз выше.

Всем известно, что столичные старшие школы, наследницы первых в стране императорских гимназий, считаются самыми престижными в Японии. Те, кто, пройдя серию тяжелых испытаний, был принят туда, могут считать себя уже студентами взлелеянного в мечтах Токийского университета, открывающего путь в высшие государственные сферы. И университет этот, и школы правящие круги страны рассматривают как питомник будущей интеллектуальной элиты, и ни одна общественная организация не в силах помешать городским властям, выполняющим свой социальный заказ, блюсти порядок приема.

Для поступления в эти старшие школы со всей страны приезжают в Токио затянутые в черные мундиры юноши, изнуренные учебой. Сдав вступительный экзамен, они поселяются в школьных общежитиях — длинных двухэтажных домиках. В них, как и во всех общежитиях для японской молодежи, царит дух спартастства. Узкий коридор, в котором едва могут разойтись двое, каждый вечер моют по очереди, но, несмотря на чистоту, застоялый запах жилья царит за фанерными стенами. В комнате умещаются на полу только три матраса, но в глубоком стенном шкафу, где свернутые матрасы лежат днем, есть на ночь место и для четвертого ученика. Во всем доме один умывальник с крошечной раковиной и один туалет, у которого, однако, никогда не бывает толчеи, и никто, прежде чем зайти туда, не забывает надеть клеенчатые тапочки, стоящие у входа...

С удивлением узнаешь, что в стране действует небольшая сеть частных школ, в которых вообще нет переводных экзаменов от первого класса до последнего, и родители, желающие уберечь своих детей от стрессов и перегрузок, могут отдавать их туда. Однако мало кто пользуется услугами этих школ; большинство предпочитает с малых лет бросать детей в пучину конкурентной борьбы. «Так более справедливо, ибо это соревнование честное. В нем никто не имеет никаких преимуществ», — спокойно объясняют отцы.

В японском обществе ценят только деловые качества человека, воспитанные упорным трудом, и ничто другое — ни заветы в преданности общему делу, ни

угождение начальству, ни даже телефонный звонок министра, — не может возместить их.

«Ну а как же дети крупной буржуазии? — спросите вы. — Ведь родители могут нанять им самых лучших репетиторов». Да, но учиться и потом сдавать экзамены в институт будут все же сами дети. Кроме того, деятели крупного бизнеса, как правило, создают для своих сыновей более жесткие условия вхождения в жизнь, чтобы закалить их для предстоящей нешуточной борьбы с конкурентами.

Несколько лет назад Японию потряс скандал, на который в иных странах никто не обратил бы внимания. Сотрудники одного из частных университетов выдавали абитуриентам за деньги темы сочинений на вступительных экзаменах. Этот инцидент взволновал общественное мнение так, как не смог бы, наверное, возмутить даже случай промышленного шпионажа. Все двенадцать программ телевидения только и делали, что методично повторяли эту новость. Ее тотчас подняла на острие пера вся могущественная японская пресса, многомиллионными тиражами перемывавшая событие. Прохожие, у которых корреспонденты брали короткие интервью на улицах, сурово хмурили брови. «Такого у нас еще не бывало!» — говорили они, осуждающе покачивая головой.

И действительно, вскоре в частном университете начались аресты, показанные на телеэкранах с той тщательностью, на какую способны только японцы. Понурился голова, пожилые мужчины в строгих костюмах, держа на весу сцепленные наручниками запястья, медленно шли к лакированным лимузинам с тревожно мигающими огоньками на крышах, а возбужденные полицейские в темно-синих мундирах, обычно довольно-таки корректные, толкали взятчиков взапой так страстно, словно ими был нанесен непоправимый урон отечеству.

— Эти люди — предатели общества. Они покусились на самое святое для нас — честность интеллектуальной конкуренции, которая двигает нашу страну по пути невиданного прогресса — так заключил сцену ареста немолодой телекомментатор и с достоинством поклонился зрителям...

Один из университетских служащих, молодой клерк, имел некоторое касательство к случившемуся: он почувствовал неладное в учебном отделе, но не придал этому значения, во всем положившись, как принято здесь, на старших товарищей.

В его действиях не нашли состава преступления, но зато журналисты замутили его своими интервью, подкарауливая начинающего чиновника везде, где только можно, — в автобусе, по пути в кафе, на велосипедной прогулке: «Расскажите, как под вашим носом совершилось это страшное преступление...»

Не выдержав угрызений совести и недоброжелательного внимания миллионов людей к своей персоне, молодой служащий поднялся на крышу восьмизэтажного здания частного университета, ставшего теперь известным на всю Японию, и бросился вниз. Так закончилась едва ли не первая в этой стране история утечки во внешний мир тайны экзаменационных билетов...

Продолжение следует

Говорят дети

Ричард, 2 года

— Я упал вместе с головой!

Рома, 3 года

На приеме у врача.

— Рома, на что жалуешься?

— На маму!

6 лет

— Рома, иди спать — этот фильм для взрослых. Вырастешь — посмотришь.

— Пока я вырасту, он уже будет без звука!

Ведь все старые фильмы немые...

Андрей, 3 года

В зоопарке, возле вольера с пони и жеребятами:

— Такой маленький и уже лошадка...

Саша, 4 года

Увидел, как собака открывает пасть.

— Какие зубы! Где-то поточили...

Сергея, 5 лет

Вымазал руку.

Мама:

— Иди, вымой ручку.

— Мама, ты что, забыла, что у меня еще одна в запасе есть?!

Женя, 7 лет

— Интересно, если глаза на лоб завести, увидишь, что в голове находится?

Подумав:

— Наверное, нет... Ведь там темно.

Миша, 3 года

Бабушка учит его правильно говорить:

— Скажи: «лампа».

— Вампа...

— Скажи: «Лидя».

— Выда...

— Скажи: «ладушки».

— Баба, ну, спроси у папы! Он тебе все скажет!

Записали наши читатели: А. Карпенко (Магаданская область), Т. Антонова (Кзыл-Ординская область), Н. Лебедева (Красноярский край), Л. Шмакова (г. Омск), А. Занькина (Краснодарский край), Г. Рудавина (г. Харьков).

С ноября 1988 года ежемесячно выходит «Российская музыкальная газета», орган Союза композиторов РСФСР. В ее выходных данных: «Начата в 1894, продолжена в 1988 году». Газета, прекратившая свое существование в 1918 году, возобновлена в семьдесят лет. Беседуем с ее главным редактором музыковедом, кандидатом искусствоведения **СЕРГЕЕМ ЮРЬЕВИЧЕМ РУМЯНЦЕВЫМ**.

— Почему нужна была такая газета? Во-первых, потому, что у нас мало периодических музыкальных изданий, тиражи у них небольшие, круг читателей ограничен. Наша же газета, хотя и обращена к профессиональным музыкантам, не ограничивается проблемами узко профессиональными. Мы стремимся завоевать интерес у широкого круга молодежи, у любителей музыки, у тех, кто не считает себя любителем, но интересуется новостями культуры и искусства, хочет быть приобщенным к культуре. Мы противники элитарности, а вокруг музыки и музыкантов довольно часто возникает атмосфера элитарности. В наши дни ситуация усугубляется еще и тем, что народ в большинстве своем оказался отчужденным от музыкальной культуры. Причин много: сказалось и отношение властей к творческой интеллигенции, система образования и воспитания начиная с детского сада...

Первые номера нашей газеты мы продавали сами на улицах, площадях. При слове «новая газета» люди густо окружали нас, когда же узнавали, что газета музыкальная, разочарованно махали рукой: «Кому это нужно!» От равнодушия и безразличия, с которым и пришлось столкнуться лицом к лицу, было не только больно, было ощущение вины: мы мало и плохо делали, чтобы наше музыкальное просветительство приносило достойные плоды.

А теперь я вернусь к тому, почему, во-вторых, нужно было новое музыкальное издание: мое мнение, а его разделяют многие, — о музыке нужно говорить и писать иначе, чем это принято в большинстве изданий. Я против популяризаторства. Что такое популяризаторство, что такие популяризаторы? Так вот, с моей точки зрения, популяризаторы, используя критерии и понятия, которые бытуют в среде специалистов, примеривают их к предполагаемому уровню знаний и понимания музыки широкими массами. Но что они знают об этом уровне, кем он изучается? Социология только начинает изучать, и довольно робко, этот уровень. Значит, речь может идти только о том, чтобы упростить. А там, где упрощение, там фальшь. Мы ничего не популяризуем. Мы говорим о том, что интересно в музыкальной жизни нашей страны, и приглашаем к разговору читателей. Очень важна форма материала, подача его, язык. Наше искусствоведение выработало свой специальный язык, и для того, чтобы читать о музыке, надо выучить этот язык. К этому относятся как к неизбежности многие пишущие о музыке, музы-

кальные педагоги. Поэтому так заформализована наша музыкальная педагогика. Как будто все дело в терминологии! Но, овладевая ею, дети не приближаются к музыкальной культуре.

— Вы поднимаете какие-то новые темы?

— Не только темы, существуют целые сферы музыкальной жизни, которые никому неведомы.

— Например...

— Например, музыка улиц, уличное искусство. Мы опубликовали записки Илито Кургули, профессионального музыканта, в предреволюционные годы ходившего по дворам со скрипкой. У него была благородная цель — нести музыку в массы, вместе с тем это был один из первых социологов, изучавших потребность народа в музыке, его вкус. Он убедился, что особыми «чарами» из его репертуара обладали «Серенада» Шуберта, «Элегия» Массне и «Сновидение» Шумана. Ему важно было, как выразили свои впечатления о музыке рабочие, кухарки, горничные...

А разве недостойно изучения искусство нынешнего Арбата? Мы опубликовали «Из записок подруги арбатского барда», «Из записок бродячих музыковедов» Ленинграда и другие материалы.

Мы открываем такую важную тему, как музыка в армии — армейский фольклор, разумеется, будет и разговор об армейской самодельности. Пишем об «афганцах» и их песнях — это же целый пласт нынешней культуры! Постоянные рубрики: «К музыке духовной» и «Жизнь фольклора», «Вести с мест». Открыли рубрику «Человек в салоне». Само слово «салон» воспринимается в наши дни как слово нарицательное. Теперь оно приобретает другой смысл. Салоны становятся популярными: семьи, молодежные компании, организации устраивают салоны, гостиные. Что ж, это один из путей развития музыкального искусства в наши дни. Кстати, именно таким путем развивалась культура в прошлые века. Не так уж было много

больших концертных залов, зато каждый особняк строился с обязательным «залом», и акустика там, как правило, была рассчитана на исполнение музыки. В Москве и других городах сохранились такие особняки, их занимают различные учреждения. Так, может быть, имеет смысл не тратить деньги на строительство больших концертных помещений, а использовать особняки (ведь вечерами они пустуют) и устраивать там салоны.

Мы очень долгое время хотели всех приучить слушать что-то одно. Причем иногда это делали насильственно. Мы «внедряли» искусство в массы. У нас даже радиофицирование насильственное: мы принуждены все, как один, слушать музыку из репродукторов на вокзале, в поезде, теплоходе, в парке. А салон может быть формой, которая поможет возродить любительство. Я хочу ходить, куда хочу, и мне будет из чего выбирать...

Приглашаем вас в музыкальный салон нашей редакции, он расположен в бывшем доме Шуваловых на улице Воровского, угол улицы Палиашвили. Правда, там только сто мест...

— Спасибо за приглашение. Кстати, наш журнал мог бы предложить и свою программу. Мы связаны с интереснейшими педагогами, которые могли бы не только исполнять музыку вместе с детьми, но и показать «музыкальный класс» — свои приемы работы, методику работы с детьми. Волнует ли вашу газету такая тема, как музыкальное воспитание?

— Мы посвятили этой теме один из номеров, обратились ко всем, кто «болен» этой темой, — преподавателям детских музыкальных школ, педагогам общеобразовательных школ, родителям, с просьбой писать, обсуждать, предлагать свои концепции музыкального образования. Будем очень рады, если благодаря вашему журналу круг обсуждающих эту тему расширится.

Записала Л. ОСИПОВА

СУДЬБА АНДРЕЯ ВОЛКОНСКОГО

Волконский Андрей Михайлович — крупный европейский композитор. Основатель и дирижер известного ансамбля «Мадригал», исполняющего камерную музыку старинных композиторов от XVII века и современные сочинения.

Имя Андрея Волконского было и остается легендарным даже в среде его близких друзей. Неудивительно, что вокруг композитора, уехавшего из СССР в 1971 году, сгустился туман любопытства. Чтобы несколько рассеять его, мы решили взять интервью у поэта Г. Н. Айги, близкого друга Волконского.

Корр. Каково было Ваше первое впечатление от знакомства с Волконским? **Г. А.:** С Андреем я познакомился в 1956 году. Мы втроем очень близко дружили: Андрей, я и его будущая жена Галина Арбузова-Паустовская. Помню, однажды у Паустовских мы с Галей беседовали о чем-то очень серьезном, о судьбе... и тут пришел Андрей. Неуклюжий, теряющийся без очков (у него сильная близорукость) человек с каким-то кьеркегоровско-андерсоновским взглядом. Я что-то «выкладывал» в тот вечер, какие-то свои убеждения — и сказал: «Искусство вообще космополитично». И тут он ожил: «Да, да, конечно, как же иначе». Говоря тогда о космополитичном искусстве, я имел в виду безграничность искусства, его интернациональность.

Моим первым впечатлением о Волконском было восхищение им как человеком необычайно высокой культуры. В связи с ним слово «утонченный» кажется самым верным определением. Я расскажу, что зна-

чит Волконский для всей «подпольной» художественной жизни того времени — жизни кружков поэтов, живописцев и других.

В Москве такие группы стали появляться еще до смерти Сталина, в 1951 году. Например, «лианозовская группа», зачинателем которой был художник Евгений Леонидович Крапивницкий. В нее входили художник Скарабин, поэты Холин, Сапгир... В 58—59-м возникла моя группа, которую я называю «яковлевцами» — по имени художника Владимира Яковлева, который был ее мотором и центром... Группы стали находить друг друга, общаться. Но музыкантов среди их членов не было.

Выискивая прерванные традиции того, что мы называем авангардом — в европейском его понимании, — эти группы страдали от неосведомленности. Ограниченность присутствовала в силу незнания европейской ситуации! Кроме того, все мы чувствовали потребность в том, чтобы над нами возвышался некий абсолютный вкус — «абсолют» в кантианском выражении. Такой личности в нашем кругу не было (быть может, по таланту были, но по универсальности — нет) до появления Волконского. Его скальпельный ум сочетался с очень глубоким чувством человечности и высокой одухотворенностью. Он нас просто, так сказать, чистил. Помню, мне было достаточно, чтоб он сказал: «Это слово мне не нравится» для того, чтобы переделывать то или иное место в моих стихах. Он поражал всех прямоотой и честностью в искусстве, а также необыкновенным артистизмом.

Корр.: Действительно ли Андрей Волконский — княжеского происхождения?

Г. А.: Он прямой рюрикович, его род ведет происхождение от Владимира Красно Солнышко. Но сам Андрей терпеть не может всех этих разговоров. Однако это не значит, что он не чувствует за собой громадный «капитал» рода.

В 1946 году Волконские приехали из Югославии, года два ими никто не интересовался. Наконец, по знакомству они передали письмо Сталину. Они спрашивали, как им уладить свою жизнь. Сталин спросил: «А где было их поместье до революции?» Узнав, что под Тамбовом, сказал: «Ну вот пусть и едут в Тамбов». Так что Андрей учился в Тамбовском музучилище. Там он стал такое вытворять! Играл Прокофьева, Шостаковича, толкал какие-то невообразимые музыкальные идеи. Училище он не закончил, как позднее не закончил и Московскую консерваторию... Учился в Консерватории, схватывал все на лету и, как это часто бывает с такими людьми, не особенно регулярно посещал занятия. (Своим настоящим учителем он считал Ф. М. Гершковича.) В это же время он в течение двух лет тщательно посещал Московский университет, занимаясь математикой. Он был увлечен этим до такой степени, что перед ним стояла дилемма: музыка или математика.

Он снабжал нас материалами по Клее, Мондриану, доставал великолепные альбомы, словари. И первую «домашнюю выставку» Крапивницкого устроил тоже он. Часами мог переводить поэзию — просто для друзей. У меня сохранились кипы подстрочников Апполинера и Рене Шара, которые он писал для того, чтобы ознакомить нас с неизвестной поэзией. Во всех устремлениях московских поэтов и художников конца 50-х — начала 60-х годов главной личностью, объединявшей всех и расширявшей горизонты, был именно Андрей. В этом смысле — для меня нет сомнений — он сыграл историческую роль в нашей культуре.

Корр.: А если говорить непосредственно о музыке?

Г. А.: В 1962 году «Сюиту зеркал» на премьере исполнили дважды. Я думаю, что это был день зарождения новейшей рус-

ской музыки. Ему чуждо абстрактное комбинирование звуков. В этом проявляется его русскость — все более и более, особенно в последнее десятилетие.

С Волконского же началось практическое вхождение в нашу культуру неизвестных пластов — старинной и современной музыки — Джезуальдо, Шёнберга, Веберна... Когда с большими трудностями удалось организовать ансамбль «Мадригал», он был очень счастлив. Как одержимый работал в библиотеках... То, чем сейчас живет «Мадригал», во многом заложено им. «Мадригал» должен бы носить его имя...

А вот дальше все мы были свидетелями, как его изводили с этим «Мадригалом». Прежде всего он просил платить не твердые оклады исполнителям, а гонорары за фактически спетые концерты. Сколько это обсуждали, изводили справками! Так помыкать композитором, у которого и так масса работы...

Они стали мотаться по всей России. И однажды в разговоре он сказал: «А знаешь, мне очень нравится нести культуру в массы. Это звучит, как в газетах, а я серьезно говорю, мне это очень нравится». Корр.: Как складывается его судьба сейчас?

Г. А.: Это превосходный органист, клавишник и пианист, со своими принципами исполнительства. Я был у него во Франции. Зашел в Нотр-Дам и понял, что могу сравнить эстетическое впечатление от его знаменитых витражей с впечатлением от личности Волконского. Изысканность, лаконичность, грациозность — именно эти черты французского искусства присущи Андрею. Не случайно его любимые художники — Мондриан, Клее...

Он уехал в 1973 году. Недавно мы встретились в Париже, и я увидел зрелого, мудрого человека. Сейчас он заведует Белявским фондом, помогает русским музыкантам, русской культуре. Сам девиз Фонда — «помогать русским музыкантам, где бы они ни находились», — отвечает его стремлениям. Эта работа ему очень нравится, и главное в ней — утверждение нравственных принципов музыки и музыкального образования.

Сейчас он живет в Экс-ан-Провансе, на юге Франции, он автономен, этот фантастический бродяга...

Записала В. АДАМЕНКО

Примечания:

Кьеркегор Серен (1813—1855) — датский философ, в 20-х годах оказал влияние на развитие экзистенциализма и теологии.

Клее Пауль (1879—1940) — швейцарский живописец и график, один из лидеров экспрессионизма.

Мондриан Пит (1872—1914) — нидерландский живописец, один из представителей абстракционизма в живописи.

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ АРБАТ

Для одних — «офонаревший», «покрытый туалетной плиткой», похожий на сотни иностранных улиц.

Для других — дом родной, гульбище, ярмарка, поприще... Это для москвичей. А приезжий человек, конечно, не может не удивиться, попав сюда.

...Шумный, говорливый, певучий Арбат — если и не потрясает, то волнует несомненно... Старый Арбат мне приглянулся. Я ходил туда очень часто. Иногда два раза в день: днем и вечером...

Одухотворяет эту странно-театральную улицу без тротуаров именно звук. Песни бардов. Диксиленд. Поэты, рекламирующие свои развешанные на заборах (рубль лист, «сборник» — со скидкой) стихи. Степенный Константин Михайлович Белов, с негромкими пояснениями продающий свою книжку рассказов, изданную им на собственные деньги. Гармони, баяны, аккордеоны, гитары... Да и просто звуки: шарканье тысяч ног, смех, шуршание бумаги — все, от чего мы почти отвыкли в сумасшедшем грохоте опоясанного давно уже не Садовым, а газо-шумовым кольцом нашего города. Вслед за живописцами всех мастей Арбат начинают обживать музыканты и поэты (что бы ни писали об этом молодежные журналы, падкие на душераздирающие истории с запретами, разгонами, драками и т. п.). И возрождаются давно забытые формы уличного искусства.

...Вот ребята у театра Вахтангова, только что оравшие «Мы требуем перемен!» В. Цоя, — разыгрывают в лицах самодельные частушки. Народу кругом — тьма! Залезают на бетонные «клубы-горшки», приминая высаженные к зиме елочки. Взрыв хохота. Низовая культура вольно плещется у подножья многоэтажной громады Министерства культуры СССР.

...Человек по имени Николай — в свитере, на голове вязаная шапочка с бантиками, на груди желтые бусы — жонглирует мячиками и булавами и поет высоким тенором лирические песни советских композиторов. Не обращая внимания на равнодушные прохожих. Ему хорошо. И весело.

...Одинокий, озябший мужичок, у ног — огромная картонная коробка. Отоварившийся в здешних гастрономах приезжий? Может быть. Важно, что здесь он запел. Запел бесконечную русскую песню с традиционным страдальным напевом и злободневным текстом. Экология — тема века. Но он поет про свои родные края. Непривыкшие к долгим крестьянским песням, люди, прослушав 10—12 куплетов, расходятся — а он все поет и поет...

...И теперь у нас не стало Ни малины, ни грибов, Ни брусники, ни черники, Вот уже как «эн» годов...

А на другом конце улицы, ближе к Смоленской площади, толстая тетка с аккордеоном зычно запевает: «Если завтра война, если завтра в поход...» Вокруг — тоже кольцо людей. Некоторые яростно подпевают, отмахивая руками такт...

Сколько здесь всякого интересного! И не только здесь, на Арбате. В Москве, Ленинграде, Свердловске, Новгороде, Горьком — да везде сегодня существует и развивается уличная художественная жизнь. Существует вопреки всяческим инструкциям, планам и программам эстетического воспитания населения.

Так не пора ли нам, музыкантам-профессионалам, повнимательнее посмотреть вокруг? И не просто «изучать жизнь народа», а подумать, как и с чем включиться в нее?..

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

Я ученик 10 класса. Недавно у нас в школе был день самоуправления. Пришлось проводить уроки музыки в 6 классах. Тут я столкнулся со множеством проблем. Во-первых, я не умею играть ни на одном инструменте... Впрочем, их и не было — инструментов. Голос у меня тоже не ангельский. Я долго думал и решил провести урок по-своему. Ход моих мыслей примерно такой. В школе ученикам пытаются сразу «вдолбить» то, до чего люди сами ходят годами. Я имею в виду стремление учителя привить любовь к классической музыке. Иногда учитель достигает своей цели, но эти случаи единичны. В некоторых школах, правда, не делают упор на классику. Там поют разные песенки, преимущественно старые, забытые. Обычно это песни, не пользующиеся популярностью у молодежи. Между тем шестиклассники в большинстве своем увлекаются поп-музыкой. Есть даже «дискоманы», не признающие ничего, кроме «диско».

Я решил познакомить ребят с поп-музыкой в самом широком смысле этого слова. Подготовил записи разных певцов от рэга до арт-рока. Принес на урок свой магнитофон. Рассказывал им о разных стилях в рок-музыке и «прокручивал» записи групп, играющих и поющих в этих стилях. Я рассказывал им историю рок-музыки. Им было очень интересно, и 45 минут пролетели незаметно.

Теперь мои конкретные предложения, если к ним кто-нибудь прислушается. По поводу проведения уроков музыки. Необходимо, чтобы программа включала в себя ознакомительный курс по основным направлениям, течениям поп-музыки, а также и рок-музыке. Необходимо повышать культурный уровень населения и быть ближе к современности. И тогда мы не будем разделять молодежь на шесть категорий: панки, металлисты, рокеры, проститутки, наркоманы и делегаты 20-го съезда ВЛКСМ.

Немного о себе. Хочу описать эволюцию моих убеждений в музыке. Я был «диско-маном», металлистом, любил хард-рок, рок-н-ролл и, наконец, арт-рок и симфо-рок. Последние максимально приближены к классике, то есть созданы на базе классики. Все эти мои увлечения менялись не под влиянием моды или каких-либо других причин. Просто каждое увлечение постепенно отмирало во мне. Поп- или иной стиль музыки становился мне безразличен. Ну вот и все.

А. АКИМОВ
Алтайский край

НАША ШКОЛА ЗНАКОМСТВ

Пишу вам и немного волнуюсь. Дело в том, что благодаря вашему журналу я познакомилась с замечательными музыкантами: Пудовочкиным Э. В. из Белгорода и Курбатовым Е. В. из Серпухова.

Большое Вам спасибо!

Немного о себе: я, Сафонова Капитолина Леонидовна, живу и работаю на Урале, в г. Серове. Закончила Краснотурьинское музыкальное училище по классу аккордеона. И вот уже почти шесть лет учу детей на народных инструментах в оркестровой студии «Гармоника» Дворца культуры и техники металлургов, а три года дирижирую оркестром баянистов.

На протяжении этих лет я постоянно искала в преподавании что-то новое, думала, как изменить скучный метод работы в музыкальных школах.

И вот летом 1987 года я прочитала в № 5 вашего журнала о работе Эдуарда Васильевича. Всю ночь я не могла заснуть, вчитывалась в статью, рассматривала фотографии. Мне очень захотелось познакомиться с Эдуардом Васильевичем. В конце лета я написала письмо в Белгород. И скоро получила ответ и даже методику. И мы с Эдуардом Васильевичем стали переписываться. Мне захотелось создать свой детский ансамбль баянистов и аккордеонистов (мой оркестр — «Гармоника» — взрослый, в его составе выпускники нашей студии, ДМШ и любители).

Методику Эдуарда Васильевича я изучила очень быстро. Кое-что переделала, так как у нас своя посадка, постановка руки и свой репертуар. Все было ясно. Можно было начинать работу и с малышами. Но меня волновал вопрос: как убедить родителей, чтобы они постоянно присутствовали на занятиях?

И вот, в ноябре 1988 года я буквально «выбила» командировку в Белгород. Эдуард Васильевич встретил нас с мужем, как самых дорогих и близких людей. Мы были на его занятиях. Я видела, с каким увлечением идут к нему дети в то время, когда в ДМШ недобор. И самое главное, что нужно было мне, я увидела, как он общается с родителями на занятиях.

Как-то нечаянно Эдуард Васильевич обронил, что он не верит, что я, такая молодая, буду заниматься этой работой. Ведь у меня двое маленьких детей и еще нужно время следить за своей внешностью. Вот тут и был толчок, в меня вселилась уверенность, что я смогу!

Вернулась в Серов. Меня внимательно выслушали и... запретили набирать такую группу малышей, потому что больше положенного мне платить не могут. Пришлось отказаться от денег, которые я получала за руководство нашей студией.

Написала статью в местную газету, стала ждать первых желающих. Пришло человек 15. Далее я пошла в детсад и пригласила ребят из группы моего сына. Сейчас у меня 25 человек (6—7 лет). Начала заниматься с группой 15 февраля, очень волновалась перед началом первого урока: за детьми — сидели родители. Некоторые с интересом, некоторые пришли просто посмотреть, а кое-кто с недоверием.

Волнение постепенно исчезло, а появилось удовлетворение от общения с детьми. Вы не представляете, какое вдохновение от этих широко раскрытых глаз детей.

После каждого занятия ужасно устаю, потому что вся выкладываюсь, но чувствую себя окрыленной. Мои дети тоже ходят в эту группу. Муж верит в мои силы, часто бывает на занятиях. А вот некоторые педагоги нашей студии в недоумении: зачем столько сил и энергии отдавать работе, когда спокойно сидя за столом, слушая ученика, можно получить эти 0,5 ставки.

Очень жаль, что они не хотят понять меня.

У меня сложился свой родительский коллектив, который мне помогает. Мы поздравляем каждого ребенка с днем рождения, вместе ходим на концерты.

К Новому году я получила от Эдуарда Васильевича открытку с поздравлением и небольшим укором, что я не пишу, хотя обещала поддерживать творческую переписку. Но у меня была цель: не писать, пока не создам свою группу.

И вот совсем недавно я описала ему свою работу, проведенную после возвращения домой. Очень надеюсь, что мы еще обязательно встретимся с Эдуардом Васильевичем.

С уважением
Капитолина САФОНОВА

ОТ ДУШИ К ДУШЕ

В одном из материалов «Музыкального клуба» затронута важная тема о народной песне: почему перестали ее петь и почему не всегда любят слушать. Хор Пятницкого и другие хоры, действительно, не слушают — это я с полным правом могу сказать о себе и своих друзьях. Почему не слушают, вот тут стоит задуматься. Я думаю, потому, что нет к ним никакого доверия. Мое поколение нынешних сорокалетних росло в неприятии всего официального, и искусства в том числе. Мы пели Визбора, Окуджаву, Галича, слушали записи Лещенко и Вертинского. Мы познакомилась с русским и цыганским романсом благодаря певцам-эмигрантам — и большое им за это спасибо. Когда Борис Рубашкин и Алла Баянова давали свои концерты в Москве и Ленинграде, они были искренне удивлены, что их принимают, как давно знакомых,

что на концертах очень много молодежи и именно молодежь заставляет их еще и еще раз повторять «Однозвучно звенит колокольчик», «Казачок» и другие народные песни и романсы. Их записи были известны давно и пользовались большой популярностью во многих компаниях. И я думаю, что мы, поколение родителей, и молодежь правы, предпочитая их исполнение. Они перенимали манеру исполнения от эмигрантов первого поколения, для которых песня была не просто словами. Надо только себе представить, чем была для них песня! Но ведь только так и может сохраниться душа песни — если передается от человека к человеку, как говорится, «снимается с уст».

Наши же государственные хоры исполняют отредактированные, отцензурованные, прошедшие «госприемку» песни. Нет, не лежит к ним душа.

Л. А., инженер,
Москва

ФОЛЬКЛОР НА УРОКАХ МУЗЫКИ

Все острее встает национальный вопрос, поэтому все настойчивее раздается требование о необходимости изучения музыкального наследия народов нашей страны. Ведь музыкальный язык — по природе своей интернациональный язык, язык чувств, переживаний, он не нуждается в переводе.

Жизнь показывает, что многие прекрасные обычаи старины нужны нам и сегодня; они не только украшают нашу жизнь, делая ее интересней, веселее, но и духовно обогащают ее, учат детей добру, уважительному отношению друг к другу, обладают огромным воспитательным потенциалом. Поэтому искусственный отрыв людей (и взрослых, и детей) от культуры (выкристаллизованной веками), которую они впитали с молоком матери, приводит к духовному «одичанию». Это первое. И второе: если обратиться к классической музыке, то ее создатели — композиторы в своем большинстве опирались на народную музыку, на народные традиции, на интонации народных песен. Как же можно до конца понять и прочувствовать классику, не зная истоков народного музыкального богатства?

Значит, школа должна повернуться к фольклору. Прекрасно, что у детей 80-х годов есть возможность обучаться по программе Кабалева, жаль, что на этот предмет отводится среди школьных дисциплин так мало часов.

В своей программе Кабалева много внимания уделил народной музыке, а весь тематический материал 3-го класса посвящен не только музыке народов

СССР, но и музыке народов мира, что говорит о важности поднятой темы. И тем не менее программа должна быть изменена. Фольклор должен быть выделен в отдельный предмет. Должны быть продуманы формы преподавания этого предмета.

Сейчас много говорят о семейной преемственности, но нигде она так не прослеживается, как в музыке. Дома детям поют колыбельные, они слышат народные песни, видят народные танцы — и это естественная среда народа, так почему же у нас нет предмета, изучающего культурное наследие, на каких принципах оно строилось и какие цели преследует? А потом удивляются, что молодежь бездуховна, что для нее нет ничего святого... А кто им привил эти святые корни?

В своей работе я стараюсь заполнить этот вакуум, насколько мне позволяют это делать реальные возможности, так как нет настоящих национальных инструментов, да и у школы зачастую нет средств их приобрести. Большие трудности с приобретением костюмов, хотя бы по одному от каждой национальности, острая нехватка соответствующей литературы. А как можно разыгрывать обрядовые сцены, этнографические картинки из жизни народов, когда не имеешь элементарного под рукой?..

Работая в школе № 102 классным руководителем, как сейчас говорят, неблагополучного класса, я предложила ребятам создать фольклорный ансамбль «Родничок». Дел нашлось каждому — кто играл на музыкальных инструментах — лудках, ложках, бубнах, гармошке, кто плясал, кто пел, реквизит делали все вместе. После раздумий и обсуждений решили разыграть сценку «Ярмарка». Для этого даже kota дрессировали. Работа настолько всех увлекла, что встречались каждый день, но и при такой интенсивности занятий успеваемость не только не понизилась, а намного улучшилась, о правонарушениях вообще забыли. Потом были концерты, выступления перед родителями, перед учащимися, перед шефами, заняли II место по городу в «Фестивале искусств». Фольклор объединил всех — и очень музыкальных и не очень, всем принес радость, надо было видеть, с каким удовольствием дети русской национальности пели и отплясывали русские народные песни, рассказывали прибаутки, играли скоморошьи игры...

Жизнь распорядилась так, что я перешла в другую школу и здесь тоже создала фольклорный ансамбль, но он подбирался по-другому — я приглашала детей с музыкальными данными, хотя и разного возраста. Конечно, при таком подходе творческие успехи пришли раньше и исполнительские достижения выше. Мы сейчас уже не только поем народные песни с подголосками, двухголосием и канонами, знакомимся с элементами народных танцев, но и приобретаем навыки наречий, изучаем обряды и культуру тех переселенцев, которые пришли к нам в Башкирию после воссоединения России и Башкирии из Вятской, Владимирской, Рязанской губерний. Конечно, это

нелегко дается, но сколько радости у ребят от сделанных открытий.

На уроках музыки я с ребятами пою народные песни. И для них целое открытие, когда, сравнивая, приходят к выводу, что распевные русские народные песни и башкирские узун-кой, а также русские народные песни шуточного характера и башкирские кыска-кой имеют одинаковое жизненное содержание, так, значит, горе и радость люди любой национальности переживают одинаково! Такой вывод всех роднит, но еще мне бы очень хотелось дать возможность каждому ребенку подыграть песню на народном инструменте: башкирскую на кубызе, русскую — на ложках, бубнах, трещетках (они ведь не настолько сложные в обращении), чтобы наши дети до конца смогли прочувствовать свои национальные корни и все вместе понять, что культурное наследие любого народа посвоему красиво, самобытно, неповторимо, поэтому к нему нужно относиться очень бережно.

Так давайте же, наконец, товарищи взрослые, мамы и папы, дедушки и бабушки и все те, от кого это зависит, позволим нашим детям чаще встречаться с прекрасной народной мудростью, то есть фольклором, так как духовно богатая музыка и чувства такие же воспитывает.

Любовь ХАРИТОНЮК,
учитель средней школы № 104
г. Уфа

С. ВАРЫХАНОВ, студент МГУ

МОЯ «МАШИНА ВРЕМЕНИ»

Рисунок Александра Иосифова

Двадцать лет исполнилось «Машине времени». Я не знаком ни с одним из музыкантов группы, не знаю толком основных ступеней творческого пути, побывал всего на трех-четыре концертах, при этом ухитрился прохлопать ушами даже нашумевший юбилейный. Знаю только, что руководитель и автор почти всех песен «Машины времени» Андрей Макаревич старше меня на 11 лет и что состав группы периодически менялся. Мне «Машина времени» знакома по нескольким пластинкам, двум весьма посредственным фильмам да по бесчисленным километрам магнитной ленты с записями песен группы. Записи были, как правило, плохие.

Песни Макаревича вошли в мою жизнь 10 лет назад, мне тогда было 15 лет. Преодолимпийские годы, апогей брежнев-

ской эпохи, провинциальный город, где жизнь, казалось, движется с черепашьей скоростью, в полусне. Ох, до чего же он был противен, этот окружающий мир! Тот самый, который в 15 лет должен очаровывать и опьянять. Мои сверстники жадно впитывали плоды «тамошних» вершин рок-культуры, мы были уже достаточно взрослыми и иронизировали по поводу «Бони М» и прочей дискотни. Слушали «Дип-Пёрпл», «Лед Зепелин», «Урия Хип», «Пинк Флойд». Но вот пророков от слова «рок» в отечестве своем, увы, не находили. С телеэкрана, из радиоприемников мутным потоком лилась река частушек на любовно-комсомодские темы неисчислимых песняров, поющих сердец и других самоцветов.

Тишину фанфарного безмолвия взорвал непрофессиональный по европейским стандартам голос Андрея Макаревича. Это было удивительно! Это был пусть не очень обка-

танный, но все же свой Рок на родном языке.

Я видел, как в комнату, не знавшую тревог, ворвался ветер. Он поднял со стола листы бумаги,

и, поверьте, превратил их в белых птиц. И это было словно избавление: я понял, что мой труд смешон и мал, как миг, Я бросил все и стал самим собой. Быть самим собой отныне стало самоцен-

ным. Эта тема, тема личности, пронизывает всю нашу рок-культуру. Декларировать самоценность «человеческого фактора» сегодня — это значит повторяться, изобретать велосипед. Но в эпоху, когда трудящиеся шествовали стройными колоннами и каждому из нас еще до рождения была уготовлена почетная обязанность идти в едином строю, декларация самоценности «я» наталкивала на долгие и долгие размышления.

Мое поколение повзрослело на рубеже 80-х. Люди, для которых в свое время стали открытием песни Окуджавы и Высоцкого, были уже чуть ли не нашими родителями. В свои 14—16 лет большинство моих сверстников слушало рок. Феномен популярности «Машины» отчасти объясним тем, что поэзия Макаревича получила в наследство от площадной поэзии и авторской песни 60-х функцию единственной в своем роде трибуны для высказывания нестандартных истин. Лиризм и «философичность» бардов помножьте на темперамент рок-музыкантов, при этом имея в виду отвратительное качество самодельной аппаратуры и поистине антисанитарные условия, в коих приходилось работать всем доморощенным рок-звездам, включая «Машины». Так или иначе, но именно Макаревич заложил в самом начале эпохи отечественного рока один из его краеугольных камней — серьезное отношение к текстам.

«Машина времени» получила широкую, всесоюзную популярность в конце 70-х, когда мнимые общественные идеалы рухнули окончательно и повсеместно. «Жить в стране недопетых стихов, ненаписанных книг» становилось все невыносимее. Бунтовать в открытую решались единицы, но хранители дамочлова меча не дремали, и об этих единицах знали тоже единицы. Именно в таком социально-культурном контексте у молодежи возникла острая потребность в грустном мечтателе с гитарой наперевес. Он должен был спеть то, о чем молодежь грустила.

Те, кому сейчас двадцать пять, меня поймут. Вспомните, вместе с песнями Макаревича мы получили право грустить. Я помню, как чертыхался в разговоре со мной журналист из местной газеты: «Машина времени»? Тоже мне, герои нашлись! Ныть научили молодежь, вот и вся от них польза».

...Были ли песни «Машины» социальными? Да, отчасти. Но больше в намеках, подстрочно. Это позже, уже в 80-х, рок-музыкант разорвет на груди рубашку и заклеит всех поименно. Но это будет совсем другое время.

Бичевал ли Макаревич нравы? Вспомним знаменитых персонажей «Машины»: кукол-

марионеток, разыгрывающих нечто похожее на жизнь по мановению невидимой руки, к пальцам которой они привязаны нитками. Вспомним, как, став предметом престижа людей, их покинула Синяя Птица, спасаясь от капканов и ловушек. Вспомним героя, справляющего день рождения в кругу людей, интересы которых замыкаются на «дисках и джинсах». Разве это не выстрел в мешанина?

На самое ценное, на мой взгляд, в творчестве Макаревича — лирика. Грустное время рождает грустные песни. Пессимизм, трагизм, обреченность песен «Машины времени» — все это ложилось на, увы, благодатную почву и моментально подхватывалось.

Как много дней ты провел среди друзей, пока не понял, что ты совсем один? И сколько ты искал путей к мечте своей, пока не понял, что дороги не найти? И сколько дней ты ждал любви своей, Пока не понял, что такой на свете нет? Скажи, с какого дня

ты стал обманывать себя, и дай мне, дай мне, дай мне ответ! Тяжкая доля борца-одиночки в тумане безвременья описана в четырех строках: Полный штиль, как тряпки паруса, И вода, как мертвая, не дышит. Я молюсь, чтоб каплю ветра мне послали небеса,

В небесах меня никто не слышит. И хоть ты разбейся, но несправедливый мир тебе не уступит:

Ты стал бунтарем, и дрогнула тьма, Весь мир ты хотел изменить, Но всех бунтарей ожидает тюрьма, Кого ты хотел удивить!

Можно лишь разбить в кровь кулаки, когда стучишься в двери, где еще вчера тебя, казалось ждали:

Но вот уже годы минутами стали, И мы понемногу стучаться устали, И скоро зима эту землю укроет, Никто не услышит, никто не откроет...

Так стоит ли жить вообще, коли наша реальность так беспросветна? Я, как и многие тысячи тех, что не чувствовали себя «в строю», встал под флаги «Машины времени» из-за того, что песни этой группы давали право не только выть на луну, но и надеяться. Мир безумей, но у человека было, есть и будет святое его предназначение — биться за свой идеалы и надеяться на победу:

...И как трудно стерпеть и сберечь все цветы,

И сквозь холод и мрак Поднимать на мачте мечты Свой единственный флаг.

Путь этот усыпан не розами, а терниями, но твоя обязанность человеческая в том, чтобы идти своим путем, пока не покидают силы,

пока не меркнет свет, пока горит свеча.

Примерно так воспитывал свою «паству» Макаревич. Сейчас, когда прошли годы после того, как популярность «Машины времени» достигла апогея, когда с болью приходится выслушивать снобистские пересуды о том, что песни Макаревича пелись во всех кабаках и пьяных подворотнях, я все время задумываюсь над тем, какие законы управляют нашим музыкальным рынком. И почему наши звезды не горят долго и равномерно, как западные, а загораются с невиданной силой и меркнут.

Наверное, потому что любое крупное явление в искусстве обречено сверкать с фантастической силой только в определенном духовном контексте, который меняется иной раз очень и очень скоропостижно.

Наверное, еще и потому, что в молодежной субкультуре поколения меняются очень скоро. И всякая новая генерация в роке заявляет о себе еще и тем, что сбрасывает с престола прежних королей и принцев.

Размышляя над этим, я всякий раз задаю вопросом, а не лучше ли было бы Макаревичу «красиво уйти» в момент своего невиданного взлета на рубеже 80-х? И всякий раз прихожу к выводу, что нет и еще раз нет. Ведь уже после своего апогея группой написано столько хороших песен! Макаревич записал прекрасный сольный альбом, «Мелодия» расщедрилась и выбросила на прилавки музыкальных магазинов двойной альбом «Мосты и реки», и вот-вот выйдет новый. На концертах по-прежнему пустых кресел не бывает. Для меня сегодня «Машина времени» — не просто группа, забывшая несколько первых гвоздей в нашей рок-культуре. Не просто память витавших в воздухе 70-х годов умонастроенный. Это группа, которая вне зависимости от степени популярности интересна и притягательна. Мой интерес к «Машине времени» — не только ностальгия по ушедшей юности, это обычный здоровый интерес к яркому явлению в роке. Думаю, что поклонники «Машины» будут со мной солидарны.

Андрей Макаревич Песни разных лет

* * *

Я снова жду осенних холодов,
Мне кажется, они уже подули,
И осень начинается в июле
внезапным увяданием садов,
Мы не заметим, как нас обманули,
ослепшие в пещерах городов.
И снова путь по замкнутой прямой,
по той, что обладает свойством круга,
Не торопясь, все дальше друг от друга,
и вот уже не слышен голос мой,
И кажется, нас разделяет вьюга,
и никому не даст попасть домой.
И что на крик никто не обернется,
и раненым не принесут воды,
От этого вода уйдет на дно колодца,
уйдет как предвещение беды,
Уйдет на дно и больше не вернется.

Я снова семилетний человек,
один в холодном поле на рассвете,
И по колено долгий-долгий снег,
а мне твердят о наступившем лете,
Цветении садов, разливах рек,
но долгая зима на белом свете...

* * *

Я раскрасил свой дом в самый
праздничный цвет,
Написал на небе своем бесконечный
рассвет.

Мне на весь этот мир было красок
не жаль,
Я любил, искал и творил, и забыл про
печаль.
Но случилась беда в ярком мире моем,
И все краски, что выдумал я, были смыты
дождем,
Мир не долго страдал после этой беды,
И лишь только ветер небо качал в круге
чистой воды.

* * *

Я хотел прошагать сто дорог, а прошел
пятьдесят,
Я хотел переплыть пять морей,
переплыл лишь одно,
Я хотел отыскать берег тот, где
задумчивый сад,
Но вода не пускала и только тянула
на дно.

Я хотел посадить сто деревьев в
пустынном краю,
Я пришел в этот край, только ветер унес
семена,
И из сотни дверей так хотел отыскать
я свою,
И как будто нашел, но за ней оказалась
стена.

Так хотел я постичь этот мир, и, увы, не
постиг,
Но не зря это горькое счастье мне богом
дано:
Жить в стране недопетых стихов,
ненаписанных книг,
И из тысяч несказанных слов вам сказать
хоть одно.

* * *

По морю плавать — не по суше гулять,
Но всех нас манит водная гладь,
И вот в результате дела и слова
Новое судно почти готово,
Там и мачты и ванты и даже флаг,
А судно из гавани ни на шаг.
Резонно заметив, что все это странно,
Решила команда сменить капитана,
Сказано — сделано, прошлому бой,
И вот у штурвала капитан другой,
Он и молод, и красив, и совсем не дурак,
А только судно из гавани ни на шаг.

Резонно заметив, что что-то неладно,
Решил капитан, что виновата команда,
Новая метла чисто метет,
И тысяча матросов получила расчет,
И новая команда подымает флаг,
А судно из гавани ни на шаг.
Резонно заметив, что что-то неверно,
Решили, что судно покрашено скверно,
Художнику дали задание, он
Все перекрасил в праздничный тон,
Метался, старался, устал как ишак,
А судно из гавани ни на шаг.

По морю плавать — не по суше гулять,
Сели думать над причиной опять,
А было дело по той причине:
Все забыли, что паруса нет в помине,
Без паруса никак не объехать мир,
Поможет или чудо или буксир.

ОТЕЦ И СЫН

Сурен Оганесович и Спартак Сурунович Газаряны

ПИСЬМО ТВАРДОВСКОГО

При всем обилии нынешнего потока мемуарных книг, повествующих о преступлениях сталинизма, книга, о которой мы расскажем сегодня, оказалась как-то в тени. Лично я не читал о ней ни одной рецензии. Встречал лишь скромное упоминание в одной из статей (кажется, Т. Ивановой). Не слышать пока и того, чтобы эту книгу кто-то собирался выпускать отдельным изданием. А жаль! По характеру материала, своеобразию его подачи, а главное — по обаянию личности главного героя, это одна из самых ярких и интересных книг подобного рода. Я имею в виду «документальное повествование» Сурена Газаряна «Это не должно повториться», опубликованное в двух первых номерах журнала «Звезда» за 1989 год.

Книга эта написана не сегодня. Он могла увидеть свет еще в 1965 году. Были вполне благожелательные внутренние рецензии, одобрявшие книгу и с историко-партийной, и с литературной стороны. Но в 1965 году выходу книги помешала какая-то техническая причина — чуть ли не нехватка бумаги, а уже в следующем году — накануне 50-летия Октября — политическая погода в стране изменилась настолько, что издание подобной вещи оказалось уже неуместным...

И как раз в это время книгу (а вернее, рукопись) Газаряна прочел Александр Твардовский — главный редактор лучшего литературного журнала тех лет. На его служебном столе побывало много замечательных книг, но они не смогли обесцветить достоинств талантливой газаряновской рукописи. Чрезвычайно скупой на литературные похвалы, А. Т. Твардовский писал автору: «...Я затруднился бы сравнить с Вашими записками что-нибудь из прочитанного ранее. Глубокая правдивость при

сдержанности, исключаяющей какое-либо нагнетение страшных вещей, стремление поразить читателя (такое стремление можно было бы понять: человек прошел бог весть через какие испытания, и ему кажется, что это еще не производит достаточного впечатления на не испытавших ничего подобного, и невольно сгущает краски...).

И замечательно, что Вы, по-видимому, человек, необычайно сильный духом, способный вынести жуткие пытки, но не совершить хотя бы и вынужденного бесчестия, в то же время отнюдь не ридитесь в тогу классического героя, защищенного от страданий душевных и телесных броней условности, и предстаете перед читателем как равный ему, читателю, человек, которому по-человечески может быть и больно, и страшно и горько, и мучительно одиноко. В этом смысле особенно сильны главы, описывающие периоды допросов и позднейшего одиночного заключения. Отсюда — безоговорочное доверие читателя ко всему, о чем Вы повествуете, и та высокая мера воздействия книги на читателя, когда он вместе с автором — героем книги — как бы самолично проходит через все, что тому досталось пережить.

Мне незачем, думается, объяснять Вам, что об опубликовании Ваших записок сегодня не может быть речи, но я ни на минуту не сомневаюсь, что они, подобно некоторым другим работам, непременно увидят свет и послужат делу коммунизма, то есть воспитанию людей, особенно молодых, в человеческом смысле. Они, эти записки, несмотря на все тягостное и порой ужасающее, что в них содержится, не приводят к отчаянию, не угнетают безысходностью, но, наоборот, вооружают силой духа, волей, облагораживают».

В этих глубоко справедливых словах уже содержится достаточно объяснение того, почему мы пишем об этой книге в «Семье и школе». Но есть и еще причина, более деликатного свойства. Дело в том, что в

1963—1970 годах в нашем журнале работал сын Сурена Газаряна — Спартак Газарян, о котором немало говорится в книге (в год ареста отца ему было семь лет, а в год освобождения — семнадцать). Будучи талантливым редактором, он прошелся, как говорится, по тексту отцовской книги: убрал элементы сентиментальщины, удалил необязательные, затягивающие действие сцены, привел текст к единому стилистическому «знаменателю», — стало быть, похвалы Твардовского насчет сдержанности авторского тона относятся не только к отцу, но и к сыну. Заслуга сына есть и в том, что пишет Твардовский о литературной стороне книги: «Не могу не отметить, хотя при чтении рукописи не за этим следил и не этому придавал значение, что и со стороны совершенно литературной — записки совершенно незаурядное явление: чувство меры, точность и достоверность деталей, натуральность живой речи, ясность неусыпной мысли».

После сдержанных, но весомых похвал Твардовского трудно сказать что-то новое о достоинствах книги С. О. Газаряна. И все же попытаться стоит, ибо суждения писателя высказаны конспективно, почти без деталей. А в деталях-то все и дело.

ВСТРЕЧИ И СУДЬБЫ

Две особенности газаряновской книги делают ее уникальной. Прежде всего, на сей раз о преступлениях сталинщины пишет человек, находящийся *внутри* тогдашнего карательного механизма (накануне событий, описанных в книге, будущий ее автор занимал один из руководящих постов в ГПУ, а позднее НКВД Закавказья). Среди чекистов первого, «дзержинского» призыва, тысячи которых погибли в годы массового террора 30-х годов, было много талантливых людей, но остались в живых — единицы, а среди них не нашлось почти никого, кто дерзнул бы поведать о делах своего страшного ведомства (тем более — о делах внутрисюжных!). Слишком опасно было таким людям оставлять записки: человека могли уничтожить и за то, что «он слишком много знал»... И тем ценнее для нас свидетельства С. О. Газаряна.

Был риск и иного рода: в искренности одного из видных сотрудников НКВД, снискавшего себе столь мрачную славу, попросту могли *не поверить*. Сотрудница нашего журнала, только услышав о принадлежности автора к НКВД, воскликнула с благородным негодованием: «Но ведь он же знал, что творилось в его учреждении! Что же он выставляет себя героем?..»

Ну, во-первых, не выставляет, и это засвидетельствовано, как мы видели, самим Твардовским. Во-вторых, автор записок работал не в оперативном отделе НКВД, а в более «тихом» — экономическом. И наконец, как мы вскоре увидим, он показал себя таким простодушным человеком, что в своем ведомстве выглядел, наверное, белой вороной.

Короче, даже в то страшное время он ухитрился на порученном ему посту работать *честно*. Собственно, он и арестован-то был за то, что Берия припомнил ему его доброе дело: в 1933—1934 годах,

когда бериевцы из грузинского ГПУ со-
стрияли «дело» о вредительстве видных
грузинских ученых в сфере сельского хо-
зяйства, Газарян и его коллеги по ГПУ
(НКВД) Закавказья доказали, что это «де-
ло» было липой, и добились оправдания
узников.

Грузинский (а если шире — то закав-
казский) антураж — еще одна важная чер-
та газаряновской книги, делающая ее уни-
кальной: ее события и «персонажи» не
повторяют (или почти не повторяют) со-
бытий и «действующих лиц» других книг
подобного рода: Евгении Гинзбург, Льва
Разгона, Анатолия Жигулина и т. п. При-
чем это не всегда лица грузинско-армян-
ского круга. Десять лет заключения, отси-
женных «от звонка до звонка», свели ме-
муариста со многими замечательными
людьми на Соловках и в Орловской тюрьме,
в Соль-Илецке и в Тобольске, в Тюмени и
во Владимире. Ему довелось познакомиться
достаточно близко с Сергеем Алексееви-
чем Бессоновым — участником печально
известного троцкистско-бухаринского про-
цесса, с сыном знаменитого большевика
Ленина Г. И. Петровского Петром Гри-
горьевичем; с братом другого знаменитого
большевика Иваном Ивановичем Радчен-
ко... К слову сказать, Бессонов, Петро-
вский и Радченко обнаруживают наиболее
точное понимание происходящих событий,
превосходя в этом даже самого Газаряна.
Здесь-то и сказывается то свойство его ме-
муаров, которое отмечал Твардовский: ме-
муарист не старается показать себя умнее
и дальновиднее, чем был он в пору своего
заключения...

НОВЕЛЛА САМОЙ ЖИЗНИ

Но самая интересная встреча происходит
у Газаряна в главе, названной «Элли
Комарова» — по имени самой яркой героини
книги. Да и сама эта глава — несом-
ненно, лучшая здесь. Она художественна
без всяких скидок. Приходит на память
классическая «Шахматная новелла» Сте-
фана Цвейга.

...Предпоследней камерой в десятилет-
ней тюремной эпопее автора стала одиноч-
ка Владимирской тюрьмы. Попав сюда, он
почти сразу слышит стук из соседней ка-
меры. Сперва не рискнул отозваться: могла
быть и провокация, — но стук повторился...

Дальше и начинается эта новелла, соз-
данная самой жизнью. Соседи знакомятся,
описывают друг другу свою внешность и
свою жизнь, а при этом шутят, острят,
друг друга подначивают... И все это — без
слов, через перестукивание, — в этом свое-
образии и какая-то пронзающая душу ли-
ричность вещи.

Кстати, и здесь не обходится без шахмат:
«беседница» автора Элли Комарова, в
своей прошлой жизни — оперная певица,
выигрывает у своего соседа партию (разу-
меется, не глядя на доску) и добивается
исполнения своего каприза: заставляет ге-
роя побриться...

Так завязывается, может быть, самый
оригинальный роман в мире. Герои поздрав-
ляют друг друга с днем рождения,
обмениваются подарками, хитроумно пря-
ча их в туалете, куда их выводят (разу-
меется, порознь) «на opravку». (Впрочем,

эпизода с подарками нет в журнальном
тексте, но он был в рукописи, прочтенной
мною лет двадцать назад, — жаль, если он
не войдет в книжное издание.)

И совершенно особый лирический тон
придает этим сценам то, что влюбленным,
знающим друг о друге почти все (в этом
смысле бритье бороды у соседа было для
Элли *эримым* действием), так и не суждено
будет встретиться на свободе, даже погля-
деть друг на друга.

Жена погибшего «врага народа», быв-
шая узница Акмолинского лагеря жен из-
менников родины с экзотичным сокраще-
нием «АЛЖИР», выходит на волю раньше
своего соседа. Она успевает послать ему
несколько писем, наладить контакт с его
детьми, но в собственной семье терпит
крах: за время ее отсутствия дочь выхо-
дит за офицера, который, боясь за свою
карьеру, делает все, чтобы удалить из до-
ма «социально опасную» родственницу...
Переписка героев обрывается, и поскольку
жизнь не роман, мы так и не узнаём до-
стоверно, что же случилось с веселой и
остроумной Элли. Но, судя по тону ее по-
следних писем, можно предполагать самое
худшее...

«ПОДПИШИ, И ДЕЛО С КОНЦОМ»

Но обратимся к самым напряженным
страницам книги. Труднейшее испытание
состояло для ее автора в том, что допраши-
вали, а затем и пытали его люди, хорошо
ему знакомые. Притом у него были боль-
ные ноги и очень ненадежное сердце. И все
же он выдержал! Вынес и пошлые угова-
ривания, и провокации, и угрозы, и самые
жесткие избиения.

В тот роковой день следователь Айвазов
встретил его как друга. «Вот твой прото-
кол допроса, подпиши и иди спокойно
спать. Я даже согласен поужинать с тобой
вместе и отметить день рождения Майки
(в тот самый день дочери Сурана Оганесо-
вича исполнилось четыре года.— С. С).
Подпиши, и дело с концом.

— Нет. Я этого не сделаю никогда. Если
хочешь, чтобы я давал показания, то порви
это к черту, возьми бумагу, поставь мне
вопросы и точно запиши мои ответы, как это
полагается правилами следствия...

Айвазов засмеялся.

— Нет, ты совсем ненормальный. Пойми
же, правила, о которых ты говоришь, пере-
шли в область предания. Мы уже забыли о
них. Теперь у нас другие правила. Много
не разговаривай, возьми и подпиши...

— Я сказал, что подписывать ложь не
буду. Сказал и еще раз повторяю, что это
мое последнее слово.

— Ну что ж, пеняй на себя. Я этого не
хотел... — И приказал сидящему на диване
практиканту: — Позови ребят».

Все удивительно буднично, обыкновенно.
Не какой-то там изверг беседует с Газа-
ряном, а вполне свой человек, почти прия-
тель. Невозможно представить себе, что че-
рез каких-нибудь полстраницы начнется,
пожалуй, самая жестокая сцена книги.

«Бригада» пришла. Их было пять чело-
век. Первым вошел Яков Копецкий. Он
старый работник НКВД, мы хорошо знали
друг друга... За ним вошел Иван Айвазов,
брат Гургена Айвазова. Он тоже несколько

лет работ^{ал} в органах и хорошо знал меня.

...Пять человек ожесточенно били. Били
кулаками, ногами, розгами, туго скручен-
ными в жгут полотенцами, били чем по-
пало, куда попало: в голову, в лицо, в спи-
ну, в живот... Кто-то заметил, что у меня
больные ноги, и стали бить по ногам...

Вечером все повторилось снова. Впрочем,
применили и нечто иное: «смежду пальцами
вкладывали граненые карандаши, за одну
руку брался Копецкий, за другую — Иван
Айвазов, и по команде Копецкого «раз, два,
взяли!» сжимали... Сверхчеловеческое уси-
лие требовалось для того, чтобы не кричать.
Кусая губы, я терпел, и это больше всего
злило палачей.

— Долго ты будешь мучить нас? — орал
Копецкий».

И верно, измучились наши «труженики».
Даже «раз, два, взяли!» не помогло. А ведь
бороться-то им, собственно, не за что...

Рассказав нам эти, самые тяжкие эпизо-
ды из своей жизни, мемуарист размышляет:
сумел бы он выдержать, если бы пытки про-
должались дольше шести дней? Вынес бы
он, если бы ему иголки загоняли под
ногти? («Бригада» Копецкого проделывала
и такое.) Сам он не рискует ответить —
нет, верный своему принципу показывать
себя просто живым человеком, а никак не
героем. А вот я лично — верю, что пала-
чам не помогло бы и это. Почему? Попро-
бую объяснить.

Прежде всего, стойкость героя имела са-
мое надежное основание — нежелание уни-
зиться перед своими мерзкими палачами.
Слишком он презирал их, чтобы доставить
им такую радость.

Притом им двигало и чувство любви.
К своей жене, к детям — о них он не
забывал ни на минуту. И здесь он тоже
не мог позволить себе унижаться: помнил,
что они верят в его мужество.

И, наконец, не тот это был характер, что-
бы сдаваться и становиться на колени. Та-
кого человека можно уничтожить, но не
сломить. Говорю это с тем большей уве-
ренностью, что хорошо знал сына С. О. Га-
заряна — Спартака, в котором было много
отцовских черт. И главная из них —
это гордость. Чувство достоинства.

Теми же качествами отличалась, как
можно судить по этой правдивой книге, и
жена мемуариста — Люба. На единствен-
ном свидании, полученном ею вскоре после
перенесенных мужем пыток, она ни словом,
ни жестом не показала своего потрясения.
И этим спасла его. Но жить на свете после
этого она смогла недолго. Поручив обоим
своих детей заботам родственников, она
ушла из дому и не вернулась. Вскоре стало
известно, что она бросилась под поезд.
К счастью для ее супруга, узнал он об этом
уже после освобождения.

«ПОЙМИ ЖЕ, ЖИТЬ БУДЕШЬ!»

Что же спасло нашего героя от расстре-
ла? Беспрецедентная стойкость? Абсолютная
невинность, ясная всем? А может, его
полная искренность, граничащая с
наивностью? Или его находчивость, умение
даже на смехотворно коротком «суде» не
растеряться и сказать опешившим судьям и
прокурору, что он не только не признает
себя виновным, но, по сути, даже и не

допрошен?.. Может быть, что-то из этого, а может, и все понемногу, сыграло свою роль. Так или иначе, а из нескольких десятков людей, проходивших в тот день перед торопливыми служителями Фемиды (торопливыми настолько, что даже в минуты, официально подаваемые как «суд удалется на совещание», они в соседнем зале судят другую партию заключенных...), избежали расстрела только он и его сослуживец Леня Хвойник.

Впрочем, герой наш и тут не изменил себе. Выслушав монотонно зачитанный приговор («...к десяти годам тюремного заключения со строгой изоляцией, с поражением в правах на пять лет после отбытия наказания и с конфискацией имущества»), он не удержался, чтоб не воскликнуть:

— Что за несправедливость? За что?..

Но судьи уже исчезли: их ждала новая партия обреченных. А один из вахтеров не выдержал, схватил за руку этого беспримерного чудака «и сердито сказал по-армянски:

— Замолчи, слышишь? Голова у тебя на месте? Пойми же, жить будешь! Благодаря судьбе, жить будешь, понимаешь?»

По дороге в камеру тот же вахтер, которому вообще-то строжайше запрещено было разговаривать с заключенными, продолжал говорить: «Дай бог тебе долгие годы жизни. Важно пережить сегодня, а на срок плюнь. Важно то, что жить будешь... Ты счастливчик, сегодня второе твое рождение, ей-богу, правду говорю».

Хотя книга С. О. Газаряна вовсе не сочинялась по заказу поклонников соцреализма, в ней много «положительных героев», то бишь в данном случае просто хороших людей, в том числе и во вражеском стане. На его первом допросе присутствует практикант, искренне сочувствующий ему и, потихоньку от следователя, продолжающий называть его «товарищем». Теперь вот встречаем добродушного вахтера. И буквально на той же странице слышим дружеское напутствие дежурного коменданта Тестова: «— Я не знаю, как выразить вам свою радость, товарищи... Вы редкие счастливы, которых после суда отправляют в тюрьму. Я сердечно желаю вам здоровья и всего-всего хорошего».

Такие случаи крайне редки в книгах подобного рода, — в этом особенность газаряновских записок. Возможно, тут, помимо всего, сказалась зоркость автора ко всему доброму, человеческому, искреннему. А может быть, встреченные им люди, в том числе и враги, и сами поневоле смягчились при встрече с таким доброжелательным, справедливым, редкостно обаятельным узником...

И уж совсем трогательны первые встречи автора на свободе, когда он после отбытия срока направляется в Грузию, к прежнему месту жительства. Во Владикавказе дежурная по станции, даже не посмотрев на выданную ему справку, сказала: «Не беспокойтесь, первым же поездом Горький — Москва я вас отправлю. Время летнее, может случиться, что в поезде не окажется мест, но я договорюсь с начальником поезда».

В том же Владикавказе молоденькая парикмахерша, узнавшая, что он десять лет отсидел в тюрьме, добросовестно выполнив все, что просил клиент, «подошла к кассирше, что-то шепнула ей и вернулась с десятью рублями в руках.

— Возьмите, с вас ничего не причита-ется».

А потом следует встреча с пожилым проводником международного вагона красавца-поезда Москва — Тбилиси. Выслушав откровенное признание плохо одетого пассажира, он говорит: «— Генацвале, ни о чем не думай, в другой вагон переходить не надо. Я тебя доведу до самого Тбилиси, а когда приедем, ты обязательно зайдешь ко мне, и мы устроим тебя по нашему грузинскому обычаю...»

Эта трогательная забота простых людей о человеке, в ту пору именовавшемся «врагом народа», помимо всего, показывает, что, вопреки многим свидетельствам тех страшных лет, далеко не все были заморочены официальной пропагандой: многие понимали что к чему и втайне сочувствовали пострадавшим...

Вообще надо сказать, что страницы, описавшие «волю», у Газаряна не менее интересны, да и не менее драматичны, чем сцены тюремно-застеночные. Мало места в записках уделено скитаниям детей автора, но по драматизму, по остроте описания это целая эпопея.

«Со спазмами в горле я слушал рассказы детей о пережитых ими тяжелых днях», — признается автор. Он так и приводит эти рассказы — слово в слово. В отличие от страниц, описывающих терзания его самого, в этих бесхитростных монологах сильней задевают наше сердце встречи с дурными людьми. С поразительным скупердьем дядей Арташем, который, истратив деньги, полученные после обмена газаряновской комнаты на жалкую, непригодную для жилья каморку, не пуская осиротевших детей дальше порога. Или со школьной учительницей, которая, указывая на Майку, говорила, что она — «нищая и грязная» и с ней «не следует дружить»... Бродя по улицам, бездомная девочка мечтала найти подъезд потеплее, чтобы прикорнуть на ночь. А еще лучше, если встретится такая же бездомная собачка и ляжет рядом. «...Как хорошо ощущать тепло собачки в такие холодные ночи...»

Спартак, сын Сурена Оганесовича, рассказывал мне, вспоминая как раз эти годы, что тогдашние базары в Тбилиси по обилию пищи не уступали нынешним. Но как же «кусались» цены на этом базаре! Немудрено, что при этих роскошных рынках Спартак и Майка умирали с голоду. Спартак в самом деле чуть не умер. Однажды он упал от голода в каком-то подъезде и уже не мог подняться. Проходившая мимо женщина пожалела его и дала ему стакан молока — целое богатство в ту пору! Он поблагодарил свою спасительницу и стал жить дальше.

Чудо спасло и его сестру. В поисках ночлега она случайно забрела в подъезд своего бывшего дома и рискнула постучаться к соседке-учительнице, Тамаре Ивановне Гарсоевой. «Она меня не узнала, но когда я сказала, кто я такая, она удивилась: «Ах, Майя, в каком ты виде!» — «Пустите меня ночевать», — попросила я. — «Ну, заходи, заходи». Я переночевала, а потом осталась жить у нее».

Спартак был четырьмя годами старше. Он жил сам по себе и сам же себя кормил. Таскал грузы, выполнял поручения соседей... Он много читал. Незадолго до смерти бабушка — мать Сурена Оганесовича,

сама неграмотная, отвела обоих детей в библиотеку. Спартак хорошо рисовал, и Тамара Ивановна записала его в художественную школу. Много-много спустя все это ему пригодилось. Он работал в Шелковской районной газете, окончил факультет журналистики МГУ. Некоторое время в «Семье и школе» (в 1966—1967 годах), а позднее в журнале «Юный техник» работал ответственным секретарем — работал отлично. А его общительный, веселый характер (в чувстве юмора и остроумии он превосходил своего отца, а в жизнелюбии не уступал ему) собрал вокруг него множество интересных людей.

Но годы сиrotства и войны в конце концов сказались. Он вышел на пенсию по инвалидности, но, увы, явно запаздвал с этим. Два с лишним года назад он умер, пережив отца всего на несколько лет...

Незаметно для себя самого я перешел уже к эпилогу, не вполне завершив своей рассказ о книге С. О. Газаряна и о судьбе ее автора.

Не скажу, что мне в этой книге все нравится. В некоторых сценах режет слух (да и зрение) излишняя прямолинейность и, прямо скажу, идейный фанатизм автора.

Таковы эпизоды с участием эсеров Чайкина и Майорова (мужа знаменитой Спиридоновой), с коими он встретился в Орловской тюрьме. Ей же богу, они ничего плохого ему не делают (да и другим тоже!), но уже из-за одного названия — эсеры — он относится к ним непримиримо враждебно. И не высказывает ни слова сочувствия, когда вскоре после начала войны Чайкина и Майорова уводят из камеры «без вещей», то есть, надо понимать, — на расстрел... И пусть кто-то придет в восторг от такой «принципиальности» героя (уверен, что такие найдутся!), для меня она в данном случае неотличима от религиозного фанатизма. И принять ее я не могу. Хотя допускаю и иные мнения.

Но эти мои претензии несравнимы с общей — восторженной — оценкой благородной и честной книги С. О. Газаряна. Было бы крайней самоуверенностью заявить, что я присоединяюсь к мнению Твардовского. Нет, я просто «со своей колокольни» свидетельствую о достоинствах этой книги. Несмотря на жестокость отдельных ее страниц, книги оптимистичной, в том числе и буквально оптимистичной, ибо, в отличие от большинства подобных книг, где палачи остаются неуязвимы, а то и клеветают на мемуариста (так случилось с книгой А. Жигулина «Черные камни»), самые подлые герои у Газаряна (в том числе один из его мучителей) в финале повествования получают по заслугам, оказавшись «антигероями» бериевско-багировского процесса. В этом (хотя и не только в этом!) — источник огромного воспитательного потенциала книги. Потенциал этот скажется, пожалуй, не только на юных, но и на взрослых читателях. Ведь, вопреки расхожему мнению, одно время ставшему едва ли не всеобщим, суть воспитания не в подражании лучшим, а в том, чтобы, *приняв во внимание* опыт содержательной, яркой, по-настоящему интересной личности, научиться жить *по-своему*, в любых случаях жизни оставаясь самим собой.

Для взрослых

О чем думает поэт?

Лев Куклин. НЕСКОЛЬКО ШКОЛЬНЫХ «ПОЧЕМУ?»: Раздумья о воспитании.— Л.: Лениздат, 1989.

Известный поэт Лев Куклин написал книгу «Несколько школьных «почему?» с подзаголовком «Раздумья о воспитании». Что ж, поэту поразмыслить на темы воспитания столь же подобает, сколь и человеку любой другой профессии; может быть, для него такие раздумья даже более органичны, больше соответствуют его занятию. Поэтому, надо полагать, не случайно раздумья эти начинаются с раздела, озаглавленного «Эрозия грамотности». Явление это, к сожалению, стало весьма реальным, особенно в последние годы; реальные и причины, которые называет автор,— прежде всего распространение «рок-культуры», приведшее к тому, что большинство школьников тратит свое свободное время не на чтение, а на слушание записей популярной и модной музыки, в лучшем случае — на кино. (Кстати, автор забывает упомянуть и об обратном воздействии телевидения: в Англии после демонстрации сериала «Сага о Форсайтах» вышли новые издания этого романа, у нас за ним выстроились очереди в библиотеках; таким образом, выяснилось, что телевизионная — то есть максимально подробная и приближенная к «оригиналу» — версия книги может вызвать дополнительный к ней интерес. Впрочем, допускаю, что этот факт не укладывался в авторскую концепцию и потому был отвергнут — но тогда сама концепция, которую надо защищать

таким способом, делается весьма спорной...) Далее — плачевное состояние школьных библиотек (здесь я совершенно согласен с ним!) и то, что он называет «джинсовой культурой», то есть унификация и одновременно повышение престижной роли модных вещей, деформирующие интересы школьников. И примитивнейший «вещизм», роль которого тоже не стоит сбрасывать со счетов. Но одновременно возникает вопрос: а если в человеке уже сформированы духовные потребности — так ли уж страшна ему «джинсовая культура»? А они все-таки формируются (или не формируются) до того, как он попадает в ее объятия, — так не стоит ли поразмыслить о том, как складывается его духовное формирование еще в раннем возрасте. И о роли семьи в этом формировании — в возрасте, когда семья оказывает на маленького человека господствующее влияние. Так что к причинам, высказанным автором, я бы добавил еще одну, может быть, главную — дети растут, подвергаясь «воспитательному» воздействию некультурных и зачастую не очень грамотных родителей, и вообще взрослых. Множество примеров этого в обилии рассеяно по книге, но от недвусмысленного вывода автор воздерживается. А жаль: получается, что, начав важный разговор, он не заканчивает его, останавливается на полпути.

Да и так ли уж губительна «джинсовая культура» вообще? Борьба с ней — не разновидность ли той «запретительной педагогики», против которой решительно (и справедливо) выступает сам же Л. Куклин? Ведь еще Пушкин сказал:

Быть можно дельным человеком

И думать о красе ногтей...
Сегодня можно подставить сюда любые современные варианты типа: «и думать о покрое джинсов», или о стереомагнитофоне, или о мотоцикле. Дело ведь не в самих этих вещах, их наличии или отсутствии, а в том месте, какое они занимают в мире ценностей школьников.

Против «запретительной педагогики» Л. Куклин выступает неоднократно и горя-

чо — но не всегда последовательно. Против тесноты в школьных раздевалках, против курящих учительниц, против вранья детей, против воровства в школах. И в ряде случаев трудно с ним не согласиться; действительно, кто будет спорить с тем, что врать и воровать нехорошо и что виноваты в том, что дети врут и воруют, в определенной мере взрослые, их родители. И курящие учительницы — это тоже нехорошо. Но применять запретительные меры штрафного характера (к этому призывает автор), мне кажется, недемократично, хотя оградить окружающих от курения, безусловно, стоит.

Вторая часть книги, «Взрослым о детях», и третья — «Антошкина книжка» — представляют собой рассказы, рассказы и анекдоты из жизни детей; «источник вдохновения» указывает сам автор, упоминая «От двух до пяти» К. Чуковского. Есть среди них забавные, есть более заурядные — но несколько огорчает в рассказах их нескрываема «воспитательная» направленность; чувствуется, что все это рассказано ради морали, чаще всего само собой разумеющейся и понятной. Причем неясно, кому именно они адресованы: книга не имеет пометки о возрасте предполагаемого читателя, так что приходится считать, что она — для взрослых, однако для них многие рассказы могут показаться излишне прямолинейными и слишком уж «воспитательными».

Ю. СМЕЛКОВ

Искать свой собственный путь...

Обзор серии «Люди. Время. Идеи»

«Многие мудрецы доказывали, что делание добра позволяет причаститься к участи богов, потому что на возращении дара и дарении держится жизнь людей, состоящая в том, что они отдают, принимают и снова воздают. Поэтому прекрасно и спра-

ведливо жалеть и миловать всех незаслуженно несчастных — ведь жалость есть признак кроткой души, а жестокость признак невоспитанной — и особенно добрых; ведь безобразно и жестоко презирать вправшую в несчастие добродетель. Поэтому и я одобряю нашего Феофраста, когда он говорит, что оказание милости никогда не чревато раскаянием... Старайся же быть скор на добрые дела и медлителен на гнев: первое — царственно и милостиво, второе — отвратительно и свойственно варварам. Впрочем, делай, что считаешь правильным, не презирая полезных мнений».

Это письмо великого древнегреческого философа Аристотеля к Александру Македонскому, поражающее благородством своего содержания, старанием защитить угнетенных и воззвать к человеческим чувствам властителя, приведено в книге А. Лосева и А. Тахо-Годи «Аристотель: Жизнь и смысл» (М.: Дет. лит., 1982). Книга дает представление о том, в какую эпоху жил Аристотель, в чем заключалась неразрешимость жизненных противоречий этого времени и какую роль в этой эпохе история отвела Аристотелю. Она показывает, каким глубочайшим смыслом была наполнена жизнь философа и сколько загадок таит в себе эта жизнь. Путь Аристотеля является для нас бескомпромиссным и мужественным ответом на вопрос о смысле жизни, считают авторы, но каждый должен искать свой собственный путь, каждый должен найти и выстрадать смысл жизни самодельно.

Книга А. Лосева и А. Тахо-Годи «Аристотель» вышла в серии «Люди, Время, Идеи», адресованной старшеклассникам. В этой же серии несколько раньше была издана другая книга тех же авторов — «Платон», посвященная философу, которого греки за мудрость называли божественным, сравнивали с Аполлоном — богом света, порядка, гармонии, философу, учителем которого был Сократ, а учеником — Аристотель. Книга помогает понять, в чем причина необычайной популярности этого мыслителя, почему философская мысль в течение двух

тысячелетий неизменно возвращается к Платону.

Среди выпусков серии, появившихся в 80-х годы, — книга А. Белова «Через костры и пытки» (1985). Избран жанр художественной биографии, автор пишет о тех, кого обвиняли в вольнодумстве, подвергали преследованию и гонениям, обрекали на смерть, о тех, кого называют теперь героями и мучениками науки. Открывает книгу рассказ о трагической судьбе легендарной Гипатии, жившей в V веке в Александрии, одном из крупнейших культурных центров античного мира. В числе героев книги — английский ученый XIII века Роджер Бэкон, который главное свое сочинение — «Большой труд» (его считают энциклопедией того времени) — создал в тюремном каземате, где провел в общей сложности двадцать четыре года. О ком еще пишет Белов? О великом астрономе и мыслителе средневековья Улугбеке, авторе «Звездной книги», пережившей столетия. Об итальянском мыслителе XVII века Томмазо Кампанелле, подарившем человечеству прекрасную мечту о Городе Солнца. Об Андрее Визалии — крупнейшем ученом эпохи Возрождения, основоположнике новой анатомии. О Барухе Спинозе, чья «Этика» вошла в историю мировой философии... 12 судеб тех, чьи имена хранит благодарная память человечества, пройдут перед читателями книги «Через костры и пытки».

Тот, кто следит за выпусками серии «Люди. Время. Идеи», возможно, помнит появившуюся несколько лет назад книгу А. Варшавского «В начале всех начал». В ней рассказывалось о поразительных открытиях ученых — биохимиков, генетиков, астрофизиков, геологов, палеонтологов, кибернетиков, философов, — расшоривших наши представления о происхождении жизни. А недавно (в 1987 году) у того же автора вышла в серии другая книга — «Сыны Отечества». Чтобы узнать, о ком и о чем эта книга, достаточно прочесть небольшое введение к ней:

«Первые десятилетия русского Просвещения. 50—70-е годы XVIII века. Время мужания русской науки, станов-

ления естественнонаучных знаний, деятельности провозвестников материалистических идей, время важных сдвигов в общественном сознании.

О тех, кто способствовал в России того времени развитию антиклернической идеологии и материалистических представлений, об их жизненном пути и гражданском подвиге эта книга.

Они шли впереди.

Ломоносов был первым, но существовало и «ломоносовское племя»: Поповский, Козельский, Десницкий, Крашенников и другие из великоколелной когорты его учеников и последователей. Ученые, мыслители, пламенные патриоты, они в жестокие времена самодержавного гнета и крепостнической неволи осмелились говорить правду и мечтать о лучшем будущем для народа.

О Ломоносове рассказывает первый очерк этой книги — «Солнце науки русской», а последний — «Глашатай просвещения» — посвящен Николаю Новикову. Это о нем Пушкин писал, что Новиков «на полвека подвинул образованность нашего народа». Из очерка ребята узнают, как высоко ценили этого человека Чернышевский, Карамзин, Огарев, почему известнейший русский историк Ключевский назвал 1779—1789 годы «новиковским десятилетием», в чем состояла суть конфликта между Екатериной II и Новиковым и что послужило поводом для расправы.

Один из постоянных авторов серии «Люди. Время. Идеи» — И. Радунская. В разные годы у нее появились здесь книги, составившие трилогию «Предчувствия и свершения».

Первая книга — «Великие ошибки» — о заблуждениях великих ученых. Точнее, о том, как повлияли их заблуждения на ход развития науки. В великих заблуждениях есть зерна истины, которые сияют в последующей теории, более полно описывающей мир. Заблуждения — столь же неотвратимые элементы творческого процесса, как и прозрения. К такому выводу подводит читателя автор этой книги.

Вторая книга — «Призраки» — о силе человеческого воображения, проникающего

в микромир атома и макромир космоса.

Последняя книга трилогии — «Единство» (появилась в 1987 году) — о единстве законов, действующих в природе, о важнейших открытиях современности, которые делаются на стыках разных наук. По словам автора, книга ставит целью воспитание современного научного мышления у молодого человека, только вступающего в самостоятельную жизнь.

«Вселенная в электроне» — так называется книга В. Барашенкова, вышедшая в 1988 году. Еще недавно космология и физика элементарных частиц считались разными науками. Космология изучает свойства и развитие Вселенной в целом. Она пытается ответить на сокровеннейшие вопросы мироздания: откуда произошел наш мир, был он всегда или родился из какой-то иной формы материи, чем закончится его жизнь и закончится ли вообще? И главный вопрос: почему наш мир таков, каков он есть? Разве не может быть Вселенной, где, к примеру, размеры атомов в десять раз больше, свет распространяется в несколько раз быстрее, и, кроме длины, ширины и высоты, есть еще четвертое, а может быть, даже пятое и шестое измерения?

Космологию интересуют бескрайние дали, а физика элементарных частиц, наоборот, устремлена в глубинные недра материи. Ее предмет — микромир. Она исследует первичные частички вещества — «семена вещей», как говорили древние ученые, изучает процессы их взаимопревращений. Какая, казалось бы, может быть связь между такими разными науками? Оказывается, между ними выявлена самая тесная связь. Правда, замечает автор, здесь еще много нерешенных вопросов, тайн и поразительных парадоксов. Предполагается, что было время, когда Вселенная имела размеры микрочастицы...

Все сказанное лишь предваряет интересный разговор о том, как устроен окружающий нас мир в самом большом и самом малом, с какими проблемами и трудностями приходится сталкиваться ученым, работающим на переднем крае науки.

Перечисленные в этом обзоре книги, думается, дают

представление о серии «Люди. Время. Идеи». Но для тех, кого заинтересовала серия и кто хотел ее обратиться к другим ее выпускам, предлагаем еще несколько названий: Р. Бахтамов. Загадка НТР; Е. Богат. «...Что движет солнцем и светила»: Любовь в письмах выдающихся людей; Г. Волков. Путь гения: (Становление личности и мировоззрения К. Маркса); Рядом с гением — гений: Эпизоды из творческой биографии Фридриха Энгельса; Л. Пажитнов. Слово и дело Толстого; А. Ракитов. Тракат о научном познании для умов молодых, пытливых и критических; Е. Яковлев. День и жизнь: Заметки к биографии Владимира Ильича. Эти названия, разумеется, не исчерпывают список книг, появившихся в серии. Тем более что каждый год этот список пополняется новыми книгами.

Г. РУМЯНЦЕВА,
главный библиотекарь
Государственной
республиканской
детской библиотеки РСФСР

Недавно выпущено

Чимаров В. М. ПЕРВЫЙ ГОД ЖИЗНИ РЕБЕНКА. — М.: Медицина, 1988. — 144 страницы с иллюстрациями.

Книга, адресованная матерям, подробно расскажет о грудном ребенке, принципах ухода за ним, о кормлении, одежде и т. д.

Титчмарш А. ТЕХНОЛОГИЯ САДОВОДСТВА: Перевод с английского. — М.: Мир, 1988. — 198 страниц с иллюстрациями.

Почему бы не взять на вооружение опыт английских садоводов по устройству живых изгородей, дорожек, клумб, небольших водоемов и альпийских горок? Интересно познакомиться с английским садовым инвентарем, технологией возделывания растений, освещением участка.

Мария РОМАНУШКО

НАШИ ЗИМЫ И ЛЕТА, ВЕСНЫ И ОСЕНИ

Продолжение. Начало в № 11,
12 за 1989 год

Мальчик с планеты Маль

Была осень. Наша пятая осень. Теплое, полное еще летних запахов и пичьего щелбета, утро начала сентября. В это утро я взяла тебя за руку, и мы пошли в детский сад.

— Вот и начинается новая жизнь, — философично заметил ты.

Ты шел бодро, твое лицо сияло оживлением и любопытством.

Действительно совсем новая жизнь. Совершенно непохожая на всю предыдущую. До сегодняшнего дня мы с тобой не расставались. Ни на один день. Лишь на считанные часы. И эти коротенькие разлуки всегда были мучительны для меня. Тебе то — ничего, ты или спал, или читал, не замечая минут и часов...

А когда ты был совсем маленьким, я, уходя, ставила на проигрыватель долгоиграющую пластинку. Чаще всего лютневую музыку, твою любимую. Пока она звучала, наполняя пространство вокруг тебя золотым осенним сиянием, пока осыпалась вокруг тебя, звеня, золотая листва, ты сидел в своем деревянном манеже, забыв об игрушках, погрузившись то ли в грезы, то ли в воспоминания... Пластинка доигрывала до конца, и ты терпеливо ждал, когда я войду в комнату и поставлю ее вновь. Чтобы не скучать, названивал сам себе погремушкой, была у тебя такая чудесная синяя погремушка, с нежным-нежным звоном. Порой, устав от ожидания, валился в манеже на бочок и засыпал с погремушкой в руке... Да, проигрыватель был прекрасной нянькой.

Потом, когда ты научился ходить, а вскорости и читать (всего полгода разделяют эти два события), роль няньки взяла на себя пишущая машинка, наша старенькая «Олимпия». Не замечая времени и моего отсутствия, ты мог часами выстукивать на ней свои странные, удивительные рассказы и стихи...

Две твои няньки все эти годы соперничали друг с другом.

Но все равно я всегда сходила с ума, оставляя тебя одного: мало ли что... В издательстве, куда я заезжала несколько раз в месяц, чтобы захватить оставленные для меня рукописи, внезапно накапывал на меня страх, жгучая тревога: «Господи, как я могла оставить тебя одного?! А вдруг...»

Обратно — не просто бегом, обратно — сломя голову. Скорее, скорее! Больше никогда не оставляю тебя одного! Чтобы так изнывать от предчувствий, от ужасов, которые рисует разгулявшееся, не знающее удержу воображение... По лестницам — бегом; по эскалаторам — бегом; от троллейбуса к дому — бегом... В лифте — самые мучительные мгновения. На грани обморока. Сердце колотится в каждой клетке тела. Поворот ключа в замочной скважине...

— А вот и мамася пришла! — радостный голосок мне навстречу. Горячее кольцо тонких рук вокруг моей шеи. Все... можно жить дальше.

...Вечером, когда я пришла за тобой, ты носился по двору дetsада, очень возбужденный. Выяснилось: весь день тебя водили по всем группам, и ты читал ребятам книжки, а воспитательницам и няням раздавал автографы. Мне показали эти листочки, на которых милым моему сердцу крупным размашистым почерком было написано: «Антон. 4 сентября 1980 года», наш адрес и — на обороте — птичка или цветочек.

Воспитательницы со всех групп обступили меня и стали выпытывать, по какой методе я тебя учила. Никак не хотели верить, что никакой особой методу у меня нет. Просто я всегда отвечаю на твои вопросы. Вот и вся метода. Все просто... Классическое «подрастешь — узнаешь» не для нас с тобой, это я поняла с тех пор, когда ты еще только учился говорить.

Откуда твои вопросы? Откуда это жадное любопытство к миру? Твое нена-

сытное: «Еще! Еще!» Твое нетерпеливое: «А дальше?» Твое недетское: «Мне надо знать!»

Ты взрослеешь, вопросов становится все больше, порой они застают меня врасплох, но вместе с тем крепнет мое убеждение: если ты задаешь мне вопрос, твоя душа готова принять ответ. Не когда-нибудь, не потом — сейчас. И я стараюсь отвечать тебе, не откладывая на потом. Отвечаю, как ответила бы самой себе: не упрощая и не приукрашивая. Порой мне кажется, что ты не совсем понимаешь меня. Но тебя это не смущает. «Я пойму, — говоришь ты. — Я потом пойму. Ты только рассказывай. Пожалуйста!»

А потом ходишь молчаливый, задумчивый, сосредоточенный. «О чем ты, сынок?» — окликну я тебя. «Я думаю...»

«Откуда взялась жизнь? Планеты, звезды, галактики...»

«А я у тебя откуда взялся? А у тебя мог родиться другой мальчик?»

«А это обязательно — становиться взрослым?»

«А как получается любовь? Из чего она образуется, из каких таких веществ?..»

«Что такое бог? Вот тут в книжке написано: «не боится никого, кроме бога одного».

«А когда мне будет сто лет, тебе сколько тогда будет? Почему уже несколько?»

«Почему человек умирает?»

«А хочешь, мы всегда в Самболюнии будем жить, на планете Маль? Там люди до скольки хотят, до столько и живут. Я скоро сделаю летающие часы, и мы с тобой туда полетим. Хочешь?»

«А можно выучить все звезды, все деревья, все цветы? И все горы, и все вулканы... Почему нельзя? А вдруг можно?..»

Не всегда я могу ответить на твой вопрос. И тогда мы ищем ответ вместе. Тогда мы думаем про это вместе. Про травы и про звезды. Про вечность.

Про старость и про смерть. И про любовь, которая сильнее смерти...

Откуда твои вопросы? Что тебя побуждает задавать их? Что тебя подталкивает к этим жгучим тайнам?..

...Просто я забыла, сколько мне лет. Я помню, ощущаю только твой — наш! — возраст. И каждый день учусь. С тобой, у тебя. Учусь радости. Учусь удивлению. Когда ты показываешь на какую-нибудь безмяннуну (но ведь не безмяннуну на самом деле!) травинку и спрашиваешь: «Как ее зовут?» — меня всякий раз поражает глубокое изумление: как же это я жила до сих пор, не зная ее имени? Как я могла жить, не зная, как ее зовут? Что это у меня была прежде за жизнь?..

Сколько прекрасных имен узнали мы с тобой! Подорожник, пастушья сумка, клевер, донник, лебеда... А раньше было: просто трава под ногами...

Вспышка-воспоминание. Лето. Июнь. Мы гуляем по зеленому, сверкающему после дождя скверу. И слышим такой диалог:

— Мама, что это?! — восклицает, почти вскрикивает девочка лет шести, зачарованно глядя на прекрасные белые соцветия среди темно-зеленой листвы. — Мама, что это?!

— Дерево, — отвечает мама.

И такая скука, такая серая обыденность в ее голосе, что ты не выдержишь:

— Каштан! Каштанчик!.. — кричишь ты, захлебываясь восторгом, радостью, ликованием. — Это же каштанчик!..

Тебе два с половиной года. Для тебя дерево — уже не просто дерево, ты знаешь по именам все деревья в нашем сквере, всех зеленых жителей нашего маленького цветущего мира..

Иногда я вспоминаю ту девочку в сквере, и мне ее очень жаль. Очень, очень скоро она разучится задавать вопросы... И когда-нибудь, через много лет она с таким же безразличием ответит своему ребенку: «Просто дерево».

Только рядом с тем, кто умеет радоваться, у ребенка радостно распахиваются глаза; только рядом с тем, кто умеет удивляться, ребенок с такой легкостью и жадностью узнает и запоминает, и делает своими имена звезд и трав, зверей и чисел, птиц и цветов. Все легко и просто, когда ты счастлив. Когда утро — в радость, вечер в радость, и дождик, и красный куст боярышника, и птица за окном, и звезда...

Я учусь радости. Учусь удивлению. Учусь быть твоей мамой. Твоим другом. Твоей подружкой.

Ничего этого я не сказала воспитательницам, обступившим меня и ждущим от меня какого-то ясного, простого ответа. Что я могла ответить им? Для этого мне нужно было бы рассказать им всю нашу жизнь — с того самого дня, когда я принесла тебя, крошечного, больного, домой. И была стужа — за окном и в доме, и в доме тоже... И нас было двое во всем мире. Ты да я, да мы с тобой... Но я сказала тебе: «Все равно мы будем счастливы. Несмотря ни на что!»

— Никакой особой методы у меня нет. Просто я всегда отвечаю на его вопросы. А мой сын очень любознательный мальчик.

— А как вы учили его читать? Каким наглядным материалом вы пользовались?

Антон, ты помнишь, каким наглядным материалом мы с тобой пользовались?

Ну, прежде всего — макароны, которые ты без конца таскал из шкафа, разламывал на отрезки разной длины и выкладывал из них буквы. В ход шли также пуговицы, камушки, листочки, принесенные с прогулки, пластмассовые гайки из конструктора, винтики из игрушечных часов... Одним словом, все, что попадало под руку.

Была у нас, конечно, азбука на кубиках, был набор пластмассовых букв, но ты любил делать буквы сам, своими руками. Часами мог выкладывать свои любимые «буквы» на нашем большом столе, используя для этого самые неожиданные предметы. Например, половник мог играть роль вопросительного знака, яблоко в этой игре становилось буквой «о», горошина черного перца точкой. Ты высматривал, ты как-бы выуживал буквы из пространства, из окружающего тебя мира предметов и вещей...

Все, что попадало в поле нашего зрения — становилось для нас наглядным материалом. «Это дерево — какая буква?» — «У!» — радостно выкрикивал ты. «А этот фонарь — какая буква?» — «Г!»

...Услышав про макароны и фонари, воспитательницы почему-то расстроились, почти обиделись. Как ни странно, но обидело их именно то, что все оказалось действительно просто.

По дороге домой.

— Ну как тебе в саду, Антон?

— Так хорошо с детками гулянул!

Следующее утро. Пришли. Нянечка встретила тебя ласковой улыбкой:

— А вот и наш академик пришел!

Воспитательницы, а их у тебя две: молоденькая и веселая Любовь Петровна и средних лет мрачноватая и флегматичная Евдокия Васильевна, — с первых же дней переложили на тебя часть своих обязанностей. Они уже не читают ребятам книжки — это делаешь ты. Читаешь или просто что-нибудь рассказываешь. Воспитательница сажает тебя на стульчик перед всей группой и говорит:

— Расскажи нам что-нибудь, Антон.

Для воспитательницы наступает минута отдохновения, а для тебя — вдохновения.

Ты рассказываешь о Мале. О Самболюнии. О Голофомэ...

— Давным-давно, с незапамятных времен, жила-была планета Маль. Сорок триллионов лет назад, даже больше, когда еще не было Земли и Солнца и светила одна Луна всему космосу, на планете Маль, еще на которую не капало ни одной дождинки, стал пробиваться маленький фонтанчик. Но все больше разрастался фонтанчик, все больше воды было в пустыне. Фонтанчик развивался месяцами, годами, столетиями... Все обрадовались, что у них теперь океан!

Я прихожу за тобой пораньше, стою в раздевалке, смотрю на тебя в приоткрытую дверь и слушаю. Мне жаль прерывать твой вдохновенный рассказ.

— Самболюния — такая страна на планете Маль. Там много городов, очень древних и очень красивых. Мунт, Самбол, Дереван, Антованск, Статуйск... Еще есть Машинный город. И есть Деревный... Мунт — самый старый город. Ему царьдодносто первый год. Он потому простоял так долго, что он был такой

крепкий, что от землетрясений не ломался! Статуйск — это такой город, где живут статуи. Они умеют ходить, и еще умеют говорить, и умеют по лестницам идти, и на лифтах катаются, и еще умеют в квартирах жить!.. А еще там живет птица Голофомэ! Голофомэ — большая. Она прилетает зимой из Самбола в Мунт за миллионы километров. Она делает гнезда в старых липовых и дубовых деревьях или на старых мунтских домах — зимой, в холодные дни...

— Антон, а где это все происходит? — спрашивает Любовь Петровна, оторвавшись от всех дел (пока ты занимаешь детей рассказами, она наводит порядок в шкафах с книжками и игрушками).

— На планете Маль, — терпеливо объясняешь ты. — Маль — это планета, на которой живут все мои фантазии...

— Антон, расскажи еще! — слышится нетерпеливый двучай голосок.

Итак, можно сказать, что в четыре с половиной года ты обрел кафедру.

А дома... дома ты работаешь в stile «ретро». Бегаешь на четвереньках, лаешь, мяучишь, издаешь какие-то странные звуки.

— Антон, что с тобой?!

— А что? Все ребята в саду так делают. Очень весело! Давай вместе.

Но в саду веселиться таким образом ты стесняешься.

В саду, на прогулке, ты отыскиваешь прутья и начинаешь писать на песке цифры. Складываешь, вычитаешь... Вокруг тебя собирается кучка ребят, в основном, мальчишки.

— Ты до сколько можешь досчитать?!

— Я? До сколько угодно.

— До ста можешь?

— Могу.

— А до миллиона?

— И до миллиона.

Смотрят — кто с уважением, кто с завистью, кто с деланным равнодушием.

А после пяти, когда ребята начинают разбирать по домам, ты устраиваешься на веранде у «окошка» (так ты называешь дырку в кирпичной стене веранды) и начинаешь ждать...

— Ты сегодня шестая пришла! — сообщаем ты мне. Или:

— А ты сегодня первая!

Сидишь у «окошка» и, чтобы время скорее шло, пересчитываешь кирпичи веранды.

— Я сегодня до двух тысяч сорока пяти кирпичей насчитал. Ты почему так долго не приходила?..

Каждое утро одна и та же просьба:

— Приди за мной пораньше.

С каждым днем расставание все болезненнее. Первые дни, когда превыше всего было любопытство к новой жизни, ты не плакал. Но уже на третий день начались слезы. Этот третий день пришелся на понедельник, и после двух выходных ты никак не хотел идти в сад. Прошавшись, рыдал неудержимо. Весь день мне слышались твой плач, так что даже работать не могла, все валилось из рук. Когда пришла за тобой, выяснилось, что так и есть: оба носовых платка мокры от слез, хоть выжимай, под глазами синяки, в глазах — тоска.

— Все. Не пойду больше в сад, — заявил ты.

— Но ведь ты так хотел к детям, сам просился в сад, — помнишь?

— Больше проситься не буду.

* * *

Осень теплая, теплее прошедшего лета. Днем бывает по-настоящему жарко. В середине недели я устраиваю тебе разгрузочные дни: пять дней подряд в саду тебе, конечно, трудно. Вместо сада мы отправляемся на длинную прогулку, в маленькое путешествие.

Сегодня гуляли на набережной, в парке, а потом сели на речной трамвайчик и поплыли на другой берег с замиранием сердца: стоит ли еще Захарково?..

В этот раз я уже и не надеялась, думала, снесли уже все там подчистую, и осторожно намекала тебе на это — на тот случай, если на месте нашей любимой деревушки окажется голый пустырь — чтобы не было для тебя это горькой неожиданностью...

И вдруг — стоит Захарково! Стоит, цепляется последними домишками за пахучий, не залитый асфальтом клочок земли... И хотя дворы уже почти все пусты, и покосились заборы, и дома некоторые увезены, а некоторые преданы огню, — все же стоит Захарково! Покрикивают петухи, слышна переключка псов, и коты греются на развалинах и пепелищах...

Мы идем по размытой, разьеженной дороге к тому двору, в котором ты кормил когда-то петуха троллейбусными билетами. Жив ли петух? Может, уже давно пошел на суп...

Ан нет! И петух жив, и его куриная свита как будто не перелета. Двор кипит жизнью: слышны визги поросят, добросовестный лай собаки, сонное квохтанье кур... До чего же мы обрадовались! Ты тут же принялся угощать кур билетами, просовывая их сквозь мелкую сетку ограды, но на этот раз куры были более разборчивы.

И вдруг — в маленьком и давно не мытом окошке покосившегося и совершенно обшарпанного дома, вдруг в этом омутке показалась пресимпатичная улыбающаяся рожица. Это было так неожиданно для нас! Нам почему-то казалось, что, кроме кур, петуха, поросы и собаки, здесь никто не живет...

Распахнулась форточка, и в нее высунулась белобрысая круглая голова.

— А здесь паучие живут! — сообщил мальчик и засмеялся. — Я сейчас, не уходите!

Через минуту он был уже на улице. Мы познакомились. Его звали Алеша Тимофеев.

Мы сидели на пыльных досках, сваленных у забора, и наш новый знакомый (которому недавно минуло три года) по-деревенски обстоятельно рассказывал нам о последних событиях, происшедших в Захарково: о том, что всем уже дали квартиры, и Колька, Вовка, Светка — все ребята уехали. Рассказал, как горел один дом напротив и сколько пожарных машин приезжало и что доски, на которых мы сидим, — все, что осталось от этого дома. По-стариковски поворчал, жалуясь на рык экскаваторов, роющих неподалеку котлован. Сказал, что это рычание у него уже вот где сидит, даже спать не дает. И про поросят рассказал, что их у них в этом году трое, очень хорошенькие. Мы попросились взглянуть на поросят, но Алеша сказал, что

собака не пустит, она у них злая. Нет, не злая вообще-то, но все-таки может тянуть, лучше не надо.

Из дома выглянула молодая женщина, такая же светловолосая, как и сын, и позвала:

— Алеша!

— Не могу, — ответил Алеша солидно, — я занят. Ко мне пришли.

— Алеша, иди переоденься, а потом опять выйдешь.

— Только вы не уходите, ладно?

И он убежал. А потом вдруг вскарабкался по стремянке на крышу дома, оттуда перемахнул на крышу курятника, ловкий, как обезьянка, и мы смотрели на него с завистью.

Выбежал опять на улицу.

— Антон, давай в войну играть!

— Как «в войну»? Я не умею.

— Вот тебе палка, это — автомат. Ложись и стреляй.

— Я не умею стрелять.

Алеша пытался наскоро обучить тебя, но у тебя плохо получалось, точнее — не получалось вовсе.

— Ложись и стреляй! — командовал Алеша.

Ты старательно (хотя и с невыразимой скукой на лице) плюхался животом в дорожную пыль, но «стрелять» так и не научился.

— Скучно, не хочу больше, — сказал ты.

— А во что тогда будем играть? — спросил озадаченный Алеша.

И тут ваши взгляды обернулись к пустырю, окруженному зарослями запущенного сада, с огромной лужей — настоящим озером посреди пустыря на месте сгоревшего дома. И вы оба ринулись к этой красавице-луже, обгоняя друг друга. Алеша, более легкий и ловкий, примчался первым.

Я осталась сидеть на досках, на солнышке, и наблюдала за вами издали, не мешая вам наслаждаться свободой и раздольем.

По пустырю разбросано множество вещей, которые трудно переоценить: старые ведра и тазы, миски, бутылки, доски и несколько огромных ржавых бочек, в которые когда-то по желобам стекала с крыши дождевая вода для стирки и полива огорода.

Все пошло в дело. Из дощечек были сооружены мостики, на воду спущены миски и кастрюли, а все остальное приспособлено для переливания: сначала густая рывеватая вода зачерпывается сковородкой и наливается в банку, затем из банки переливается в бидон, потом в ведро, из ведра в таз и так далее... И это занятие доставляло вам столько радости и наслаждения. Я смотрела на вас и с удовольствием думала: «Ну вот и у моего мальчика полноценное детство: с лужами и пустырями... Будет, что вспомнить». И сама испытывала не меньшее наслаждение, глядя на своего замызанного по уши и совершенно счастливого сына...

— Приезжайте еще! — просил Алеша, когда мы прощались. — А то я здесь один остался.

— Приедем, завтра приедем, — пообещали мы.

— Приезжайте! Я ждать буду! — кричал Алеша нам вслед, стоя на размытой дороге, и долго махал ладошкой:

— Приезжайте!

ВСТРЕЧА С «РОДИТЕЛЯМИ» И «МУДРЕЦАМИ»

Окончание.

Начало на стр. 28

ши с мудрецом, для которой в нашем «человечьем общежитии» свободных мест нет.

Место встречи взрослых с «Мудрецами» мы уже указали: это «родительский клуб», который объединяет взрослых, совместно растящих своих детей. Главная задача «родительского клуба» — конструирование целостной жизни детского сада из отдельных событий — режимных, культурных, спортивных... В семье с крепкими традициями такой задачи нет: отдельные «мероприятия» давным-давно слились в плавное течение дней и лет, в тот устойчивый жизненный уклад, где уже отлажены все суточные и сезонные ритмы. В семейном детском саду, в новой, нетрадиционной семье связность, цельность общей жизни должна быть сотворена заново. «Родительский клуб» и является местом создания и отлаживания уклада, традиций детского сада. Поиск основных достойной жизни — и есть задача мудреца. И «родительский клуб», и «школьный совет», и «семейный совет» — это школа и испытание умудренности каждого взрослого. Либо, обмениваясь поучительными историями из жизни, рецептами пирогов, чертежами гимнастических стенок, книжками и кассетами, идеями игр, и житейскими советами, и прочими крупными доброжелательства, взрослые понемножку мудреют, учатся взаимопониманию и всерьез обращаются к педагогическому творчеству. Либо их общая жизнь разваливается под неумолчную родительскую перебранку и взаимобвинения. Либо семейный детский сад вырождается в государственно-профессиональные формы, где умудренно-родительское отношение к детям и друг к другу постепенно тает.

* * *

Только не поймите нас превратно! Все позиции взрослых мы считаем равноценными и равно-обязательными для нормального взросления. Но в нашем разговоре чуткое ухо может услышать особую нежность и пристрастность к позициям «Родителя» и «Мудреца». Спишите это на недоразумения наших биографий. Как и многие наши сверстники, мы — жертвы педагогики, которая чрезмерно увлеклась «научно обоснованными» методиками и слишком далеко отступилась от своих начальных истоков: любви к детям, радости совместного существования ребенка и взрослого (даже в классе!). Не случайно ведь о том, как учить детей, сложению в пределах сотни, написаны тома, а о том, «как любить детей», — одна книга. И не случайно тех, кто занялся самолечением, кто пытается вытянуть себя из образовательной неполноценности, как Мюнхаузен за косичку, влечет не в класс и не в мастерскую, а в «усадьбу» или в «беседку» — всюду, где, встречаясь, люди обретают друг друга и себя. Но местом поиска себя должна стать вся мировая культура, лучшими проводниками по которой являются «Учитель» и «Умелец».

А. ГУРФИНКЕЛЬ

НА КАТОК — ЗА ЗДОРОВЬЕМ

При недостатке двигательной активности провести несколько часов в неделю на чистом морозном воздухе, катаясь на коньках, — несомненное благо. В конце концов неважно, станут ли занятия коньками серьезным увлечением ребенка. Если да — его путь лежит в спортивную школу. Если нет, вы просто приобщите ребенка к здоровому и прекрасному делу, он почувствует эмоциональный подъем и радость, что так необходимо детству.

Итак, вы решили заняться с ребенком катанием на коньках. С чего начать? Мы вас познакомим с описанием (и рисунками) упражнений. Примите их, как азбуку: сначала изучаем буквы, потом слоги, затем — слова и фразы.

На первых занятиях дети, как правило, много падают, поэтому их лучше одеть в обычную зимнюю одежду: шапку-ушанку, короткое пальто, шубку или стеганную куртку. Эта одежда предохранит их отшибов, что в свою очередь поможет преодолеть страх и поддержит интерес к занятиям. По мере овладения техникой передвижения на коньках потребуются более легкий костюм, теплый и не стесняющий движения; вязаный свитер с высоким воротом, трикотажные рейтузы или облегающие тренировочные брюки с трикотажным бельем под ними. На голову надевают вязаную шапочку так, чтобы она закрывала лоб и уши. Шерстяные варежки не будут намочать от снега, если поверх них надеть рукавички из болоньи.

Следует запастись шерстяными носками. Если ботинки великоваты, то можно надеть две пары носков. В морозы ноги дополнительно обертывают газетной бумагой.

Ботинки с высокой шнуровкой (хоккейные или фигурные) плотно сидят на ноге и позволяют более правильно выполнять отталкивание, в них не так быстро утомляются и меньше болят мышцы. Шнуровка ботинок — важная деталь в снаряжении: тугая шнуровка ухудшает кровоснабжение, ноги мерзнут, а при слабой нога болтается в ботинке, трудно

сохранить равновесие, хорошо оттолкнуться, можно травмировать голеностопный сустав. Для шнуровки берут тесьму (80—100 см). Над пальцами шнуровка затягивается свободно, подъем стягивается туго, а на сгибе снова ослабляют. Крестообразная шнуровка после стягивания не распускается.

Коньки обязательно должны быть хорошо наточены. Только катание на острых коньках позволит научиться технике и доставит ребенку удовольствие. Острые края полоза позволяют хорошо отталкиваться и тормозить, а полированная поверхность лезвия обеспечит хорошее скольжение. Коньки точат в специальных мастерских, но неплохо, если родители овладеют этим искусством сами и привлекут к делу сына. Чехлы помогут предохранить лезвия от затупления при переходе по твердому покрытию (из раздевалки на лед).

Во время отдыха ребенка следует побережечь от переохлаждения, накинув ему на плечи куртку или шубку. Если каток не оборудован скамеечками, имеет смысл захватить с собой санки, чтобы посидеть. Иногда во время перерыва можно переобуть ребенка в валенки или сапожки, чтобы отдохнули ноги. Термос с чаем и бутерброд пригодятся, если вы находитесь на катке продолжительное время.

Для первых занятий нужно выбрать площадку с утрамбованным снегом, так как на ней легче освоить начальные умения: во время ходьбы ставить коньки прямо, самостоятельно перемещаться, удерживать равновесие и мягко падать.

Три группы упражнений, о которых мы вам расскажем, разделены достаточно условно и отнюдь не исчерпывают всех применяемых специалистами. Из каждой группы упражнений можно выбрать те, которые больше подходят ребенку по его возрасту, уровню физической подготовленности и, наконец, просто нравятся ему.

Логика обучения такова: вначале научиться стоять, ходить, переступать, избавиться от страха и неуверенности. Затем

освоить отталкивание и скольжение, позже — умение тормозить, поворачивать и так далее. Чтобы занятия не превратились в заорганизованную муштру, добавляйте игры и забавы. Если родители умеют кататься, они смогут сами показать ребенку упражнение. Вначале сосредоточьте внимание ребенка на грубой схеме движения, затем выделите наиболее важные его элементы и лишь после этого отработайте отдельные детали. Не стремитесь к тому, чтобы ребенок усвоил все сразу, это только затруднит обучение. Не раздражайтесь, наберитесь терпения, ведь и у вас в свое время получалось далеко не все сразу. Побольше хвалите ребенка, подбадривайте, это придаст ему уверенность в своих силах.

Если вы даже не умеете стоять на коньках, это не должно стать причиной для отказа от занятий. По нашей статье хорошенько разберитесь, что к чему, а на катке всегда найдутся образцы для подражания. Учитесь вместе с ребенком — это самый хороший вариант. А если ребенок выполнит какое-то упражнение лучше вас, имейте мужество признать это.

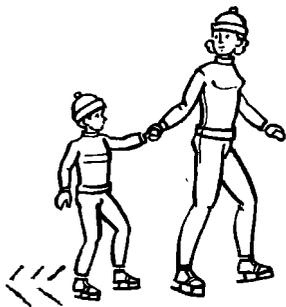
Программа одного из первых занятий для шести-семилетнего ребенка.

1. Ходьба, прыжки, повороты («Лошадка», «Кузнецик», «Пружинка») — все это вначале с поддержкой, а потом самостоятельно.
2. Имитация позы конькобежца («Конькобежец», «Насос»).
3. Ходьба и бег мелкими шажками («Пони»).
4. Стояние на одной ноге («Аист») — попеременно на левой и правой.
5. Обучение падению вперед и в сторону (поначалу — в снег, сугроб).
6. Упражнение в отталкивании и скольжении («Буксир», «Колобок»).
7. Произвольное катание. Желательно закончить занятие таким упражнением, которое получилось хорошо. Это создаст положительный фон для последующих занятий.

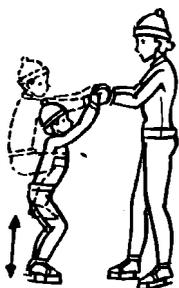
Нагрузка на занятиях регулируется в зависимости от самочувствия ребенка. Между выполнением упражнений ему необходимо дать возможность отдохнуть, присесть, расслабить или затянуть шнуровку. Ни в коем случае не принуждайте ребенка выполнять упражнения, если он этого не хочет!

Упражнения для освоения равновесия

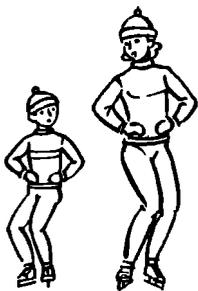
1. «Лощадка» — ходьба на коньках по укатанному снегу или льду с поддержкой взрослого и самостоятельно пять—шесть минут (рисунок 1).

2. «Кузнечик» — невысокие прыжки на двух ногах: вперед-назад, вправо-влево, с поворотом на 90 градусов вокруг вертикальной оси. На первых занятиях прыжки выполняются со страховкой взрослого, как показано на рисунке 2, затем — самостоятельно.

3. «Неваляшка» — исходное положение: руки на поясе, ноги слегка расставлены врозь, ступни параллельно. На счет «раз», слегка сгибая ноги в коленях, наклонить коньки влево. На счет «два» то же вправо (рисунок 3).

4. «Пружинка» — исходное положение: ноги слегка расставлены, коньки параллельно. На счет «раз, два, три» — пружинистые приседания, руки вперед. На счет «четыре» вернуться в исходное положение (рисунок 4).

5. «Насос» — исходное положение — поза конькобежца: ступни параллельно и чуть расставлены, руки за спиной; слегка присесть и наклониться вперед (рисунок 5). На каждый счет переносить тяжесть тела с ноги на ногу.

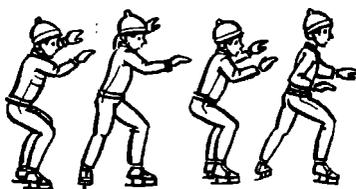

Упражнения для освоения передвижения

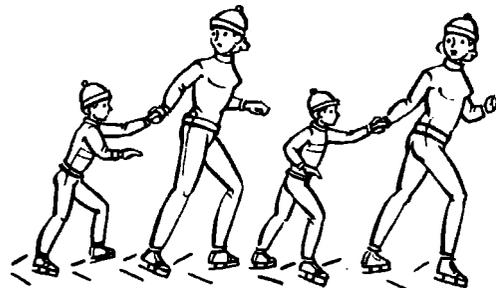
6. «Буксир» — коньки параллельно, скользить, держась за руки взрослого или за палку. Ноги согнуты в коленях, наклониться вперед. На счет «раз, два, три» — выполнить пружинистые приседания. На счет «четыре» — продолжать скользить в позе конькобежца (рисунок 6).

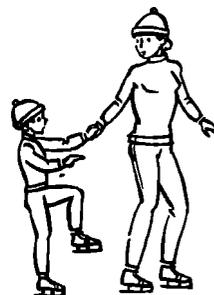
7. «Колобок» — руки вперед — в стороны, наклониться вперед, колени слегка согнуты, коньки параллельно. На счет «раз» развернуть правый конек и, отталкиваясь всем лезвием, ногу выпрямить. На счет «два» приставить правую ногу к левой и проскользить на двух ногах несколько метров (покатился «колобок»). На счет «три, четыре» — сделать то же с другой ноги. На первых порах «колобок» может катиться с поддержкой сбоку за руку (рисунок 7).

8. «Елочка» — исходное положение то же, что и в упражнении 7. Отталкиваясь попеременно левой и правой ногой, скользить на одной. Отталкиваться всем лезвием конька. Рисунок «елочки» рассмотреть на льду или укатанном снегу. На первых порах упражнение может выполняться с помощью взрослого (рисунок 8).

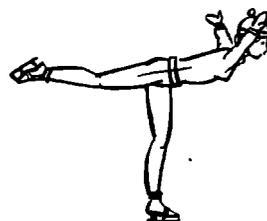

9. «Аист» — после нескольких отталкиваний (как в упражнении «Елочка») скользить на одной ноге, другую согнуть в колене и поднять, руки в стороны. В случае затруднений, упражнение выполняется с поддержкой за руку (рисунок 9).

10. «Гигантские шаги» — упражнение выполняется так же, как и упражнение «Елочка», однако нужно скользить на одной ноге как можно дольше — каждый шаг «гигантский». Приложение усилий при отталкивании идет с нарастанием и до полного выпрямления ноги. По мере освоения можно дать задание преодолеть расстояние (10—20 метров) с наименьшим количеством шагов.

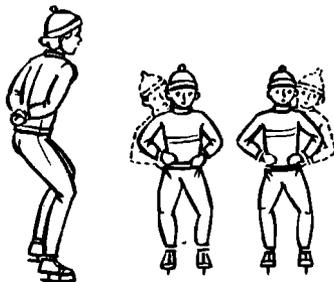
11. «Ласточка» — после нескольких шагов разбега скольжение в равновесии на одной ноге (рисунок 10), другая отведена назад и поднята, голову приподнять, прогнуться в грудной части позвоночника, руки в стороны. Как и в предыдущих упражнениях, на первых порах ребенку придется использовать поддержку взрослого. Красивая «ласточка» получается не столько при наклоне вперед, сколько при хорошем прогибе и высоком подъеме безопорной ноги.

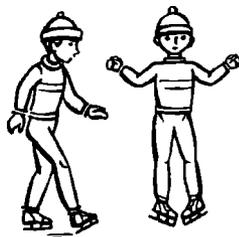
12. «Пистолет» — после нескольких шагов разбега присесть на одной ноге, другую выпрямить вперед, руки вперед (рисунок 11).

13. «Конькобежец» — ноги полусогнуты, коньки параллельны, слегка наклонить туловище вперед, руки за спину. Передвижение по прямой в посадке конькобежца, попеременно скользя на одной и отталкиваясь другой ногой (рисунок 12).

15. «Бульдозер» — после нескольких шагов разбега, выставить одну ногу вперед, конек повернут вовнутрь и упирается в лед внутренним ребром (как нож бульдозера). Торможение выполняется на различной скорости несколько раз правой и левой ногой (рисунок 14).

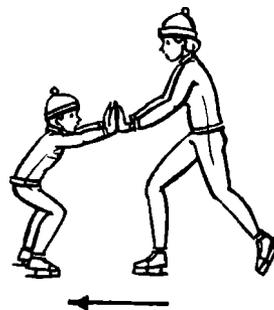
16. «Плуг» — после нескольких шагов разбега, торможение производится одновременным упором двумя коньками (внутренним ребром каждого), колени при этом слегка поворачиваются вовнутрь, как показано на рисунке 15.

18. «Рука в руку» — катание парой, взявшись за руки: правая за правую, левая за левую (рисунок 17). При поворотах ребенок должен двигаться по большой дуге.

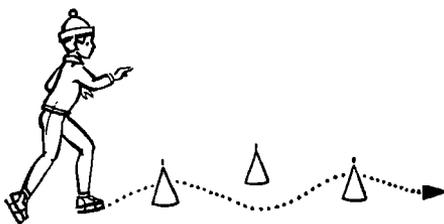

19. «Тяни-толкай» — держась за руки лицом к лицу, начинать движение таким образом, чтобы ребенок двигался спиной вперед (рисунок 18). На первых порах он скользит на двух, затем осваивает передвижение вперед спиной за счет одновременных и попеременных отталкиваний. От передвижения по прямой можно перейти к движению по дуге, повороту.

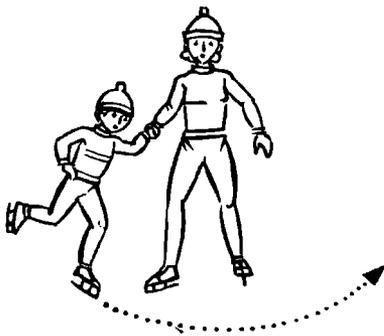

Упражнения для освоения поворотов и торможения

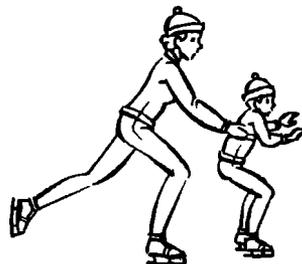
14. «Змейка» — передвижение вперед с попеременным отталкиванием, оглябая препятствия (снежки) справа и слева. Мягкие повороты должны получаться за счет наклонов туловища и переноса тяжести в нужную сторону (рисунок 13).

17. «Парное катание» — движение по кругу переступанием, придерживаясь за руку (палку) стоящего в центре круга взрослого (рисунок 16). Упражнение следует повторить несколько раз в обе стороны.

20. «Бобслей» — взрослый держится двумя руками за талию ребенка, и «боб», набирая скорость, движется по льду. Находящийся впереди «пилот» подает команды на вход и выход из виража (рисунок 19).

у нас в гостях
журнал

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ МАССОВО-ПРОСВЕДИТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ СССР

Если бы наш журнал создавался не 61 год назад, а в сегодняшнее время, то он мог бы, наверное, называться не так строго и официально. Ну, не «Гурман» и не «Гастроном», и не «Пальчики оближешь», но хотя бы «Кулинар» или на худой конец просто «Питание». Однако от имени, данного родителями, не отказываются. И при всем этом наше «Общественное питание», журнал Министерства торговли СССР, не страдает от отсутствия подписчиков, сегодня наш тираж — более миллиона экземпляров.

Наверное, многие читатели, в том числе и читатели «Семьи и школы», подумают, что в таком специальном издании публикуются одни лишь материалы для работников общественного питания. Это не так, журнал поднимает и анализирует проблемы, связанные не только с отраслью, но и проблемы, стоящие, как говорится, на стыке экономики и нравственности. Ведь хотим мы того или нет, а общепит сопровождает нас повсюду: в детском саду, в школе, на работе. И все, как правило, ругают поваров, потому что невкусно, потому что очереди, потому что... Много их, этих «потому что». Наш журнал старается найти для каждого «потому что» причину, решение, альтернативу.

В рубрике «Во время учебного дня» журнал рассказывает о проблемах школьной столовой, которая находится в таком ужасном состоянии и кризисе, что один общепит, сам по себе, уже не в состоянии справиться со сложнейшими задачами. Школьной столовой требуется безотлагательная помощь.

А в рубриках «Питание и наука», «Беседы о лечебном питании» специалисты и ученые рассказывают об основах рационального питания, о рационах, о диетике. Для детей есть специальная рубрика «Ешьте, дети, на здоровье!».

Не обходит стороной журнал тема воспитания молодежи, передового опыта, вопросы морали и нравственности. Ведь все зависит от человека. А значит, и от нас с вами. С каким настроением мы придем в кафе или столовую, как нас там встретят, что приготовят, чем накормят наших ребятшек в школе. Только все мы по разные стороны барьера, то есть окна раздачи... Постараемся же понять друг друга. И помочь, если надо. Пойти навстречу. Ведь это так важно. Для каждого.

Журнал «Общественное питание» ждет ваших писем!

ПИТАНИЕ И НАУКА

Нитраты, нитриты, нитрозамины

Избыток азотнокислых солей (нитратов) в пище преобразуется в организме человека в соли азотистой кислоты (нитриты) и, что еще нежелательней, — в нитрозамины (нитроэтил-амин и нитрозодиметиламин).

Избыток нитратов отрицательно влияет на работоспособность, поведение, вызывает головокружение и даже может стать причиной потери сознания. Избыток же нитрозаминов в организме — один из факторов образования злокачественных опухолей. Для взрослого здорового человека 15—200 мг нитратов в день практически безвредны, 500 мг — предельно допустимая суточная доза, 600 мг — безоговорочно токсична.

О содержании в пищевых продуктах вредных химических соединений, и в частности нитратов, сегодня с тревогой и озабо-

ченностью говорят не только медики, но и социологи, публицисты, писатели, государственные деятели.

Однако в этой проблеме не все так просто и однозначно, как о том можно прочитать в некоторых немедицинских периодических изданиях. Прежде всего: с нитратами человек встретился не сегодня; вспомним хотя бы использование в качестве удобрений птичьего помета.

Чтобы колбасный полуфабрикат (выдержанный в рассоле мясной фарш) сохранил впоследствии привычный нам исходный вид, его издавна обрабатывают смесью нитрата калия и сахарозы, иначе же колбасы имели серый цвет. Более того, не только нитраты, но и нитриты использовали и используют как добавки к ряду других мясных, рыбных продуктов, а в некоторых странах — и к сырам, поскольку эти добавки улучшают их вкус, облагораживают запах и способны подавлять развитие болезнетворных микроорганизмов, вызывающих, например, ботулизм. Кстати, допустимая концентрация остаточных соединений нитритов в мясных продук-

тах, вырабатываемых в СССР, вдесятеро меньше, чем в Нидерландах, вчетверо меньше, чем в Бельгии, Дании, Швеции, и втрое меньше, нежели в Италии, Франции. Тем не менее в 1981 году на конференции онкологов Латвийской, Литовской, Эстонской союзных республик было отмечено, что в некоторых вареных колбасах содержание нитритов достигает 100 мг/кг и возрастает по мере хранения этого продукта. И до этой конференции знали: копченые колбасы, другие копчености содержат сравнительно большие количества нитрозаминов. Соление, жарение, копчение, в меньшей степени тушение мясных продуктов сопровождаются нарастанием концентрации нитритов в изделиях, блюдах, а в ряде случаев приводят и к появлению в них нитрозаминов.

Избыток нитратов, нитритов в корме сельскохозяйственных животных соответственно приводит к повышению их концентрации в мясе и молоке. Не следует также забывать, что азотсодержащие удобрения, как и другие химические вещества, используемые в земледелии, могут ливневыми стоками смываться в реки, озера, пруды, вода из которых используется для питья и приготовления пищи.

Однако люди поглощают нитраты не только из-за неразумного ведения сельского хозяйства. Двадцать выкуренных в день сигарет, например, повышают содержание нитритов в слюне до 10 мг/л. Известно, что из 1 мг нитритов в организме синтезируется примерно 1,2 мкг нитрозаминов. Пяти микрограммов последнего достаточно, чтобы вызвать у подопытной белой крысы опухоль, поражающую в среднем 7% ее печени. Не вызывает также сомнения, что поставщик нитритов — алкоголь. Например, сравнительно частые случаи рака пищевода у коренного населения Замбии связаны с систематическим употреблением недостаточно созревшего и очищенного пива. Находят нитрозамины не только в пиве, но и в других содержащих спирт напитках.

Разговор о нитратах, нитроэтиламинах был бы неполным, если опустить возможность их синтеза самим организмом из постоянно циркулирующих в нем аминов и амидов. Последние же — неперменные продукты обмена веществ, в частности обмена белков. Так что избыток белковосодержащей пищи (а это не только мясо, рыба) столь же нежелателен, как и бескомпромиссное вегетарианство. Вместе с тем установлено, что канцерогенное действие нитрозодиметиламина в опытах на животных резко возрастает, если в их корме существенно недостает полноценных белков.

Синтез нитроаминов возможен также из нитритов ряда

лекарств, например, из мумие, тетрациклина, окситетрациклина, сульфаметазина.

Так что же, современному человеку вовсе некуда податься от нитратов и нитрозосоединений? Конечно же, нет.

Прежде всего без всяких промедлений, постоянно помня о здоровье человека, а не только об урожайности любой ценой, надо использовать азотсодержащие удобрения не «на глазок», а строго по научному расчету. Тогда их не будет больше чем следует в почве, овощах, в молоке и мясе, в подземных, речных, озерных и прудовых водах. Вспомнить о нитратах, нитроэтиламинах не мешает, прежде чем прикурить очередную сигарету, папиросу, прежде чем выпить рюмку спиртного. Не надо увлекаться (особенно самодельно!) любыми лекарственными, а не только антибиотиками. Всегда следует соблюдать осторожность, приобретая и применяя для лечения мумие.

Никогда не надо переедать, даже если это полезные сами по себе свежие плоды и овощи. В 1968 году газета «Таймс» (Англия) поместила заметку об отравлении некоего Б. Брауна. Он умер оттого, что ежедневно выпивал более литра цельного морковного сока, судя по всему, без каких-либо нитратов и пестицидов. С большой осторожностью надо относиться к весьма эмоциональной пропаганде не рабборчиного сыроедения. Хотя, разумеется, многие плоды, кроме как сырыми, в пищу не употребляются. Сыроедение не зря считают одной из главных причин глистных инвазий, пищевых отравлений и других болезней микробной природы. Микроорганизмы, которые вызывают такие отравления, болезни, остаются жизнеспособными даже в самых эффективных современных холодильниках.

Все овощи, плоды, в том числе цитрусовые, перед их употреблением следует тщательно помыть горячей водой. Невелики будут потери, если и после такой обработки с яблока, огурца снять кожуру. Неестественно желтый изнутри картофель, кабачок, огурец, как и овощи, которые вдруг, без особой к тому причины, начинают портиться, лучше не употреблять в пищу. Улучше возможно, что они «перекормлены» нитратами. Больше других овощей способны накапливать нитраты столовая свекла, турнепс, дыня, сельдерей, черная редька. Причем активность этого процесса возрастает в дождливое, малосолнечное лето и когда в почве недостает молибдена. Кстати, неорганического азота практически нет в зерне злаковых культур; он скапливается в их стеблях, листьях, используемых, как правило, для фуража. По имеющимся данным, нитратами богаты овощные консервы. В консер-

вированном пюре моркови их содержится до 600 мг/кг, в консервированном пюре тыквы — до 1000 мг/кг. В молодых органах растений нитратов обычно больше, чем в старых.

Агрехимики считают, что содержание нитратов в моркови, картофеле сильно снижается, если их хорошо отмыть и на сутки поместить в однопроцентный раствор поваренной соли (столовая ложка соли на 2 литра воды). В этих же целях рекомендуется у кочанной капусты снимать верхние крошащиеся листья; у патиссонов срезать часть, примыкающую к плодоножке; у кабачков снимать кожу; у столовой свеклы срезать верхнюю и нижнюю части корнеплода. Капустную кочерыжку и сердцевину моркови лучше не съедать. Полуотваренная и затем тушенная в молоке или сливках морковь считается средством профилактики злокачественных новообразований.

З. ЭВЕНШТЕЙН, доцент, руководитель городского центра лечебного питания и разгрузочно-диетической терапии

БЕСЕДЫ О ЛЕЧЕБНОМ ПИТАНИИ

На ваши вопросы отвечает врач-диетолог

Как питаться при заболевании щитовидной железы?
Л. Саенко, Запорожская область

Заболевания щитовидной железы бывают разные, поэтому и рекомендации лечащего врача в каждом отдельном случае будут различными. Чаще всего речь идет о тиреотоксикозе — повышенной функции щитовидной железы, заболевании, при котором усиливается выделение гормона тироксина, повышается обмен веществ.

Если при этом человек сильно худеет, рекомендуется диета повышенной калорийности, например, вкусно приготовленные разнообразные каши. Нужно принимать больше витаминов, в первую очередь витамина С, минеральных веществ, особенно кальция (лучше его источники по содержанию и легкости усвоения — молочные продукты).

При тиреотоксикозе из диеты исключают продукты и блюда, возбуждающие сердечно-сосудистую и центральную нервную системы:

- наваристые мясные и рыбные бульоны, шоколад, крепкий чай и кофе, пряности.

Мясо и рыбу употребляют в отварном виде.

Лечащий врач может включить в рацион продукты моря, содержащие соединения йода, например блюда из морской капусты. Однако следует учесть, что блюда из морской капусты противопоказаны при некоторых заболеваниях желудка, например, при обострении язвенной болезни, гастрите с повышенной кислотностью.

Какие продукты и блюда следует ограничивать и какие можно употреблять при хроническом гастрите с повышенной кислотностью желудочного сока? Какие соки при этом полезны? Как правильно употреблять мед?

Г. Белова, г. Николаев

При хроническом гастрите с повышенной кислотностью из рациона исключают продукты, усиливающие выделение желудочного сока:

- мясные, рыбные и грибные бульоны, жареные и тушеные в собственном соку мясо и рыбу, копченые и соленые продукты, пряности и специи (горчицу, перец и др.), газированную воду, крепкий чай и кофе, алкогольные напитки.

В щадящий рацион при хроническом гастрите с повышенной кислотностью вводят продукты и блюда, слабо возбуждающие желудочную секрецию: молоко, творог, каши, протертые и непротертые отварные овощи, крупяные и вегетарианские супы (кроме капустного), яйца всмятку или омлеты, отварное мясо и рыбу, печеные яблоки, некрепкий чай, щелочные минеральные воды, не содержащие углекислоты (бутылку с минеральной водой заранее открывают).

Разрешают сладкие фруктовые и ягодные соки, например, клубничный, малиновый, вишневый, а также морковный сок (при хорошей переносимости, если он не вызывает изжоги).

При хроническом гиперацидном гастрите, сопровождающемся повышенной кислотностью желудочного сока, мед (1 столовую ложку) принимают за 1,5—2 часа до еды, растворив в теплой воде. При этом мед снижает повышенную кислотность желудочного сока.

Следует иметь в виду, что у некоторых людей, страдающих повышенной кислотностью желудочного сока, мед, съедаемый натощак, вызывает изжогу. Чтобы избежать этого, его лучше добавлять в кашу, творог, молоко.

Суточная доза меда не должна превышать 70—80 г (3 столовые ложки) при условии, что сахар и конфеты исключены из рациона.

Мед натощак не следует употреблять и при хроническом заболевании поджелудочной железы — панкреатите, так как

при этом возможно появление болей в подложечной области.

М. ГУРВИЧ, кандидат медицинских наук

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ

Ешьте, дети, на здоровье!

Под таким девизом журнал объявил конкурс на лучшее детское блюдо. В нем могут принять участие как профессиональные кулинары, так и любители.

В редакцию поступило очень много материалов. С некоторыми из них мы вас знакомим.

Капустные рулетки

Кочан, удалив кочерыжку, кладут в горячую воду и варят до полуготовности. Затем разбирают на листья, черешки которых слегка отбивают. Готовят омлет. На капустные листья кладут омлет, на него — слой мясного фарша и свертывают рулетом. Кладут на смазанный жиром противень, заливают сметанным соусом и тушат. Подают по 2 штуки с соусом, в котором тушились.

Н. Иванова

Ежики

Саша Колесников, ученик 4 класса московской школы № 773, прислал в редакцию письмо, в котором перечислил свои любимые блюда. А рецепты этих блюд записала его мама.

Рис перебирают, промывают, заливают горячей водой и варят до полуготовности. Откидывают на дуршлаг, охлаждают, добавляют мясной фарш. Солят, перемешивают, формируют шарики, обваливают их в муке и слегка обжаривают в масле. Кладут в неглубокую кастрюльку, заливают бульоном и тушат в духовке 20—25 мин. Затем крышку снимают, чтобы ежики подрумянились. Подают на тарелке, полив бульоном, в котором они тушились, или сметаной.

Мясной фарш — 300 г, вареный рис — 1/2 стакана, мука — 1 столовая ложка, бульон — 1 стакан, соль.

Оладьи с капустой

Взбивают яйцо, соединяют с кефиром или молоком, добавляют соль, сахар, растительное масло. Смешивают с мукой и тонко нарезанной капустой. Ложкой выкладывают тесто на смазанную растительным маслом сковороду. Подают со сметаной.

ВОПРОС — ОТВЕТ

Расскажите о пищевой ценности оливкового масла

Оливковое масло — ценный продукт питания. Оно быстро усваивается организмом, стимулирует аппетит и деятельность желчного пузыря. Рекомендуется при расстройствах кишечника, защищает стенки капилляров. По сравнению с другими растительными маслами при умеренном нагреве не претерпевает существенных изменений и не содержит токсичных веществ. Масло можно использовать для пастеризации и жарения. Хранят в холодильнике.

Как приготовить пастилу?

На предприятиях промышленности пастилу вырабатывают с использованием агара или пектина.

По старинной рецептуре «Беловскую пастилу» можно приготовить на основе яблочного пюре. Для этого промытые яблоки запекают в духовке при температуре 80—100 градусов, после чего отделяют кожу и, охладив до 25—30 градусов, протирают. Протертое яблочное пюре комнатной температуры 5 минут сбивают в миксере, вводят взбитый яичный белок и сбивают все еще 40—50 минут до полной готовности. Затем массу отливают на лоток, выстланный пергаментом, подсушивают 16—18 часов при температуре 60—70 градусов. После охлаждения пласта его разрезают на полоски и обсыпают их сахарной пудрой. На 1 кг готового изделия берут 700 г сахарного песка, 1200 г яблочного пюре и 30 г яичного белка.

Что такое чурчхела и как ее готовить?

Чурчхела — это сваренные в виноградном соке ореховые ядра в виде колбасок коричневого цвета длиной 20—30 см, толщиной 2—3 см. Делают их так.

В кипящий виноградный сок постепенно, помешивая, вливают разведенную холодным соком муку и кипятят 3—6 минут. Получают так называемую пеламуши (виноградный сок — 200 г, мука пшеничная — 30 г, сахар — 10 г).

Затем подготавливают ореховые ядра (50—100 г на одно изделие), нанизывают на иголку и опускают в горячую пеламуши, затем вынимают и вывешивают для высушивания. Хранят в прохладном месте.

ОБЩЕСТВЕННОЕ
питание

для домашнего стола

**И в будни,
и в праздники —
безалкогольные
коктейли!**

КЕФИР

...С апельсиновым соком и яблоками

Смешивают кефир, сок апельсина, нарезанные кубиками очищенные яблоки, сок лимона. Добавляют апельсиновую цедру, и сахар по вкусу.

Кефир — 150 мл, сок одного апельсина, очищенные яблоки — 100 г, сок лимона — 1 ст. ложка, апельсиновая цедра, сахар по вкусу.

...С ржаным хлебом

Смешивают кефир и сахар. Разливают по стаканам. Сверху посыпают корицей и натертым черствым ржаным хлебом. Хорошо охлаждают.

Кефир — 1 л, ржаной хлеб — 1 чайная ложка, корица — 1/2 чайной ложки, сахар — 2 ст. ложки.

...С морковью

В миксере смешивают кефир, натертую на мелкой терке морковь, сок лимона, сахар или мед.

Кефир — 1 л, морковь — 150 г, лимон — 1 шт., сахар или мед — 1 ст. ложка.

МОЛОКО

...С медом

Смешивают в миксере молоко и мед. Подают с соломинкой.

Молоко 500 мл, мед 1/2 ст. ложки.

...С фруктовым соком

Смешивают в миксере молоко, фруктовый сок, сахар. По желанию можно добавить яйцо и натертый горький миндаль.

Молоко — 500 мл, фруктовый сок — 250 мл, сахар по вкусу, яйцо — 1 шт., горький миндаль — 2 ядра.

...С чаем

Смешивают молоко, холодный крепкий чай, яичный желток, сахар или мед по вкусу.

Молоко — 500 мл, крепкий черный чай — 2 чайные ложки, 1 яичный желток, сахар или мед — 1 чайная ложка.

Приятного аппетита!

календари

**Что мы знаем
о январе**

С детства мы верим в новогоднее чудо обновления. Может быть, поэтому январь и получил своё название по имени древнеримского мифологического бога всех начал и истоков, времени и перемен, света и дверей — двуликого Януса, охраняющего, по поверью, входы и выходы, покровителя путешественников и моряков. Среди божеств древних римлян самым, пожалуй, всеведущим и популярным был именно Янус. Он сопутствует и счастью, и беде, и справедливости. Имя его происходит от латинского «януа», что означает — «дверь», «вход».

Янус изображался, как правило, с ключом в руке. Как бог света, он открывает этим ключом небесные ворота и впускает день на землю. Вот так мифология объясняет начало увеличения дня в январе. Другими атрибутами Януса являются посох и песочные часы — символы времени и путешествий. Его голова изображается с двумя лицами: одно обращено в прошлое, а другое — в будущее. Это символ одновременного созерцания прошедшего и предвидения грядущего.

На пальце правой руки Януса кольцо с числом 300, а на левой — с числом 65. Это указание на количество дней в году. С именем Януса связаны и переносные толкования, такие, как двуличие и лицемерие. Как богу времени, Янусу посвящались календы — первые дни каждого календарного месяца. Особенно торжественно в Древнем Риме праздновались новогодние календы.

Сейчас многие народы мира называют первый месяц года созвучно имени двуликого Януса: голландцы и шведы — «януари», датчане и норвежцы — «януар», англичане — «дженьюари», арабы — «янаир», греки — «иануариос», индонезийцы — «джануари», итальянцы — «жанейро», испанцы — «энеро», португальцы — «жанейро». В Индии его называют «януаром» и «джанвари» (на урду), а во Франции — «жанвьё». У болгар январь — «януари», у евреев — «януар», у латышей — «январис», у молдаван — «януариус», у эстонцев — «Януарикууз». Новый год по-латышски — «яунгадс». Однако у многих народов живут и свои, национальные наименования этого месяца. Так, в Литве он «саусис», а в Финляндии — «таммикуу».

По поре вырубки леса январь в Древней Руси нарекали *сечнем* — от глагола *сечь*, что соотносится старинным словом *тетя* и *тетя* (*сечь, бить*), а

также польскому слову *стичень* — от глагола *тыкать, ткнуть*. Ведь приднепровским славянам приходилось зимой сечь, рубить леса, чтобы подготовить к весне новые площади под посевы.

С этим именем месяца наши предки могли соединить мысль и о переломе зимы — половина её к середине января проходит; январь как бы сечёт зиму пополам, рассекая её на две примерно равные части.

Другое древнее имя этого месяца — *просинец, просий*: после сплошной осенне-зимней облачности на небе появляются *просины*, то есть просветы в облаках. По другой версии это название январь получил оттого, что лёд на реках в эту пору обычно синет от просачивающейся на его поверхность воды.

Прозывают январь ещё и так: *огневик и студень, трескун и лютой месяц, лютовей*. Он — году заповка, его начало и зачин, зиме середка, середина и середина, сердцевинный месяц зимы, её вершина, крыша и макушка. Это месяц ярких звезд, белых троп, синих льдов, тёмная зорька года, пора прибывающего света, месяц ясного неба, лютого мороза и жгучей стужи.

По именному календарю в январе именинники по дням: 1 — Григорий и Тимофей, 2 — Даниил и Игнатий, 3 — Пётр, 4 — Анастасия, 5 — Геннадий и Нифонт, 6 — Николай, Евгений и Клавдия, 9 — Константин и Фёдор, 10 — Игнатий, 11 — Иоанн и Марк, 12 — Анисья, 14 — Василий, 15 — Серафим, 17 — Аристарх и Артём, Афанасий и Марк, Прохор и Родюн, Симеон и Трофим, 18 — Григорий, 20 — Иоанн, 21 — Георгий, Григорий и Иулиан, 22 — Пётр и Филипп, 23 — Макарий, Павел и Григорий, 24 — Михаил, 25 — Пётр и Татьяна, 26 — Елеазар, Иаков, Пётр, 27 — Адам, Вениамин, Иосиф, Исаак, Макарий, Михаил, Павел, Сергей и Нина, 28 — Гавриил и Иоанн, Павел и Прохор, 29 — Макарий и Пётр, 31 — Афанасий и Кирилл.

К сожалению, есть в году и «несчастливые» дни. Согласно знаменитого «Брюсова календаря» в году насчитывается 32 «несчастливых» дня. В этом месяце это 4 и 15, 17 и 19, 24 и 25 января.

...Вблизи северо-восточной границы СССР, у Чукотского полуострова проходит линия перемены дат. Поэтому новый календарный день, в том числе и день Нового года раньше всего начинается на этой линии. К концу января день в средней полосе страны прибавляется на полтора часа. Ночь отступает перед светом. Его нарастание чувствуют спящие под снегом бутоны ранневесенних цветов.

Это близкое родство перво-

го месяца года с весной народ отметил поговоркой «Январь — весне дедушка». Не потому ли на новогодних торжествах Деда Мороза сопровождает юная дочь весны — Снегурочка?!

В. МИРОНОВ

семейный туризм

В лыжный поход!

Снег с морозцем — самое здоровое время года, когда убиты или парализованы кругом все болезнетворные бактерии, когда от легкого скользкого шага радостно разрумянятся щеки и полной грудью вдыхаются ароматы хвои и смолы. Но чтобы идти так на лыжах — лесеми, подальше, да в «глубинку», по субботам и воскресеньям — к таким походам надо готовиться. И готовиться заранее.

Первая забота наша, конечно, будет о лыжах. Чтобы не так стачивались, не трухлявились, чтобы мазь на них класть легче, их обязательно надо смолить. Сначала, если лыжи уже были «в ходу», мелкозернистой шкуркой снимите даже слегка размочаленные места на углах ходовой части. Затем треть лыжи покройте небольшим слоем смолы и на пламени газа (или паяльной лампы) равномерно прогрейте смолу до появления пузырьков. Охладите и опять прогрейте, насухо протирая сложенной тряпкой. Ходовая поверхность лыжи должна приобрести ровный коричневый цвет. Затем переходите к следующей трети лыж, а потом к последней.

Обязательно нужны будут и мази. Запаситесь в спортивном магазине их набором — на любую погоду, а, кстати, и квадратом пробки для их растирания.

Хранить дома лыжи лучше всего в лоджии или на балконе, а если их нет, то в коридоре, подальше от отопления, ванны или рукомошников. Ставят лыжи стоя, сложенные друг к другу «рабочими» сторонами, завязав шнуром у носков и на концах — у «пятки». В середине, меж опорных площадок с креплениями, вставляют в виде распорки упомянутую пробку. Так лыжи всегда будут сохранять требующуюся для хорошего хода пружинящую эластичность. Палки наденьте кольцами на носки лыж, пропустив сквозь крепления и закрепив защелками замков. Сверху на носки лыж (с концами палок) наденьте затягивающийся шнуром мешочек из плотной стеганой ткани: он предохранит окружающих от случайных травм; когда вы несете связанные лыжи по улице или едете с ними в транспорте,

а в походе этот мешочек послужит подстилкой при отдыхе на поваленном стволе или пне. Носят связку лыж или на плече, слегка отогнув их назад, или в руке, держа параллельно земле.

Так содержать и носить лыжи — не чья-то прихоть, а необходимая культура пользования ими. Соблюдать эти правила должны прежде всего взрослые члены семьи — как образец. Этим они приучат к лыжной культуре и детей.

А если лыж у вас еще нет, и вы не знаете, какой длины лыжи и палки выбрать? Совет тут простой: длина лыжи — до кончиков пальцев вытянутой вверх руки, а высота палок — до подмышек. Выбрать надо и тип лыж. Спортивно-беговые, которые чаще всего есть в продаже, для походов мало подходят: они проваливаются на целине, тропить лыжню на них — одно мучение, а на спусках они часто ломаются. Широкие (до 8 см) туристские лыжи подходят по любому снегу, но они для тех, кто идет в многодневный поход в «ненаселенку», а для одно-двухдневных походов они тяжеловаты. Лучше всего для наших семейных туристов — «прогулочные», иначе «лесные», лыжи со средней шириной 5—6 см. К лыжам приобретите и жесткие крепления, которые сами можете установить на площадке лыж.

Семейный, даже однодневный, лыжный поход — мероприятие очень серьезное. Всегда надо помнить, что от летне-осенних походов зимний отягчат минусовая температура и короткий световой день. Если летом сбиться с пути не страшно и вы можете идти до позднего часа, а в крайнем случае расположиться на ночлег на природе, и даже без палаток и спальных мешков, то зимой всё это невозможно. Поэтому в лыжный поход семьи можно идти только по хорошо знакомому маршруту, только при температуре не ниже двенадцати градусов (и то при безветрии) и на расстояние 10—12 километров, группой — от 6—8 до 10—12 человек, имеющих примерно одинаковую лыжную подготовку.

«Папа, мама и я» — эта группа пригодна лишь для прохождения взад и вперед участка на сравнительно небольшом удалении от станции. Ведь если такая небольшая группа пойдет далеко, то при случайной, но возможной всё же травме в пути (хотя бы растяжении в стое при неудачном падении), при быстро наступающей темноте и понижающейся к вечеру температуре — как и сколько времени будут пострадавшего доставлять до ближайшего тепла? А помощь одного взрослого может оказаться недостаточной.

Но и больше 12 человек семейные группы нежелательны. Ведь случайно отставший (или

упавшего) можно и не заметить, в глазах-то будет всегда много народа. А каково будет отставшему?! Лучше, если желающих набираться много, составить две группы. Они могут идти одним маршрутом, но с разрывом по времени.

Понятно и то, что все участники группы должны быть на каком-то одном общем уровне — и по физической выносливости, и по умению ходить на лыжах. Ведь из-за одного малотренированного лыжника скорость хода у остальных участников группы снизится, люди начнут мерзнуть, настроение — резко падать, и в результате группа к концу дня может и не дойти до намеченного пункта.

Что надо помнить о характере снежного покрова? Если идет легкий снежок, то идти на лыжах очень приятно. Однако остерегайтесь поднимающегося ветра: в метель, даже небольшую, походы запрещены.

В морозик, скованный бывшую до того оттепель, идти плохо, так как ледяная корка рвет лыжи, и они часто разъезжаются. Но если по такой корке уже выпал новый снежок, то этот путь — «по насту» — самый лучший! Лыжи тогда будто сами бегут, и лыжни не надо.

Плюсовая температура — не повод отказываться от похода: чтобы лыжи хорошо скользили и снег на них не налипал, есть соответствующие мази, надо уметь лишь подобрать подходящую.

Мазь обычно втирают в лыжи еще дома. Можно и в электричке, когда там мало народу; многие натирают лыжи прямо на станции. Наносят мазь на скользящую поверхность лыж зигзагом (елочкой) и тщательно растирают пробкой. Заднюю четверть лыж не мажут или мажут более «теплой», чтобы не было «отдача», мазью. Чем температу-

ра воздуха ниже (в пределах указанной на этикетке мази), тем тоньше слой этой мази на кладете, а чем выше температура — тем толще.

Каким желателен маршрут похода? В идеале — слегка пересеченная местность, с лесами, лужайками и опушками и с познавательными объектами в пути: памятники, загородные музеи, мастерские художественных промыслов, показательные хозяйства. Каждый такой насыщенный красотой и познанием многообразный маршрут надолго останется в памяти, как поход-праздник, а не просто лыжная прогулка (впрочем, поход может быть и чисто оздоровительным).

Режим питания в однодневном

ветро- и влагопроницаемая куртка достаточной длины (не выше половины бедра!), имеющая карманы с клапанами (такую можете сшить сами по уже опубликованной в «Семье и школе» выкройке). Носки — хлопчатобумажные и теплые шерстяные. На руках не перчатки, а кожаные или брезентовые рукавицы с теплой прокладкой. На голове — плотной вязки шапочка. В маршруте, если станет жарко, свитер можно снять, убрав в рюкзак. А если снимаете куртку в тихую, нехолодную погоду, то её удобно, сложив вдвое, подвесить к рюкзаку, пристегнув ремешком его кармана.

Рюкзак у вас — легкий. В нем две пары сменных носков, флаги в утепленном мешочке (если нет термоса), шитом из 2—3 слоев теплой ткани или из куска старого меха; булки, каждая завернутая в простую бумагу и дополнительно в две газеты (достаточная термоизоляция, чтобы не замерзли). Не помешает и кусок пенопласта, чтобы на нем сидеть на привале. Можете взять и запасную обувь, переобуесть на обратном пути, в вагоне или автобусе. В кармане рюкзака — три мази, одна по основной температуре и две по соседствующим; швейный грибок с принадлежностями, легкая отвертка в футляре с набором шурупов в коробочке для ремонта крепления; моток веревки, запасные шнурки и обязательно индивидуальная аптечка. В неё входят: вата, средней ширины обычный бинт, эластичный бинт, вазелин и маленький флакончик с одеколоном вместо йода, который, случайно вылившись, может всё испортить, разные таблетки, строго «хозяйского» выбора. Деньги, маршрутный лист, схема вычерченного пути — в карманах куртки, завернутые в непромокаемые пакетики. В других карманах — компас, складной нож, мини-термометр в коробочке с ватой и на всякий случай — «охотничьи» спички-свечки.

Вот вы полностью и готовы к походу. Пожелаем вам радостного, увлекательного пути!

М. КРУПНОВ-ДЕНИСОВ,
инструктор туризма

походе очень прост и удобен. Упор делаете на горячую пищу дома. С утра у вас дома — горячий плотный завтрак (возможен суп). По окончании похода, опять-таки дома — горячий обед. А на маршруте сделайте два легких завтрака. Берете с собой по две булки на человека, в которые лучше всего вложить по куску сала или по домашней котлете. Не бойтесь от этого пополнить, всё уйдет в энергию! Желательна фляга или термос с теплым какао или с подслащенным теплым молоком, или с кофе с молоком. Костров никаких разводить не нужно — некогда, да и зачем?! Пока с ними возиться будете — только зря охладитесь. Учиться разводить настоящие туристские костры — «нодью», «шалашик», «охотничий» — и ночевать возле них будете, когда пойдете в тяжелые категориальные походы.

Одежда походника — почти вся на вас. Уже из дома вы выходите в лыжных ботинках. Теплые лыжные брюки надеты на летние тренировочные. Белье — бумажное (лучше вентилируется и впитывает пот); сверху — теплая фланелевая рубашка и свитер. Костюм завершает легкая

дюжина славных зверюшек

Конь-огонь 1990

1990 год — год Лошади. По представлениям народов Востока, Лошадь — символ веселья, радости. Она стоит в центре суеты, любит компании и веселье и среди всего этого чувствует себя хорошо. Таким в целом, согласно восточным гороскопам, представляется и весь год.

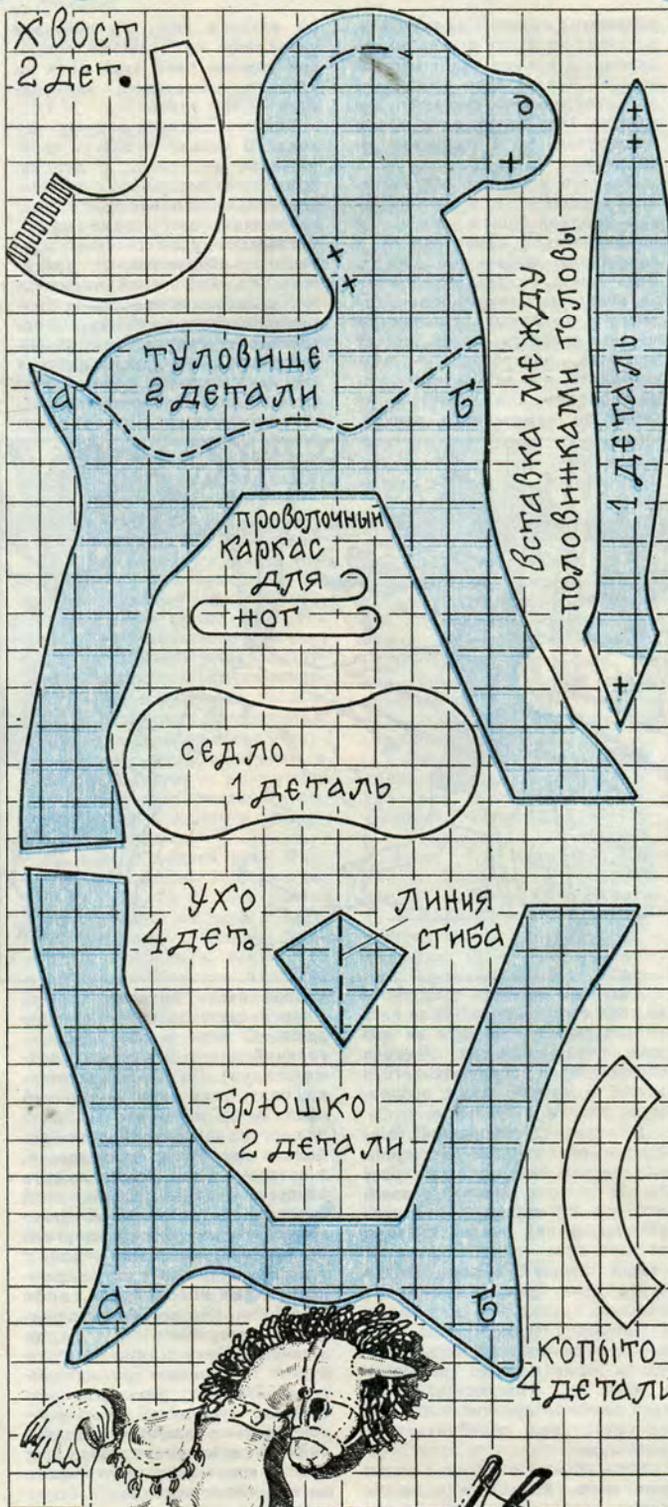
Сувенир-лошадку можно сделать из любой ткани: плюша, сукна, бархата. Выкраивают две части туловища и две части брюшка и шивают так, чтобы линии АБ, отмеченные на чертеже, совпали. На спине оставляют незашитым небольшое отверстие. Между половинками головы вшивают клин (лоб) таким образом, чтобы места, намеченные на выкройке крестиками, совпали. Через незашитое на спине отверстие в передние и задние ноги вставляют проволоочный каркас, после чего сшитую форму набивают ватой. Вначале набивают ноги, проталкивая комочки ваты карандашом. Когда игрушка будет полностью набита, отверстие на спине аккуратно зашивают потайным швом. В дальнейшем это место закрывается седлом.

Уши сгибают по линии сгиба и пришивают к голове. Копыта делают из клеенки любого цвета. Из фетра или сукна, контрастирующего по цвету с основным материалом, выкраивают хвост, гриву и челку. Две части хвоста сшивают петельным швом между собой только по верхней линии. Чтобы хвост лучше держался, между его половинками по верхней части вшивают мягкую проволоку. Конец хвоста надрезают бахромой. Для гривы вырезают полосочку фетра и с одной стороны ее также надрезают бахромой.

Гриву пришивают к голове, на лоб лошадке прикрепляют челку. Хвост и гриву можно делать из шерстяных ниток или кусочков меха. Глаза вырезают из черной клеенки и оттеняют светлыми подглазниками.

Подседельник, седло и уздечку хорошо делать из ярких тканей. Если масть лошадки будет серая с яблоками, то можно их (яблоки) вышить или приклеить, вырезав из ткани. Можно сделать тройку лошадей и сани. Но и одна лошадка готова играть и веселиться вместе с нами.

Е. ГУБАНОВА
г. Борисоглебск
Воронежской области

шахматный лекторий

В этом году «Шахматный лекторий» предлагает читателям наравне с оперативной информацией о важнейших шахматных событиях курс занятий по учебной программе. Мы познакомим вас с элементами шахматной теории, необходимыми для правильной игры и понимания шахмат.

Что такое дебют

Шахматная партия делится на три стадии: начало — дебют, середина — миттельшпиль, конец — эндшпиль.

Современная теория отводит большую роль дебюту. Некоторые теоретические варианты заканчиваются на 20—30 ходу, и если не знать точных ходов, то можно уже в начале партии попасть в тяжелое положение. Мы не ставим перед собой задачу изучить дебютные варианты. Но знать, как правильно расположить свои фигуры в начале игры, должен каждый, кто хочет научиться играть и понимать шахматы.

Все дебюты делятся на открытые (когда партия начинается и со стороны белых и со стороны черных королевской пешкой на е4—е5), полуоткрытые (когда белые начинают пешкой от короля, а черные делают ход любой фигурой) и закрытые (белые начинают любой фигурой, кроме пешки от короля).

В дебюте нужно:

1. Занять пешками центр (это обеспечивает пространственный перевес).
2. Выводить легкие фигуры тоже к центру.
3. Рокировать своего короля.

И еще одно важное правило: в начале партии каждая фигура должна сделать только один ход и не мешать выводу других фигур.

Давайте разберем партию, на примере которой видно, к чему приводит незнание основных элементов шахматной теории.

Итальянская партия

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Cc5 4. c3

Пока с обеих сторон идет правильное разыгрывание дебюта. Белые и черные заняли центр, выводят легкие фигуры. Последний ход белых преследует цель дальнейшего занятия центра путем d2—d4.

4... Fe7 Сомнительный ход. Тяжелые фигуры выводят в последнюю очередь. Лучше Kf6, дальше рокировка.

5. 0—0 d6 6. d4 Cb6 7. Cg5 f6 8. Ch4g5?

Черные не развили свои фигуры, не рокировали короля и приступили к атаке. Это, как правило, плохо заканчивается.

9. K:g5!

Жертва фигуры для того, чтобы вскрыть позицию черного короля.

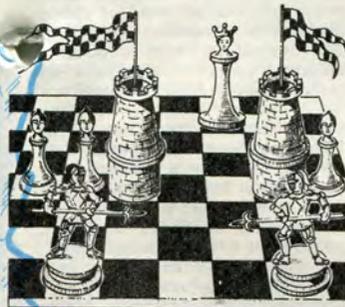
9... f6 10. Фh5+ Kpd7 11. С:g5 Фg7 12. Се6+! Матовая комбинация.

12... Кр:e6 13. Фе8+ Фе7 14. d5X (мат).

Красивый мат черному королю в центре доски.

Черные проиграли, так как, не закончив дебютного развития, приступили преждевременно к атаке короля противника, за что были сразу наказаны.

Таким образом, правильная расстановка фигур в начале партии позволяет к середине игры получить надежную позицию без слабостей в своем лагере. Фигуры, стоящие в центре доски, обладают большей подвижностью, чем фигуры, стоящие на краю доски. А центр обеспечивает своим фигурам пространство и ограничивает подвижность фигур противника.

КОНКУРС ШАХМАТНЫХ СЕМЕЙ

Мы начинаем новый конкурс задач. Напоминаем, что ответы необходимо присылать на почтовых карточках. В первой открытке сообщите свой точный почтовый адрес и состав семейной команды.

ЗАДАНИЕ 1

Позиция белых: Крг1, Фа4, Jа1, Jл1, Кс6, а2, f2, h2.

Позиция черных: Крf8, Фb7, Jа8, Jл8, Сb6 Се6, а7, с7, f7, g7, h7.

Белые начинают и дают мат в 5 ходов.

ЗАДАНИЕ 2

Позиция белых: Крf8, Jлh1, g6. Позиция черных: Крh8, Сg8, g7, h7.

Мат в 2 хода.

Н. ЮНЕВА

ниточка-иглолочка

Зимнее пальто

Дорогая редакция!

Мне очень нравится, что в вашем журнале есть постоянная рубрика «Ниточка-иглолочка». С рождением у меня двоих детей остро встала проблема детской одежды. К сожалению, наша промышленность еще не выпускает в достаточном количестве добротную и красивую одежду для малышей. Поэтому кое-что приходится шить самой, хотя на это нет ни особого умения, ни лишнего времени.

В этом году, например, не смогла найти дочери зимнее пальто. Думаю, не я одна столкнулась с подобной трудностью. Можно конечно, воспользоваться услугами кооперативов, купить ребенку шубку. Но уже больно высоки цены — 70—80 рублей. Такая покупка — довольно ощутимый удар по семейному бюджету... А ведь дома висят мои старые пальто, можно было бы перешить их на детей. Да вот беда, никогда я не шила верхней зимней одежды. Не мог бы журнал напечатать выкройку и рассказ о том, как шить зимнее пальто на маленького ребенка?

Буду вам весьма благодарна.

Д. ГРАЧЕВА

г. Зугрэс

Донецкой области

Часто молодой маме хочется самой, своими руками, шить что-нибудь не очень простое для своего малыша. Мы постараемся помочь вам и предлагаем два варианта зимнего пальто для девочки 3—4 лет: рост 110 см, обхват груди 56 см. Их можно шить по одной выкройке.

Пальто должно быть удобным, теплым, легким и ни в коем случае не стеснять движений ребенка. Рекомендуем для верха пальто взять легкий драп, тонкую пальтовую фланель или использовать ткань от старого «взрослого» пальто (в этом случае у вас есть возможность скомбинировать, к примеру, клетчатую и однотонную ткани, а также использовать старую подкладку и ватин).

Предлагаемые двубортные пальто имеют силуэт «трапеция»; рукава двухшовные; карманы прорезные или в рельефах. меховая отделка пальто выполняется из натурального или искусственного меха. Пальто

направлением долевой на чертеже, закрепляют их булавками и обводят меловыми линиями. Припуски на швы и на подгиб: по плечевым срезам спинки и полочки 1,5—2 см; по срезам горловины спинки 1,5 см; горловины полочки, пройма и борта 1 см; по боковым срезам 2—2,5 см; по линии рельефа средней части полочки 1,5 см, по линии рельефа боковой части — 2; по линии низа 4—6 см; по срезу оката рукава 1,5 см, по локтевому срезу 1,5—2; по переднему срезу рукава — 1; по срезу низа рукава 4—5 см; по срезам подкладки кармана 0,7 см; по нижнему срезу воротника 1,5 см (остальные срезы без припусков

можно украсить аппликацией и бубенчиками из меха. Расход ткани на пальто при ширине 1 м 40 см — 1 м 50 см.

ПОДГОТОВКА ВЫКРОЙКИ

Строят чертежи выкроек выбранного пальто. Если необходимо, вносят изменения в чертеж в соответствии со снятыми с ребенка мерками. Чертеж выкройки бортовой прокладки строят на основании выкройки цельнокроенного подборта (заштрихованная часть выкройки полочки). Контур выкройки подкладки показан на чертеже штриховой линией. Выкройку полочки для пальто с рельефами разрезают по линии рельефа.

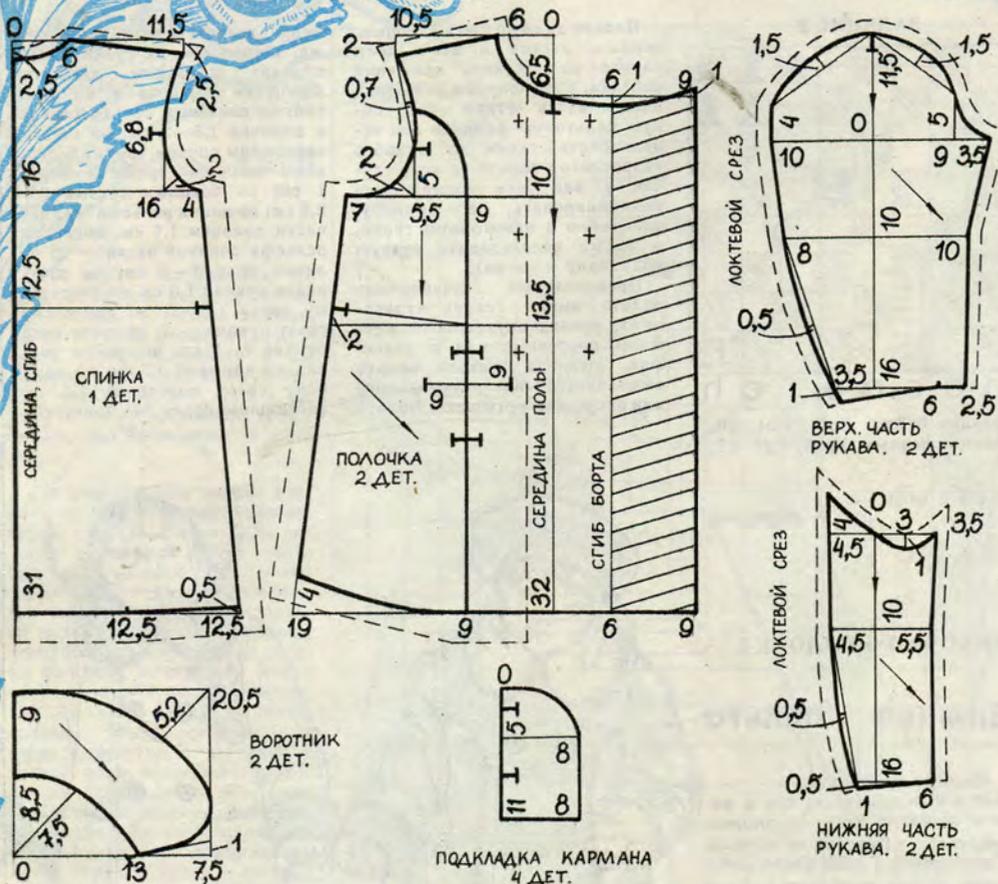
РАСКРОЙ

Раскладывают выкройку на ткани, следя за совмещением долевой нити ткани с указанным

на швы).

Выкраивайте: полочки для пальто с рельефами — две средние и две боковые части (средние с цельнокроенным подбортом); для пальто без рельефов две полочки с цельнокроенным подбортом; одну спинку; две верхние и две нижние части рукава; две детали воротника; четыре детали подкладки кармана из подкладочной ткани. Подкладку настраивают на ватин и выкраивают вместе с ватином (расстояние между строчками 4—5 см). Перед раскроем бортовой прокладки ткань для нее кладут в горячую воду на 2—3 часа с целью усадки, высушивают. Бортовую подкладку выкраивают без припусков на швы. Из меха выкраивают 1 деталь воротника и две детали манжеты.

ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ

ШИТЬЕ

Прокладывают копировальные стежки по всем меловым линиям, кроме передних срезов рукава, отмечают прямыми сметочными стежками середину спинки, ставят контрольные знаки. Положение кармана уточняют, приложив полочку к фигуре девочки. Детали края и оставшуюся ткань верха увлажняют и прутуживают по изнанке, не разрезая копировальных стежков. Передние срезы рукава скрепляют булавками и оттягивают утюгом вместе. Локтевые срезы верхних частей рукава слегка разутуживают. Сутуживают также плечевые срезы спинки.

Затем обрабатывают карман. Технологию обработки карманов мы давали в предыдущих номерах нашего журнала в рубрике «Школа шитья».

Сметывают боковую и среднюю части полочки по линии рельефа (со стороны боковой части). Их стачивают в два приема от плечевых срезов до уровня кармана и от кармана до низа пальто. У входа в карман строчку закрепляют обратным ходом. Шов разутуживают.

Стачивают подкладку, оставляя припуски 1—1,5 см. Припуски на швы по рельефу направляют в сторону средней части полочки и прокладывают отделочную строчку в 1 см от

края. Строчку закрепляют у кармана обратным ходом. Рельеф прутуживают по изнанке через влажную ткань, нитки прометывания удаляют.

Теперь полочки соединяют с бортовой прокладкой. Полочку кладут изнанкой на бортовую прокладку и намечивают. Затем полочку прутуживают со стороны прокладки через влажную ткань. Выстегают борт редкими косыми стежками вручную в три ряда от горловины до низа. Бортовую прокладку по горловине, сгибу борта и линии подгиба по низу полочки срезают, отступая от края на 0,7 см. Прметывают кромку: по горловине свободно, по сгибу борта вверх с небольшим натяжением, далее до низа свободно, от сгиба борта по линии низа на 10—12 см без натяжения. Кромку закрепляют косыми ручными стежками сначала к ткани верха, затем к бортовой прокладке. Подборт отгибают на изнаночную сторону и выметывают по краю.

Боковые и плечевые срезы спинки и полочки сметывают, отгибают в сторону спинки и сметывают по лицевой стороне. Припуск на подгиб по низу пальто подгибают в сторону изнанки и сметывают.

Подготавливают рукава к примерке: сметывают и стачивают передние срезы верхней и нижней частей рукава, швы разутуживают;

сметывают локтевые срезы, припуски на швы разутуживают; сметывают локтевые срезы, припуски на швы откладывают в сторону нижней части; сметывают по лицевой стороне; подгибают и сметывают низ рукава. По всему окату на расстоянии 1 см от края прокладывают две параллельные строчки частыми ручными стежками, создавая посадку в основном в верхней части оката.

Стачивают детали воротника и приметывают его к горловине. Примеряют пальто на ребенка, соединив полочки булавками посередине переда. Плечевой шов должен проходить посередине плеча, боковой шов должен быть расположен отвесно; уточняют форму проймы; отмечают положение воротника на горловине.

Прикалывают к пройме правый рукав, подгибая срез по окату; одной булавкой у верхнего контрольного знака; второй со стороны спинки; третьей со стороны полочки, совмещая контрольные знаки. Рукав должен располагаться отвесно, без заломов и перекосов. При необходимости посадку на окате подтягивают или ослабляют. Уточняют длину рукава.

После примерки переносят изменения в форму проймы и рукава (если они были) на левую сторону, воротник отпаривают.

Выкраивают меховые манже-

ты с припусками по 0,5 см — 0,7 см.

Стачивают передние срезы подкладки рукавов, разутуживают швы. Из хлопчатобумажной ткани выкраивают прокладку для укрепления низа рукавов. Она должна быть шире подгибки на 1 см. Ее намечивают на низ рукава с изнанки, приложив выше линии подгиба на 0,2—0,3 см. Срезы прокладки пришивают ручными стежками. Стачивают локтевые срезы верха рукава и подкладки, разутуживают швы. Сметывают рукав верха с подкладкой по линии низа, складывая детали лицевыми сторонами внутрь и стачивают. Подкладку выворачивают на изнанку рукава. Рукав намечивают на подкладку, отступая от шва притачивания внизу на 7—8 см, от оката на 10—12 см, следя за совмещением швов верха и подкладки.

Обрабатывают борта: отгибают подборт на лицевую сторону; обтачивают верхние срезы до уровня втачивания воротника, закрепляя шов обратным ходом; рассекают припуски на швы в конце строчки, срезают их в углу, оставив 0,3 см; разутуживают шов; выворачивают подборт на изнаночную сторону пальто и выметывают со стороны борта.

Подгибают низ пальто внутрь на ширину подборта вместе с подбортом и подшивают частыми стежками, сложив вместе. Борт прутуживают. На расстоянии 1 см от края борта прокладывают отделочную строчку. Пришивают внутренний срез подборта к бортовой прокладке редкими косыми стежками, прутуживают полочки. На правой полочке обрабатывают прорезные петли на машинке или вручную. Длина петли равна диаметру пуговицы плюс 0,2—0,25 см.

Стачивают боковые срезы спинки и полочек, швы разутуживают.

Заметывают низ пальто, прутуживают и подшивают срез низа ручными косыми стежками.

Стачивают боковые срезы спинки и полочек подкладки (не утюжить) и пришивают ручными стежками срезы боковых швов подкладки, не доходя до прийма на 7—8 см.

Пришивают мелкими косыми ручными стежками, подгибая срезы полочек подкладки к срезам подборта. Подгибают срез низа подкладки и пришивают его к припуску на подгиб пальто, оставляя напуск, мелкими косыми стежками и прутуживают, не увлажняя.

Стачивают плечевые срезы пальто, швы разутуживают. Уточняют линию проймы, закрепляют ее тамбурным швом на расстоянии 0,2 см от линии втачивания в рукава. К плечевому шву пальто пришивают подкладку полочки, не доходя до проймы 2—3 см. Срезают излиш-

День рождения — праздник детства

ки ткани, подгибают внутрь плечевой срез подкладки спинки и пришивают мелкими стежками.

Из ситца или тонкой бортовки выкраивают прокладку воротника так же, как воротник. Детали стачивают. Прокладка настегивается на нижний воротник редкими ручными стежками. Нижний срез воротника отгибается на изнанку на 1,5 см и пришивается к прокладке ручными стежками. Меховой воротник перегибается мехом внутрь пополам и прикрепляется редкими стежками к прокладке нижнего воротника вдоль, не доходя до боковых срезов 4—5 см. Отгибают воротник и редкими косыми стежками прикрепляют мех на отлетах воротника, делая посадку на углах, следя за тем, чтобы верх воротника был свободнее нижней его части. Затем верх воротника пришивают частыми косыми стежками, отгибая его на нижний воротник на 1,5 см.

Припуск на шов горловины пальто отгибается на изнанку и подшивается мелкими косыми ручными стежками. Нижний срез нижнего воротника совмещается серединой с серединой спинки и пришивается вправо и влево от центра мелкими косыми стежками (нитками в цвет ткани пальто). Срез горловины подкладки отгибают на изнанку и подшивают. Меховая часть воротника подкладывается под подкладку на 1,5 см и пришивается вручную (не забудьте вложить вешалку!).

Рукав вкладывают в пройму, совмещая контрольные знаки, и вметывают, начиная с нижней части оката. Втачивают рукава (со стороны рукава). Подгибают срез подкладки рукава по окату в сторону изнанки, закрепляют булавками, совмещая швы со швами верха и пришивают к пройме частыми косыми стежками.

Меховые манжеты накладывают на лицевую сторону рукава, располагая их ниже подогнутого края рукава на 0,5—0,7 см, приметывают нижний край манжеты к припуску на подгиб, верхний край закрепляют на рукава и пришивают оба края частыми косыми стежками.

Пальто очищают от ниток, отутюживают по лицевой стороне и пришивают пуговицы.

О. УЛЬЯШЕВА,
Л. БАГМЕТ

Чтобы день рождения стал настоящим праздником для вашего ребенка, подготовку к нему надо начинать заранее. Оговорите на семейном совете, сколько детей вы сможете пригласить, учитывая вместимость квартиры, бюджет семьи. Лучше всего позвать на праздник детей одного возраста: ровесникам будет гораздо интереснее вместе. Приглашать гостей надо заранее, чтобы не спутать планы других семей.

Больше всего ценится то, во что вложен собственный труд. А значит, во всех подготовительных работах первым помощником должен быть ваш ребенок. Вместе с ним вы сможете оформить для гостей красочные пригласительные билеты. В ход пойдут яркие лоскутки материи, фломастеры, цветная бумага. Плюс фантазия — и получатся очень забавные слонята, утята, тигрята на пригласительных билетах. Текст приглашения (составленный с выдумкой и юмором) — на развороте. Обязательно укажите в нем, когда, куда и во сколько зван гость. Это немаловажно, дети покажут приглашение своим родителям, а значит — явка будет обеспечена ровно в назначенный час, в надлежащем виде.

Итак, гости приглашены. Теперь забота, чем их занять. Это тоже должно быть сделано заранее. Естественно, вместе с ребенком. Например, для игры «Вопросы — ответы» нужно склеить два разноцветных конверта. В одном (по числу присутствующих или нескольких в большем) вопросы типа: «Считаешь ли ты себя самым умным и красивым? Когда ты будешь учиться на один пятерки? Прогуливаешь ли ты уроки?» А в другом конверте ответы типа: «Только этим и занимаюсь. Ночами не сплю, только об этом и думаю. Об этом лучше скажет сосед справа». И тому подобное... Чем неожиданнее сочетание вопроса-ответа, тем смешнее.

Или вот «Именинная ромашка». Вырезаются из твердой бумаги лепестки и желтый кружок с прорезьями. На обратной стороне лепестков задания: «Исполни для именинника песню. Спляши. Организуй хоровод «Каравай». И так далее.

Можно устроить веселую игру «Кто первый?». К двум одинаковым по размеру и весу машинкам привязывают одинаковые по длине веревки, при-

крепленные к двум одинаковым палочкам. По свистку или взмаху флажка дети, сидящие рядом на стульях, начинают накручивать веревки на палочки. Веселье через край, а кроме того — развивается мелкая моторика рук. Равнодушных нет. Итак, кто впереди?

И вот день рождения уже завтра. С вечера начинается необходимая подготовка еды. И опять же рядом ваш главный помощник — ребенок. Что он может? Например, сделать вкусное желе из желатина и сиропа. А потом вместе с вами украсит его ягодами из вишневого варенья, дольками апельсина или мандарина. Для каждого гостя — в отдельной вазочке.

Или вместе с папой мелко наломать полкило сухого печенья для «Сливочного полезна». Маме останется размягчить на плите в кастрюле две пачки сливочного масла, всыпать туда измельченное печенье, стакан сахарного песка, тщательно перемешать содержимое со столовой ложкой какао, двумя желтками. А в самом конце добавить два белка. Затем выложить на два полиэтиленовых пакета, посыпать сверху орехами. Вернуть в эти два пакета, закрепить с двух сторон резинками, положить в морозильник или на балкон. А к чаю нарезать и красиво выложить на тарелку.

Для детей помладше можно сделать крошечные (четвертушку или восьмушку куска хлеба) бутерброды с сыром, маслом, яйцом, паштетом или колбаской (тартинки). Выложить их на тарелку, а в середину каждого воткнуть спичку (конечно, без головки): интересно и удобно брать.

И вот раздается звонок — пришел первый приглашенный. Нарядный именинник сам открывает дверь. Самому пунктуальному гостю вручается приз. Им может быть яркий значок или воздушный шарик. Чтобы пришедшим гостям не было в тягостно ожидать остальных, они вместе с именинником могут заняться играми типа «Попади в цель», настольными «Хоккеем», «Футболом», различными головоломками.

С большим интересом ребята будут рассматривать фотогазету (естественно, если вы о ней заранее позаботитесь) в виде сказки или забавной истории, где главные персонажи они сами. А разве смогут пройти мимо приветствия, зашифрованного в форме шарады?

Забав для дня рождения может быть множество. Как и что сделать, зависит только от вас. Главное — учесть возраст ребят, их интересы. И пока идет праздник, вы должны их ненавязчиво направлять, переключать с игры на игру, сдерживать или наоборот, подбадривать.

Интересно, например, проходит игра «Дорисуй кошку». На листе бумаги — кот без глаз, усов, хвоста... Все это плюс котик, нос, язык, даже бант или сапоги (если детей много и каждому хочется принять участие) надо дорисовать с завязанными глазами. Вот и получается порой, что хвост изображен на месте уха...

Очень любят ребята загадки: как загадывать, так и отгадывать. Тут вполне можно использовать игровой момент. Например, раскрутить клоуна-неваляшку, на кого он своим красным носом покажет — тот загадывает или, наоборот, отгадывает.

При смене блюд на столе, например, перед подачей горячей пищи можно провести «Отгадайку». Сладкий приз (конфету, жевательную резинку или маленькую шоколадку) заклеивают бумажками с 10—15 загадками. Отгадал — разверни верхнюю бумажку, нет — передай дальше. Приз получает тот, кто отгадал самую сложную последнюю загадку.

Очень нравятся ребятам забавы вроде «Откуси яблоко». Крупное яблоко привязывают за черенок и подвешивают. Участники должны по одному подходить, убирать руки за спину и пытаться откусить яблоко. Сделать это будет не просто. Не верите? Попробуйте...

Перед концом вечера для того, чтобы утihnомить юных гостей, можно устроить просмотр диафильмов или настольные игры. А потом вежливо поблагодарить ребят за то, что пришли поздравить вашего ребенка. По возможности лучше выйти всем вместе и проводить детей, начиная с тех, кто живет дальше. А когда вы вернетесь после этой прогулки домой, спросите сына или дочь, понравился ли день рождения. Я, надеюсь, что в ответ вы услышите «Очень». И еще: «Спасибо за праздник!»

О. ЗАМЯТИНА
г. Киров

Жан-Оноре Фрагонар

«Поцелуй украдкой»

Во Франции XVIII века были художники тоньше, чем Фрагонар (например, Ватто), мощнее, чем он (Шарден), величественнее (Давид), но, пожалуй, не было ни одного, кто бы так полно и всесторонне выразил свое время, свой век.

Живопись Фрагонара — зеркало десятилетий перед Великой французской революцией. И сам Фрагонар — плоть от плоти этих десятилетий.

Он родился в 1732 году в Грассе, на юге Франции; его предок Джанпьеро Фрагонарди, родом итальянец, переехал из Ломбардии в Прованс; его отец держал в Грассе перчаточную мастерскую. Лет семнадцати Фрагонар, или Фраго, как называют его французы, отправился в Париж. Он собирался поступить учиться к модному тогда живописцу Буше, однако разборчивый и капризный мэтр принял его не сразу; какое-то время ему пришлось поработать в мастерской Шардена. В известности Шарден сильно уступал Буше, но был намного талантливей его. Так что Фрагонару, можно сказать, повезло. Потом он учился в Академии, написал большую картину на мифологический сюжет и в награду был отправлен пенсионером в Рим. Это было в 1752 году. Сохранились рапорты римского резидента Академии. Он сообщал своему начальству в Париж, что Фрагонар талантлив, но слишком горяч и нетерпелив. Сам же Фрагонар вспоминал, что поначалу в Риме он был подавлен величием и совершенством старых мастеров; у него буквально опускались руки; но гордость и темперамент вскоре взяли свое, и он принялся за работу, присматриваясь к тем художникам, с кем, по его собственным словам, «мог все же надеяться когда-нибудь сравняться». На первых порах образцом для него стала живопись Тьеполо. Вообще, восприимчивость и способность усвоения были у него в крови. Он брал повсюду, где находил. И едва ли задумывался, как совместить несовместимое. Работая в Италии, на юге Европы, он не забывал и о севере: изучал фламандскую живопись, полнокровие и психологизм которой сильно повлияли на манеру его портретов. В Риме подружился с Гюбером Робером, пейзажистом, чьей специальностью был архитектурный ландшафт, и на его собственных картинах появились замысловатые дворцы, стоящие в великоленных куцах. Мощная творческая индивидуальность Фрагонара как-то сама собой, не нуждаясь в эстетических оправданиях, примиряла различные элементы, приводя их в равновесие

и гармонию. Несколько лет проработав в Риме, Фрагонар не создал особенных шедевров, зато именно в римские годы он стал окончательно самим собой.

Возвратившись в Париж, Фрагонар решительно отказался от карьеры академического живописца, которая открывалась перед ним, суля довольство и благополучие. Наверно, он видел прямую взаимосвязь между концепцией академической картины с ее иерархией ценностей, пред-установленным величием и регламентированным пафосом абсолютистского государства и понимал, что эпоха абсолютизма, а с нею и золотой век академической живописи находятся на ущербе. Он не захотел принести себя в жертву призракам. Это был решающий выбор в жизни Фрагонара. В Париже, по словам старинного биографа, он «стал писать идеалистические жанры и пасторали в духе Ватто и Буше, сцены интимной жизни пикантного, иногда беззастенчиво-эротического содержания, декоративные панно, портреты, миниатюры, акварели, пастели и по временам заниматься офортным гравированием».

Впрочем, биограф едва ли прав, говоря о зависимости Фрагонара от Ватто и Буше. Сходство между ними, конечно, есть, но есть и различие, и оно важнее. Эротические фантазии и галантные празднества Фрагонар писал без лунатической меланхоличности Ватто и без кокетливой пряности Буше. Трезвость и душевное здоровье царили в его живописи. Как бы ни фантазировал Фрагонар, в его фантазиях всегда ощущалась привлекательная плетейского здравомыслия. Он знал цену всем этим купидонам, сатирам, нимфам и не очень-то принимал их всерьез. Ватто и особенно Буше полностью сливались со своим материалом. Фрагонар же сохранял осматрительную дистанцию.

Очень важно, что эротизм и фантазии далеко не исчерпывали круг его живописных тем. Тематический и жанровый репертуар Фрагонара шире, чем у кого бы то ни было из французских художников его времени. Он писал бытовые сцены с моралистическим привкусом. Писал портреты (иногда — знаменитых, как, например, Дидро, людей), и в этих портретах был безупречным реалистом, ясно видящим и хорошо понимающим модель. Много и замечательно рисовал (его пейзажи сангиной — новое слово в искусстве пейзажа). Иллюстрировал Ариосто и Лафонтена. Он был общителен, открыт и любопытен; много читал, и ученье находило в его картинах сюжеты из книг

Руссо, Мармонтеля, мадам де Жанлис. Его интересовали природа, общество и человек, и он как сын своего времени смотрел на них достаточно беспристрастно — без фанатизма и без иллюзий, принимал их такими, какие они есть, и, в сущности, ничего не ждал от них. Это был взгляд поколения энциклопедистов с их эмоциональным холодком, скепсисом и внутренней свободой. И поколение признало Фрагонара своим художником. В шестидесятых — восьмидесятых годах он был чрезвычайно знаменит, богат и с удовольствием пользовался плодами успеха.

Как раз в эти годы и была написана картина, которую мы репродуцируем, — «Поцелуй украдкой». Ныне она хранится в Эрмитаже. Это очень характерная для Фрагонара вещь. Он как бы на грани бытового и фривольного жанра. Посмотрите, какая непосредственность и психологическая правда в лицах и позах таящихся влюбленных и вместе с тем — какая театральность и лукавая ирония. Фрагонар, далекий, вообще говоря, от того, что называется «поэтичностью», был тем не менее именно поэтом жизни как она есть — во всем своем мимолетном очаровании и комизме...

Начавшаяся в 1789 году революция резко переломила судьбу Фрагонара. Все, чем он жил до сих пор, перестало существовать. Распался круг друзей и заказчиков. Кто-то оказался в эмиграции, кто-то сложил голову на гильотине. Фрагонар обеднел. Разумеется, эпоха Фрагонара подготовила революцию, да и сам он не был ей чужд, если не в бытовом, то в духовном плане. И все-таки места в новом времени для него не было. Он понял и принял это с редким умом и достоинством. Он был еще не так уж и стар и мог бы, вероятно, еще работать, но в 1792 году положил кисть и больше не прикасался к ней. Вероятно, ему претило быть в двусмысленном положении какого-то обломка минувшего, какой-то живой руины, которую терпят по необходимости и даже оказывают лицемерные почести. Едва ли он одобрял жалкие попытки своего сверстника, художника Греза — мастера милостивых детских и девических головок — в той же манере писать портреты Робеспьера и Сен-Жюста. Он знал, что всему свое время. И до самой смерти в 1806 году, наблюдая небывалые потрясения во Франции и по всей Европе, сохранял спокойное и горделивое одиночество.

В. АЛЕКСЕЕВ

Снегурочка

(По народным сюжетам)

Жили-были старик со старухой. Жили ладно, дружно. Всё бы хорошо, да одно горе — детей у них не было.

Вот пришла зима снежная, намело сугробов до пояса, высыпали ребятишки на улицу поиграть, а старик со старухой на них из окна глядят да про своё горе думают.

— А что, старуха, — говорит старик, — давай мы себе из снега дочку сделаем.

— Давай, — говорит старуха.

Надел старик шапку, вышли они на огород и принялись дочку из снега лепить. Скатали они снежный ком, ручки, ножки приладили, сверху снежную голову приставили. Вылепил старик носик, рот, подбородок. Глядь — а у Снегурочки губы порозовели, глазки открылись; смотрит она на стариков и улыбается. Потом закивала головкой, зашевелила ручками, ножками, стряхнула с себя снег — и вышла из сугроба живая девочка.

Обрадовались старики, привели её в избу. Глядят на неё, не налюбуются.

И стала расти у стариков дочка не по дням, а по часам; что ни день, то всё краше становится. Сама беленькая, точно снег, коса русая до пояса, только румянца нет вовсе.

Не нарадуются старики на дочку, души в ней не чают. Растёт дочка и умная, и смыслёная, и весёлая. Со всеми ласковая, приветливая. И работа у Снегурочки в руках спорится, а песню запоёт — заслушаешься.

Прошла зима. Начало пригревать весеннее солнышко. Зазеленела трава на проталинах, запели жаворонки.

А Снегурочка вдруг запечалилась. — Что с тобой, дочка? — спрашивают старики. — Что ты такая невесёлая стала? Иль тебе неможется?

— Ничего, батюшка, ничего, матушка, я здорова.

Вот и последний снег растаял, зацвели цветы на лугах, птицы прилетели.

А Снегурочка день ото дня всё печальнее, всё молчаливее становится. От солнца прячется. Всё бы ей тень да холодок, а ещё лучше — дождичек.

Раз надвинулась чёрная туча, посыпался крупный град. Обрадовалась Снегурочка граду, точно жемчугу перекачному. А как снова выглянуло солнышко и град растаял, Снегурочка заплакала, да так горько, словно сестра по родному брату.

За весной лето пришло. Собрались

девушки на гулянье в рощу, зовут Снегурочку:

— Идём с нами, Снегурочка, в лес гулять, песни петь, плясать.

Не хотелось Снегурочке в лес идти, да старуха её уговорила:

— Пойди дочка, повеселись с подружками!

Пришли девушки со Снегурочкой в лес. Стали цветы собирать, венки плести, песни петь, плясать, хороводы водить. Только одной Снегурочке по-прежнему невесело.

А как свечерело, набрали они хворо-

сту, разложили костёр и давай друг за дружкой через огонь прыгать. Позади всех и Снегурочка встала.

Побежала она в свой черёд за подружками. Прыгнула над огнём и вдруг растаяла, обратилась в белое облачко. Поднялось облачко высоко и пропало в небе. Только и услышали подружки, как позади простонало. «Ау!» обернулись они — а Снегурочки нет.

Стали они кликать её:

— Ау, ау, Снегурочка!

Только эхо им в лесу откликнулось...

